НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ РУССКИХЪ

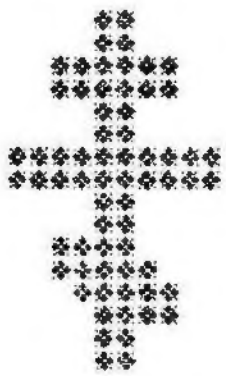
АРХИПАСТЫРЕЙ и ПАСТЫРЕЙ.

Избраны изъ русскихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ для чтенія въ христіанской семьѣ.

Составилъ священникъ Екатеринбургской епархіи

Евлампій Бирюковъ.

г. Камышловъ.
Типографія н-цъ Н. П. Бушуевой.
1905 года.



НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ РУССКИХЪ

АРХИПАСТЫРЕЙ и ПАСТЫРЕЙ.

Избраны изъ русскихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ для чтенія въ христіанской семьѣ.

Составилъ Священникъ Екатеринбургской эпархіи

Евлампій Бирюковъ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, Августа 13 дня, 1905 года. Цензоръ, Протоіей Александръ Гиляревскій

2007096126

Отъ составителя.

Въ нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ —„Странникъ“, „Душеполезное Чтеніе“, „Воскресный День“, „Историческій Вѣстникъ“, „Русская Старина“ и друг. за прежніе годы были напечатаны поучительные разсказы изъ жизни православнаго русскаго духовенства. Эти разсказы важны въ томъ отношеніи, что прекрасно характеризуютъ жизнь и дѣятельность и отношенія къ приходскому духовенству нашихъ русскихъ знаменитыхъ іерарховъ —Митрополита Филарета Московскаго, Митрополита Филарета Кіевскаго и очень многихъ другихъ архипастырей. Въ этихъ разсказахъ нѣтъ ничего вымышленнаго, лживаго, они написаны правдиво, съ дѣйствительною жизнію вѣрно. Читаются эти разсказы съ захватывающимъ интересомъ. По изложенію они просты, кратки, но многосодержательны. По своей назидательности и простотѣ изложенія эти разсказы весьма пригодны для чтенія на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ приходскихъ священниковъ съ простымъ народомъ и для чтенія въ христіанской семьѣ. Такъ какъ большинство нашего русскаго духовенства, особенно сельскаго, не въ состояніи, за скудостію своихъ матеріальныхъ средствъ, выписывать періодическіе духовные и свѣтскіе журналы, стоющіе не малыхъ денегъ, да и не всегда могутъ имѣть подъ руками данный журналъ; то мы, желая придти на помощь духовенству, составили сборникъ „назидательныхъ разсказовъ“, собравъ въ оный болѣе замѣчательныя и назидательныя сообщенія. Сборникъ этотъ мы и предлагаемъ благосклонному вниманію читателей.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ

изъ жизни православнаго русскаго духовенства.

1. Вліяніе молитвы Митрополита Филарета Московскаго.

Въ своихъ воспоминаніяхъ (напечатанныхъ въ „Историч. Вѣстн.“) графиня Л. А. Растопчина разсказываетъ о замѣчательномъ случаѣ вліянія молитвы на духовное единеніе молящихся. Больна была Е. П. Растопчина. По мѣрѣ того, какъ тѣло ея истощалось страданіями и голодомъ, душа ея очищалась отъ всего земного и грѣховнаго, и понявъ, что смерть близка, она стала къ ней готовиться съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и покорностію. Всегда почитая Митрополита Филарета, она просила его друга, Н. В. Сушкова, передать ему просьбу помолиться за нее. Святитель прислалъ ей свое благословеніе. Въ Москвѣ тогда жила одна набожная особа, кажется, Новосильцева, которая также была больна и пользовалась милостивымъ вниманіемъ митрополита. Ей приснилось, что онъ къ ней вошелъ, благословилъ ее и сказалъ: „Я теперь пойду къ такой же страдалицѣ, какъ и ты, къ графинѣ Растопчиной“. И точно, въ тотъ же день и въ туже минуту дочь Растопчиной, сидѣвшая у постели больной матери, вдругъ увидала, что маменька приподнимается съ просвѣтленнымъ лицомъ, что-то проговорила, низко наклонила голову, а затѣмъ громко вскричала: „Да провожайте же! Провожайте!“ „Кого?“—спросила дочь.—„Митрополита Филарета, онъ сейчасъ былъ у меня“.—Впослѣдствіи Н. В. Сушковъ спросилъ у митрополита Филарета, помнитъ ли, что онъ дѣлалъ въ такой-то день и часъ? „Помню, я былъ въ молельнѣ и молился за вашу племянницу и за Новосильцеву“. (Русск. Паломн. 1904 г. № 23).

2. *Случай изъ жизни Митрополита Филарета Московскаго.*

Въ журналѣ „Странникъ“ сообщается слѣдующій случай изъ жизни Митрополита Филарета Московскаго. Противъ одного священника было много обвиненій; духовное начальство запретило ему служить. Это запрещеніе было подано митрополиту Филарету на утвержденіе.

Дѣло было на страстной недѣлѣ. Митрополитъ Филаретъ проживалъ тогда въ Чудовѣ монастырѣ. Онъ взялъ уже перо, чтобы подписать запрещеніе, но почувствовалъ, какъ будто бы перо ослушалось его. Онъ отложилъ подписаніе до слѣдующаго дня.

Ночью видитъ онъ сонъ: предъ окнами—толпа народа разнаго званія и возраста и о чемъ-то громко толкуетъ и обращается къ нему. Митрополитъ подходитъ къ окну и спрашиваетъ—чего имъ надо? „Оставь намъ священника; не отстраняй его!“ проситъ толпа. Митрополитъ, по пробужденіи, велѣлъ позвать къ себѣ осужденнаго священника: „Какія ты имѣешь за собой добрыя дѣла? Открой мнѣ“, обращается онъ къ священнику. „Никакихъ, Владыка“, отвѣчалъ священникъ, „я достоинъ наказанія“. Но Владыко съ настойчивостью убѣждаетъ его подумать. „Поминаешь ли ты усопшихъ“, спрашиваетъ Филаретъ.—Какъ же, Владыка. Да, у меня такое правило: кто подаетъ разъ записочку, я ужъ постоянно на проскомидіи вынимаю по ней частицы, такъ что и прихожане ропщутъ, что у меня проскомидія дольше литургіи, а я уже иначе не могу“.

Филаретъ не запретилъ священнику служить, а перевелъ его на другой приходъ, объяснивъ ему, что умершіе были за него ходатаями. Это такъ тронуло священника, что онъ приложилъ стараніе къ исправленію своему и отличался потомъ примѣрною жизнію. („Стран.“. 1893 года).

3. *Митрополитъ Филаретъ Московскій въ отношеніи къ дѣламъ милосердія.*

„Филаретъ, Митр. Моск. пишетъ г. Покровскій въ „Очеркахъ Москвы“ (въ „Истор. Вѣстн.“), считалъ христіанское милосердіе долгомъ, и въ своей личной жизни исполнялъ этотъ долгъ почти на всѣ

сумму своихъ доходовъ, ибо деньгами никогда не интересовался, скопидомствомъ никогда не занимался и даже не зналъ въ любую данную минуту, сколько у него денегъ и есть-ли онѣ у него, вспомоществованія-же и подаянія раздавалъ и направо и налѣво, и прямо въ руки просителямъ, приходившимъ на Троицкое подворье, и во всевозможныя благотворительныя учрежденія, и на всевозможныя филантропическія цѣли. Но слащаваго сердолюбія и неразсудительнаго мягкосердечія онъ и не понималъ, и за добродѣтель не признавалъ, почему на глазахъ многихъ и представлялся жестокосердымъ". Авторъ подтверждаетъ это слѣдующимъ разсказомъ. „Ѣхалъ однажды Ѳедоръ Петр. Гааза (учредитель полицейской больницы) куда-то по какому-то безотлагательному дѣлу; вдругъ видитъ, что съ возомъ сѣна, ѣхавшимъ впереди его что-то попритчилось: соскочило-ли колесо, или раскололось, но только возъ сильно накренился и грозитъ повалиться на мостовую и придавить своего хозяина. Соскочилъ сердобольный старецъ съ дрожекъ, и ну помогать мужику; не успѣли они ничего еще сдѣлать, останавливается коляска, сидящій въ ней старецъ вылѣзаетъ вонъ и присоединяетъ къ ихъ усиліямъ свои. Это былъ князь Сергѣй Михаиловичъ Голицынъ, предсѣдатель опекунскаго совѣта, первый московскій аристократъ той эпохи, одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ царскому семейству вельможъ. Но такъ какъ онъ былъ старецъ еще древнѣе своего пріятеля Гаазе, да и дѣло для нихъ было не совсѣмъ привычное, то не мудрено, что они не столько помогали мужику, сколько мѣшали, топчась безплодно вокругъ воза. Около этой группы собралась порядочная толпа зѣвакъ, такъ что когда къ мѣсту происшествія приблизилась карета шестерней, то сидѣвшій въ ней третій старецъ подходящаго къ нимъ возраста, въ бѣломъ клобукѣ, не могъ не обратить на нихъ вниманія, узнавъ въ нихъ своихъ пріятелей, и по личному къ нимъ расположенію, и по совмѣстной службѣ въ тюремномъ комитетѣ,—поровнявшись съ ними, благословилъ ихъ и при этомъ, какъ имъ казалось, не безъ насмѣшливости улыбнулся. Когда, встрѣтившись съ митрополитомъ послѣ этого уличнаго свиданія, филантропы спросили его о смыслѣ улыбки, такъ ихъ смутившей, Филаретъ будто бы не обинуясь отвѣтилъ, что не могъ не разсмѣяться, видя, что два столь почтенные мужа отъ чистаго сердца занимаются бездѣльничествомъ.—Какъ бездѣльничествомъ? Да мы помогали бѣдняку.—Ну, и помогли-ли? Оказалось, что нѣтъ, не они помогли, а другіе, а что они послѣ этихъ другихъ

наградили деньгами. Вотъ съ этого-бы и начать,—замѣтилъ Филаретъ:—ибо васъ уже никто не наградилъ за напрасно потерянное время, и вы уже сами виноваты передъ тѣми, ко вреду коихъ его потеряли. Ни тотъ, ни другой старецъ будто-бы не нашлись возразить на такое нравоученіе"... („Странникъ" 1883 г.).

4. Митрополитъ Филаретъ и его школьный товарищъ—іерей Іоаннъ.

Епископъ Іаковъ, бывшій въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ митрополитомъ Филаретомъ, имѣлъ привычку записывать въ особую тетрадку все, касающееся жизни своего друга и покровителя этого свѣточа русской церкви.

Заимствуемъ слѣдующую запись изъ этой тетрадки.

Въ одинъ изъ московскихъ монастырей поступилъ іеромонахомъ овдовѣвшій старый полковой священникъ. По свойственной человѣку слабости, онъ одно время предавался спиртнымъ напиткамъ. Нѣсколько разъ пробовалъ увѣщевать его архимандритъ, старикъ раскаивался, бросалъ пить, но скоро забывалъ всѣ свои благія намѣренія. Тогда архимандритъ принужденъ былъ обратиться къ митрополиту Филарету, прося его наложить на провинившагося протоіерея епитимью и хотя временно подвергнуть его запрещенію.

Филаретъ не долюбливалъ частыя жалобы стараго архимандрита и на повторенія ихъ отвѣчалъ ему: „Всѣ-то не по тебѣ, тотъ не хорошъ, другой дуренъ. Ну выбирай себѣ ангеловъ, а ужъ грѣшниковъ постарайся самъ исправить". Но тѣмъ не менѣе, не прекращавшіяся жалобы побудили, наконецъ, Филарета наложить запрещеніе на бывшаго полкового священника.

Запрещеніе было уже написано, но еще не подписано владыкой, когда онъ прилегъ на диванъ для обычнаго послѣобѣденнаго отдыха. Едва успѣлъ онъ сомкнуть глаза, какъ увидалъ передъ собой своего покойнаго покровителя, незабвеннаго для него, митрополита Платона. Онъ стоялъ передъ нимъ въ простомъ легкомъ подрясникѣ, съ бархатной скуфейкой на головѣ, какъ часто бывало прежде, когда онъ

гулялъ по саду. Въ глазахъ его читалась просьба, когда онъ проговорилъ:

„Василій Михайловичъ (подъ этимъ свѣтскимъ именемъ зналъ покойный Платонъ своего преемника). Прости согрѣшившему отцу Ивану".

Только что хотѣлъ Василій Дроздовъ (Митрополитъ Филаретъ) обратиться, какъ бывало, къ глубокоуважаемому имъ Платону, какъ видѣніе исчезло, и Митрополитъ Филаретъ проснулся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго сна.

„Какой это отецъ Иванъ? Мало ли у меня ихъ, отцовъ Ивановъ?"—думалось митрополиту. За своими многочисленными занятіями онъ вскорѣ забылъ свое видѣніе, но на слѣдующую ночь увидалъ второй такой же необычайный сонъ.

Ему приснился императоръ Александръ I, въ своемъ походномъ генеральскомъ мундирѣ, въ трехуголкѣ съ перьями на головѣ, какъ онъ одѣвался въ походъ противъ Наполеона I. Императоръ обратился къ митрополиту съ слѣдующими словами:

„Не гнѣвайся, преподобный отецъ, на моего храбраго священника Ивана".

„Ты, сердцевѣдецъ Создатель, Ты все знаешь,—думалъ Митрополитъ по пробужденіи,—научи меня, какой же это, наконецъ священникъ Иванъ, ради котораго являются души съ того свѣта просить о его помилованіи". Записавъ себѣ на память нѣсколько словъ на аспидной доскѣ, какъ это дѣлалъ всегда, чтобы не забыть случайно пришедшія ему въ голову мысли, онъ снова крѣпко заснулъ. Тутъ явилось уже третье видѣніе въ лицѣ фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго. Храбрый побѣдитель Наполеона I предсталъ передъ митрополитомъ сѣдовласымъ старцемъ, изнуреннымъ смертельной болѣзнью, постигшей его во время преслѣдованія бѣжавшаго великаго полководца. И Кутузовъ обратился къ Филарету съ просьбой:

„Не осуди моего духовнаго отца Ивана, будь снисходителенъ къ его слабостямъ".

Только что хотѣлъ Митрополитъ поднять руку для благословенія больного старца, какъ видѣніе изчезло, точно растаяло, и онъ опять проснулся. Уже свѣтало, онъ всталъ сильно взволнованный этими тремя необычайными снами. Преклонивъ колѣни передъ своимъ аналоемъ, Митрополитъ обратился съ сердечной молитвой къ Господу о просвѣщеніи. Когда же онъ сѣлъ за работу, то первое, что ему

попалось подъ руку, была бумага, о запрещеніи совершить тайны, налагаемомъ на неисправимаго протоіерея Іоанна. Тутъ Митрополитъ воскликнулъ: „Такъ вотъ онъ, этотъ отецъ Иванъ, судьба котораго тревожитъ такія великія души и заставляетъ ихъ являться съ просьбами ко мнѣ недостойному! Онъ былъ, вѣдь, при арміи и, вѣроятно, они его знали. Но что означаютъ всѣ эти видѣнія? Что можетъ такъ тревожить души дорогихъ мнѣ отшедшихъ въ вѣчность"? Онъ послалъ въ монастырь за неисправимымъ протоіереемъ, приказывая ему явиться къ себѣ въ назначенный часъ, но никому не сообщилъ занимавшихъ его мыслей.

Съ нахмуреннымъ и строгимъ лицомъ встрѣтилъ онъ виновнаго іеромонаха, высокаго, сильнаго старика, съ длинной бородой, въ которой сквозь сѣдину пробивался черный волосъ. Тотъ бросился въ ноги Митрополиту и сказалъ со слезами на глазахъ:

—Я знаю, зачѣмъ ты меня призвалъ. Забудь мои прегрѣшенія и не запрещай этой десницѣ благословлять народъ; она благословляла на бой императора.

Эти слова и слезы старика произвели сильное впечатлѣніе на Митрополита, но онъ подавилъ волненіе и сказалъ:

— Встань, слабый человѣкъ, и разскажи мнѣ, какъ прошла твоя жизнь, откуда ты?

— Я сынъ дьячка, учился въ Московской духовной академіи.

— Такъ ты помнишь, навѣрно, Митрополита Платона, когда онъ былъ профессоромъ въ академіи?

— Помню-ли я!—воскликнулъ протоіерей, всплеснувъ руками, и обильныя слезы полились на его сѣдую бороду.—Мнѣ, да и не помнить моего благодѣтеля! Да отсохнетъ мой языкъ, если я когда забуду превозносить и благословлять его! Да отступится отъ меня Господь, если я когда отойду ко сну, не помолившись за него. Онъ любилъ меня, какъ отецъ сына—я былъ его лучшимъ ученикомъ, и онъ пророчилъ мнѣ блестящую будущность; но Господь, видно, судилъ иначе: я вышелъ въ бѣлые священники, а у Платона явился другой, болѣе достойный меня преемникъ, Василій Михайловичъ Дроздовъ, звѣзда котораго ярко засіяла вмѣстѣ съ почіющимъ надъ нимъ до сихъ поръ благословеніемъ Платона.

Говоря это, протоіерей плакалъ, да и у Филарета тоже полились слезы умиленія при мысли о Платонѣ, который избралъ его

своимъ духовнымъ преемникомъ въ проповѣди слова Божія. Этотъ провинившійся монахъ и владыка, державшій въ своихъ рукахъ его судьбу, были одинаково близки сердцу Платона.

— Разсказывай дальше, проговорилъ, наконецъ, Филаретъ.

— Дальше,—я женился, и міръ окончательно завладѣлъ мною; что и было у меня въ зачаткахъ, унесли житейскія бури. Я поступилъ въ армію и съ нею пошелъ противъ повелителя галловъ.

— Такъ, такъ, и ты имѣлъ случай видѣть покойнаго Императора Александра I?

— Часто пѣлъ я благодарственные молебны послѣ побѣдъ, дарованныхъ нашему оружію, и эта недостойная десница благословляла монарха, цѣловавшаго ее съ истинно христіанскимъ смиреніемъ.

— Ты принималъ участіе въ битвахъ?

— Меча я не бралъ въ руки, но силою креста нашего Господа три раза разсѣевалъ вражью силу, и поднимая его передъ рядами нашего слабѣющаго войска, внушалъ ему новое мужество и отвагу, и велъ противъ врага. Солдаты и полководцы, да и самъ монархъ очень любили меня; разъ онъ даже поцѣловалъ меня въ уста, при чемъ слезы такъ и заблестѣли въ его добрыхъ, дорогихъ глазахъ.

— Такъ вотъ ты какой! подумалъ Филаретъ, всматриваясь въ высокую, статную фигуру протоіерея. Дѣйствительно, мѣсто такого іерея въ рядахъ войска.—Ты говоришь, что тебя любили полководцы; не состоялъ ли ты и при Кутузовѣ-Смоленскомъ?

— При немъ не состоялъ, но вліятельный князь любилъ меня. Когда онъ опасно заболѣлъ въ Германіи, въ городѣ Бунцлау, то я, недостойный, принялъ его послѣднюю исповѣдь, причастилъ его и напутствовалъ въ жизнь вѣчную.

„Такъ это и есть храбрый іерей Иванъ,—думалъ Филаретъ, снова глядя на каявшагося протоіерея, стоявшаго теперь передъ нимъ съ опущенной головой.—Жизнь его полна бурь и приключеній, но въ свое время онъ былъ настоящимъ пастыремъ своего стада и сдѣлалъ много добра. Тутъ не совсѣмъ обычное стеченіе обстоятельствъ, и я не осужу храбраго отца Ивана, буду добръ и снисходителенъ къ нему, прощу его по завѣту моего духовнаго отца Платона“.

И, сдѣлавъ ему приличное наставленіе, онъ благословилъ и отпустилъ его.

— Иди и впредь не грѣши,—сказалъ Филаретъ протоіерею.

И отецъ Иванъ продолжалъ совершать тайны, но не впадалъ болѣе въ свое прегрѣшеніе. („Воскресн. День“ 1902 г. № 25).

5. Замѣчательный случай прозорливости святит. Филарета Митрополита Московскаго.

Въ „Душеполезн. Чтеніи“ за 1903 годъ передается замѣчательный случай прозорливости святителя Филарета, происшедшій послѣ кончины его въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и имѣлъ мѣсто въ семьѣ Грозовыхъ.

Елизавета Борисова Грозова, жена священника Московскаго Зачатьевскаго монастыря Павла Сергѣев. Грозова, исправлявшаго одно время должность иподіакона при Митрополитѣ Филаретѣ и пользовавшагося всегда особеннымъ расположеніемъ къ нему со стороны этого святителя, будучи обременена многочисленною семьею въ скоромъ времени и готовясь быть матерію, обратившись, можетъ быть, тайно за духовною помощію къ почившему святит. Филарету, который принималъ всегда такое близкое участіе въ судьбѣ ея мужа и его родни, видитъ однажды во снѣ этого святителя. Подошедши къ нему сама за благословеніемъ и подведши къ нему нѣкоторыхъ дѣтей своихъ, она попросила у него молитвъ за нихъ. Святитель Филаретъ, воззрѣвъ на одного ея сына, сказалъ про него: „онъ будетъ хорошій схимникъ“. Про другого же, на слова матери, что онъ плохо учится, сказалъ, что „онъ будетъ учиться впредь такъ себѣ“, велѣвъ предварительно погладить голову умнаго человѣка и этою же рукою провести потомъ по его головѣ. Когда же Грозова съ горестію повѣдала Владыкѣ, что ей вскорѣ предстоитъ еще быть матерію, то онъ ей сказалъ: „не горюй, судьбу ея,—твоей дочери, устроятъ двѣ монахини“, указавъ при этомъ на двухъ монахинь, стоявшихъ тутъ же около него. Далѣе, во снѣ Грозова увидала большой храмъ и въ немъ множество людей, стоящихъ съ просфорами и записками и держащихъ кверху поднятыя руки. Владыка при этомъ сказалъ ей: „смотри, сколько людей молится за меня по смерти. А когда я живъ былъ, многіе меня бранили. Просфоры же ты имъ будешъ давать“. На этомъ кончилось знаменательное сновидѣніе. Мы

сказали: знаменательное, потому что оно впослѣдствіи оправдалось, можно сказать, съ буквальною точностію.

Такъ, прежде всего, сбылось предсказаніе святителя Филарета, высказанное имъ Грозовой въ сонномъ видѣніи, относительно судьбы ея самой. Послѣ смерти своего мужа, послѣдовавшей въ 1882 г., она опредѣлена была на другой годъ митрополитомъ Іоанникіемъ просфорницей къ новому, только что освященному тогда, каѳедральному собору во имя Христа Спасителя, гдѣ и оставалась до самой кончины свей, послѣдовавшей въ 1900 г. Такимъ образомъ исполнилось предсказаніе святителя Филарета относительно раздаванія Грозовой просфоръ въ большомъ храмѣ,—предсказаніе, изреченное ей еще за долго до исполненія его. Исполнились также слова святит. Филарета о количествѣ людей, подававшихъ, особенно на первыхъ порахъ послѣ освященія собора, записки и помянники, содержащіе въ себѣ приснопамятное и незабвенное имя этого святителя.

Что касается судьбы ея сыновей и одной изъ дочерей, то она, согласно высказаннымъ словамъ того же святителя Божія, замѣчательнымъ образомъ сбылась въ ихъ будущей жизни. Одинъ изъ ея сыновей, дѣйствительно, учился все время въ средней духовной школѣ „такъ себѣ“ и кончилъ курсъ въ ней, послѣ того, какъ сдѣлано было надъ нимъ по указанію святителя. Другой же сынъ Грозовой, вскорѣ послѣ случившагося съ нею сновидѣнія, заболѣлъ, будучи трехъ лѣтъ отъ роду, припадками и впалъ потомъ въ совершенное параличное состояніе, лишившись рукъ и ногъ. Въ такомъ состояніи онъ пробылъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ, находясь по большей части въ темной комнатѣ, вдали отъ міра и людей, не зная, что дѣлается вокругъ него, однимъ словомъ, живя, какъ настоящій „схимникъ“. Наконецъ, что касается предсказанія судьбы одной изъ дочерей Грозовой, то и оно исполнилось въ свое время съ необыкновенною точностію. Примѣчательно здѣсь особенно то, что эта судьба предсказана была ей святителемъ Филаретомъ тогда, когда она еще не появилась на свѣтъ, и, стало быть, неизвѣстно было, кто родится у Грозовой: сынъ или дочь. Дѣйствительно, судьба ея впослѣдствіи устроена была двумя монахинями: одной, уже покойной теперь, игуменіею Московскаго Алексѣевскаго монастыря Антоніей, а другой, доселѣ, здравствующей, игуменіей Москов. Зачатьевскаго монастыря Валентиной, которая не однажды слышала изъ устъ самой Грозовой

разсказъ о чудесномъ сновидѣніи святителя Филарета. („Душепол. Чтен.“ 1903 г.)

6. Воспоминаніе объ одномъ изъ распоряженій М. М. Филарета въ святую четыредесятницу.

Предъ наступленіемъ Великаго поста пришли къ Митрополиту Московскому Филарету двѣ знатныхъ дамы. Испросивъ у Владыки благословеніе, госпожи сіи обратились къ нему съ просьбою: указать имъ духовника. Владыка съ недоумѣніемъ спросилъ просительницъ: ужели сами онѣ не нашли въ Москвѣ священника, которому могли бы съ довѣріемъ поручить свою совѣсть. Тѣ отвѣчали: простите великодушно насъ грѣшныхъ, ваше высокопреосвященство, если мы сознаемся вамъ, что насъ соблазняетъ дозволеніе себѣ извѣстныхъ намъ священниковъ играть въ нашихъ свѣтскихъ домахъ въ карты. А мнѣ позвольте васъ вопросить, отвѣчалъ святитель дамамъ:—приглашаете ли къ себѣ священниковъ для бесѣдъ о духовныхъ истинахъ вѣры и о спасеніи души?... Госпожи замялись въ отвѣтъ на данный вопросъ.. Митрополитъ продолжалъ: а рано ли вы приходите въ церковь на литургію, и слушаете ли проповѣдь священническую, когда таковая предлагается народу при окончаніи литургіи?—Женщины, смущенныя послѣднимъ вопросомъ, сказали: „Приходимъ, владыко святый, иногда предъ чтеніемъ Евангелія, иногда же позднѣе: во время Херувимской пѣсни. Проповѣди не слушаемъ, въ надеждѣ прочитать дома въ книгахъ о томъ, о чемъ говорится проповѣдь.—Такъ вотъ, милостивыя государыни,—продолжалъ митрополитъ:—когда священники видятъ, что вы—люди свѣта и въ церквахъ не слушаете слова Божія, и въ домахъ вашихъ о немъ ихъ не спрашиваете, а между тѣмъ сознаютъ свою обязанность оное проповѣдывать всюду, и благовременно и безвременно, они и садятся съ вами свѣтскими за зеленые столы, чтобы здѣсь—въ промежуткахъ текущей игры—хоть малое нѣчто изречь вамъ своимъ духовнымъ чадамъ въ назиданіе. Отвѣтомъ митрополита вопросительницы такъ остались утѣшены и довольны, что со слезами цѣловали много разъ руки первосвятителя...

и со слезами же на глазахъ испросили у него себѣ прощеніе и благословеніе на наступавшій Великій постъ.—Когда же въ прощальное Воскресенье явились къ митрополиту священники для испрошенія себѣ прощенія и благословенія, владыка митрополитъ повѣдалъ имъ о бывшихъ у него двухъ совопросницахъ, и въ заключеніе сказалъ: такъ вотъ, отцы и братіе, прошу васъ въ наступающую четыредесятницу отъ игры въ карты поудержаться. Да смотрите, точно исполните эту мою вамъ просьбу. Я зорко буду слѣдить. И кто не послушается, того строго оштрафую.—Мирно и тихо протекли дни святыя четыредесятницы и за нею дни святой и великой седмицы страстей Господнихъ, какъ и все благодатное время святительствованія въ Московской церкви Филаретова проходило мирно и спокойно. Настало Свѣтлое Христово Воскресеніе. Пришли христосоваться къ митрополиту всѣ, въ числѣ всѣхъ и священники. Послѣ пасхальной съ гостями трапезы, домохозяинъ, отпустивъ свѣтскихъ отъ себя, духовенство пріостановилъ и, благословляя священниковъ, сказалъ имъ: благодарю васъ, отцы и братіе, что оказали послушаніе мнѣ: никто изъ васъ въ протекшемъ посту за зеленый столъ не садился. Но если вы могли удержаться отъ игры въ карты во дни поста, можете и всегда удерживаться отъ этой забавы дѣтской, несвойственной людямъ солиднымъ, а во священникахъ и весьма предосудительной. Такъ теперь снова прошу васъ и прошу усерднѣйше, оставить это пустое, но иногда и гибельное удовольствіе, чтобы не подавать соблазна духовнымъ вашимъ чадамъ. Таковъ разсказъ преосвященнаго Платона архіепископа Костромскаго о незабвенномъ М. М. Филаретѣ. („Душепол. Чтен.“ 1892 г.“)

7. Разсказъ о митрополитѣ Филаретѣ Московскомъ.

Г. Куклинъ приводитъ въ „Одесскомъ Листкѣ“ слышанный имъ разсказъ о митрополитѣ Филаретѣ, характеризующій почившаго іерарха и важный въ томъ отношеніи, что выражаетъ мнѣніе о немъ простого народа. Разсказъ этотъ относится къ тому времени, когда Филаретъ былъ только что возведенъ въ санъ митрополита Московска-

го, но слава о немъ гремѣла уже по всей Россіи, какъ объ умномъ и строгомъ пастырѣ церкви, столпѣ православія, а проповѣди его читались наперерывъ. Разсказъ клонится къ тому, чтобы опровергнуть другіе разсказы о митрополитѣ Филаретѣ, въ которыхъ высказывалось, что онъ будто-бы „своихъ родственниковъ опредѣлялъ на доходныя мѣста“.

И такъ, когда Филаретъ сдѣлался митрополитомъ Московскимъ, при сельской церкви въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уѣздовъ Московской губерніи—служить пономаремъ его родственникъ, товарищъ по школѣ и другъ его дѣтства. Онъ былъ человѣкъ недалекій, даже читалъ и пѣлъ плохо, но былъ тихій и смирный и всѣ прихожане его любили. Когда повсюду стало извѣстно, что родственникъ пономаря сдѣланъ митрополитомъ, то многіе изъ прихожанъ стали совѣтовать пономарю сходить къ митрополиту и попроситься, если не во священники, то, по крайней мѣрѣ, во діаконы, а женѣ его снилось и видѣлось непремѣнно быть хотя діаконицею. Пономарь долго отмалчивался, не рѣшаясь обратиться къ митрополиту—родственнику со своею просьбой. Но вотъ представился удобный случай: въ сосѣднемъ приходѣ умеръ діаконъ.

Не долго думая, пономарь нашъ, надѣвши котомку на плечи, отправился въ Москву къ родственнику—митрополиту проситься на это мѣсто.

Добрался до Москвы, распросилъ, какъ ему дойти до митрополита, и, безъ робости и страха, отправился въ его покои. Когда митрополиту доложили, что пришелъ къ нему родственникъ и желаетъ съ нимъ увидѣться, митрополитъ принялъ его и даже самъ вышелъ въ прихожую къ нему на встрѣчу. Тотъ, было, при видѣ его, повалился ему въ ноги, но митрополитъ удержалъ его, обнялъ и поцѣловалъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, провелъ онъ его въ свои покои, и пошли, какъ водится, спросы и разспросы: какъ живешь—поживаешь? Пономарь сначала стѣснялся и конфузился, а потомъ видитъ, что митрополитъ привѣтливъ и ласковъ съ нимъ, пріободрился и говоритъ ему:

— А я вѣдь, ваше высокопреосвященство, къ вамъ съ просьбой.

— Что могу—съ удовольствіемъ сдѣлаю, отвѣчалъ ему родственникъ—митрополитъ.

— Нельзя ли, говоритъ, опредѣлить меня во діакона? Тутъ по

сосѣдству отъ насъ въ приходѣ умеръ діаконъ, такъ и мѣсто есть свободное.

— Хорошо, говоритъ, очень радъ тебѣ услужить... Только нужно будетъ, какъ полагается, экзаменъ сдать... Ты у меня погостишь и тѣмъ временемъ почитаешь и поприготовишься къ экзамену. И нанесъ ему митрополитъ разныхъ учебныхъ книгъ, и комнату особую ему отвелъ.—Занимайся, молъ, приготовляйся къ экзамену. А нашему пономарю гдѣ готовиться, когда онъ и читать-то плохо умѣлъ. Оставшись одинъ, онъ перелистывалъ ту и другую книгу, ему все незнакомыя, не для него писаны... Ну, да что, думаетъ, экзаменъ—это одна проформа, родственникъ—митрополитъ все дѣло уладитъ. Этими думами и успокоился онъ.

Прошло довольно много времени. Пономарь жилъ на митрополичьихъ хлѣбахъ, пока ему это не прискучило. Наконецъ присылаетъ къ нему митрополитъ монаха—экзаменатора.

О чемъ ни спросилъ его этотъ монахъ, пономарь нашъ ни въ зубъ толкнуть, какъ говорится: или смолчитъ на вопросъ, или скажетъ, что онъ этого не знаетъ. Поспрашивалъ—поспрашивалъ его монахъ—видитъ, что отъ него толку не добиться, и ушелъ. Затѣмъ зоветъ его къ себѣ митрополитъ и говоритъ:—„Какъ же я опредѣлю тебя во діакона, когда ты ничего не знаешь?... Ты попроси, говоритъ, у меня денегъ, или чего другого,—я не откажу тебѣ, а благодати Святаго Духа тебѣ дать не могу. Это будетъ, говоритъ, святотатство и великій грѣхъ, за который я долженъ буду дать отвѣтъ предъ Богомъ.

Такъ и отказалъ ему дать мѣсто діакона. И съ чѣмъ ушелъ нашъ пономарь, съ тѣмъ же и домой пришелъ; какъ былъ пономаремъ, такъ и возвратился изъ Москвы отъ родственника—митрополита въ томъ же чинѣ... Оно дѣйствительно, митрополитъ не оставлялъ его и часто посылалъ ему денегъ, а все-таки діаконства не далъ. Такъ родственникъ митрополита Филарета и умеръ пономаремъ. („Странникъ“ 1892 года № 12).

8. Мудрость богомудраго.

Подъ такимъ заглавіемъ въ журналѣ „Странникъ“ за 1888 годъ передается такой разсказъ о митрополитѣ Филаретѣ Московскомъ.

„Въ одномъ селѣ Московской епархіи долгое время священствовалъ іерей, котораго не только прихожане, но и всѣ знавшіе его искренно уважали и любили за примѣрную жизнь и ревностную дѣятельность, какъ истиннаго пастыря церкви. Такого мнѣнія о немъ былъ и митрополитъ Филаретъ. Но вотъ какому искушенію подвергся онъ. Заболѣлъ тяжкимъ недугомъ одинъ изъ его прихожанъ, очень достаточный поселянинъ; проситъ батюшку напутствовать его, т е. исповѣдать и причастить Св. Тайнъ. По совершеніи напутствія больной передаетъ своему духовному отцу довольно значительную сумму денегъ, съ просьбою, по его смерти, употребить эти деньги на благотворительныя дѣла по личному усмотрѣнію его, какъ священника. Отецъ духовный принялъ деньги, сказавши, что свято исполнитъ волю своего духовнаго сына. Но проходитъ нѣкоторое время, больной сталъ поправляться, наконецъ, совсѣмъ выздоровѣлъ. Выздоровѣвши, приходитъ онъ къ своему батюшкѣ и проситъ возвратить деньги, чтобы лично распорядиться съ тою же благотворительною цѣлію. Такъ какъ напутствіе больного происходило безъ свидѣтелей, то священникъ сказалъ, что онъ никакихъ денегъ отъ своего духовнаго сына не бралъ.

Является обиженный къ митрополиту Филарету и разсказываетъ эту исторію, печальную не столько для него, сколько для его духовнаго отца. Филаретъ выслушиваетъ, и, по дару своей дивной прозорливости, убѣждается, что разсказанное не подлежитъ сомнѣнію. „Иди съ миромъ и не говори, что былъ у меня“—такъ напутствовалъ мудрецъ этого простеца и велѣлъ вызвать обвиняемаго. Является обвиняемый; митрополитъ съ лаской принимаетъ его, какъ одного изъ достойнѣйшихъ пастырей своей епархіи, и говоритъ: „Я желаю, чтобы ты завтра отслужилъ литургію въ моей крестовой церкви“ Служитъ іерей Божій литургію, и вотъ настаютъ минуты принятія священникомъ св. Тайнъ. Іерей положилъ на свои скрестившіяся длани частицу Тѣла Христова и готовъ произносить: „Вѣрую, Господи, и исповѣдаю“, какъ является Филаретъ и говоритъ ангельски-тихимъ голосомъ: Остановись! Взялъ деньги? Взялъ. Врагъ искусилъ тебя.

Отдай. Теперь со страхомъ Божіимъ и вѣрою пріими Святыя Тайны во исцѣленіе согрѣшившей души твоей.

Литургія кончилась. Священникъ подходитъ подъ благословеніе къ своему владыкѣ, конечно со страхомъ и трепетомъ; но мудрый архипастырь сказалъ только одно: „Теперь ты можешь съ миромъ отправиться домой“. („Странникъ“ 1888 года).

9. Какъ Митрополитъ Филаретъ исцѣлилъ больного отъ запоя.

Въ „Душепол. чтеніи“ напечатанъ разсказъ одной женщины, приводимый протоіереемъ І. Г. Виноградовымъ. Мужъ этой женщины страдалъ запоемъ, раззорилъ весь домъ и замучилъ несчастную жену. Ей кто-то посовѣтовалъ: „Сходи на Троицкое подворье, попроси помолиться—преосвященнѣйшаго владыку Филарета; можетъ быть тебя Господь, по его молитвамъ, и утѣшитъ“. Она пришла какъ разъ къ выѣзду куда-то митрополита. Прихожу: вижу, у подъѣзда стоитъ карета въ шесть лошадей. Народу, народу,—„и все бѣднота, какъ и я грѣшная,—и не сочтешь. Какими-то судьбами, толкаясь другъ о друга, меня приперли почти къ самой каретѣ. Вотъ вижу его, батюшку, ведетъ подъ мышечку келейникъ, лакей отворяетъ дверцу у кареты... Какъ онъ, батюшка, взглянетъ на меня такъ зорко, что я испугалась, но успѣла сказать: „Владыка святый, помолись за раба Божія Петра!“... „Молись, говоритъ, и сама, и я помолюсь“... Онъ уѣхалъ.

По совѣту какого-то добраго человѣка женщина однако не ограничилась этимъ, а пришла на пріемъ митрополита.

Вхожу; тутъ ужъ дождались владыку власти и именитые купцы; владыка вошелъ, лакей снялъ съ него верхнюю одежду и принялъ посошекъ. Онъ перекрестился и поклонился предъ иконою, потомъ, когда всѣ поклонились ему, онъ тутъ всѣхъ бывшихъ благословилъ,—и смотритъ то на ту, то на другую сторону, въ лѣвой рукѣ у него просвирочка. Вдругъ онъ глазками остановился на мнѣ, и никто къ нему не подходитъ; меня кто-то толкнулъ, говоря; „иди“. Вы и вообразить не можете, какъ я перепугалась; вижу, онъ чуть-чуть

подвигается ко мнѣ, я упала ему въ ноги; онъ благословилъ меня и, отдавая мнѣ просвирочку, сказалъ: „Я помолился за Петра, это—отдай ему, пусть скушаетъ; Богъ дастъ ему сонъ, ты не тревожься". Снова благословилъ меня и пошелъ въ свои покои. Не помню, какъ я отъ него вышла; я точно на крыльяхъ прилетѣла домой; мужа не было; пришелъ наконецъ очень поздно и сталъ браниться на меня, гдѣ я пропадала. Я молчала: съ пьянымъ что говорить; уложила спать, помолилась Богу, поубрала кое-что, да сама скоро улеглась. На другой день поднялся мой ранехонько и сразу запросилъ: „давай водки!" Я говорю: „Сейчасъ схожу, а ты вотъ покамѣстъ скушай просфорочку за твое здоровье".

— Тебѣ говорятъ, водки давай, а не просфорочку; ѣшь ее сама"... Я упала предъ нимъ на колѣни, упрашиваю, умаливаю Христомъ Богомъ покушать хотя немного... Послушался, отщипнулъ крошечку, перекрестился, положивъ въ ротъ. „Ну говорить, гдѣ водка-то?"—Сейчасъ, говорю, принесу". Иду за ней, а сама въ душѣ молюсь: Господи, помоги ему, горькому, скушать всю просфорочку! Прихожу съ водкой; вижу, онъ сидитъ точно задумавшись, облокотясь на столъ и, увидавъ меня, спрашиваетъ: „Откуда-ты взяла такую просфору? Я всю съѣлъ и тебѣ не оставилъ,—какая вкусная!" Я обрадовалась и говорю: „Слава Тебѣ, Господи!" и затѣмъ откровенно разсказала, что я была на Троицкомъ подворьѣ и тамъ получила за его здоровье просфору; налила ему чай, онъ выпилъ одну чашечку, говоритъ: „знать, я рано всталъ, что-то дремлется; я здѣсь (на койкѣ) прилягу"... И заснулъ; я напилась чаю, убрала самоваръ и посуду,—вижу, онъ спитъ крѣпко; пришло время къ ужину, а онъ все спитъ,—я поужинала и, не будивъ его, сама улеглась; такъ прошла ночь мирно; настало утро; я проснулась, по долгу христіанскому помолилась, сбѣгала на базаръ по домашнему хозяйству—а онъ все спитъ. Часу въ 11-мъ онъ проснулся... Ну, думаю, сейчасъ запроситъ водки. Что же вы думали? Онъ говоритъ: „Давай скорѣе! чаю". Я налила и вполголоса спрашиваю: „А водочки принесть?"—Нѣтъ говоритъ, не надо, чаю... И чтобъ ея никогда не было, говоритъ, не надо. Думаю себѣ: Господи, укрѣпи его!... И вотъ съ этого-то дня про водку и помину не было; пересталъ ходить по трактирамъ,—и въ гости рѣдко-рѣдко бывало соберется. Сталъ заниматься по настоящему работой. Такъ мы жили въ мирѣ и довольствѣ. Господь послалъ ему болѣзнь; потрудился онъ, приготовился по христіан-

ски, какъ слѣдуетъ, и умеръ тихо. Я похоронила его, какъ подобаетъ: было чѣмъ... Скажите же, добрый господинъ: кому я обязана возвращеніемъ моего мужа на путь истинный, и по чьимъ онъ молитвамъ сподобился христіанской кончины? („Воскресный день“ 1899 года).

10. Изъ жизни покойнаго митрополита Кіевскаго Платона.

Въ молодости своей митрополитъ Платонъ былъ нѣсколько разъ чудесно спасаемъ Божественнымъ промысломъ и невидимо направляемъ на служеніе церкви.

Еще будучи семинаристомъ, онъ шелъ пѣшкомъ на праздникъ Пасхи къ своимъ родителямъ. Надо было переходить Волгу въ то время, когда ледъ былъ готовъ уже тронуться. Крестьяне не пускали молодыхъ людей идти по льду, но отважные юноши не послушали добрыхъ совѣтовъ. Нѣсколько разъ ноги ихъ проваливались въ воду, мѣстами они должны были ползти. Въ ту самую минуту, когда юноши ступили на противоположный берегъ, Волга тронулась и ледъ пошелъ всею своею массою внизъ по рѣкѣ. Одна секунда позднѣе, и погибель была бы несомнѣнна.

Платону было уже 19 лѣтъ. Онъ присутствовалъ на свадьбѣ своего дяди и ѣхалъ на первой тройкѣ вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой. Лошади рванули и юноша, сидѣвшій на переднемъ сидѣньѣ, попалъ подъ лошадей. Платье и шляпа были попорчены копытами лошадей но Платонъ остался невредимъ.

Архіепископъ Платонъ ѣхалъ изъ Риги въ Донскую епархію. По дорогѣ изъ Воронежа въ Новочеркасскъ, поздно ночью, знаменитый путешественникъ дремалъ, и ему показалось, что онъ почувствовалъ толчекъ. Мгновенно онъ пробудился и остановилъ лошадей, крикнувъ: „стой“. Высокопреосвященный вышелъ изъ экипажа, и оказалось, что онъ остановилъ лошадей на половинѣ моста въ то время, когда другая половина его разобрана. Нѣсколько шаговъ впередъ, и экипажъ высокопреосвященнаго полетѣлъ бы въ пропасть.

Въ мірѣ митрополитъ Платонъ назывался Николай Ивановичъ

Городецкій. Постригаясь въ монахи, онъ хотѣлъ избрать себѣ имя Никандръ, означающее, по словопроизводству съ греческаго языка то же, что и Николай. Но архимандритъ Иннокентій (Борисовъ) сказалъ ему: „у монаха своихъ желаній не должно быть, узнаемъ, какое тебѣ имя назначаетъ Божій промыслъ". Написавъ рядъ именъ на отдѣльныхъ бумажкахъ и свернувъ ихъ, Иннокентій заставилъ Н. И. Городецкаго вынуть жребій. На вынутой бумажкѣ было написано: „Платонъ".

Митрополитъ Платонъ много разъ разсказывалъ о случаѣ, бывшемъ съ нимъ въ бытность его инспекторомъ семинаріи. Онъ принималъ горячее участіе въ слабомъ и болѣзненномъ, но съ прекрасною душою и сердцемъ, студентѣ Крыловѣ. Когда Крыловъ тяжко заболѣлъ и былъ въ лазаретѣ, Платонъ оказывалъ ему отеческое вниманіе, но Платонъ не думалъ, что Крыловъ боленъ уже предсмертною болѣзнію. Однажды ночью, когда Платонъ сидѣлъ за работою, онъ неожиданно почувствовалъ какое-то движеніе въ своемъ кабинетѣ. Поднялъ голову и увидалъ стоящаго передъ нимъ студента Крылова. Удивленный такимъ несвоевременнымъ приходомъ студента, Платонъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, но замѣтилъ, что стоящій предъ нимъ Крыловъ какъ-то неестественно прозраченъ. Крыловъ смотрѣлъ на него ласковымъ, молящимъ взглядомъ. Черезъ нѣсколько секундъ видѣніе исчезло. Рано утромъ Платонъ послалъ узнать въ лазаретѣ о состояніи здоровья Крылова и получилъ отвѣтъ, что Крыловъ въ эту ночь умеръ, именно въ то время, когда видѣніе явилось Платону въ его кабинетѣ.

Точно также митрополитъ Платонъ имѣлъ знаменія и видѣніе въ минуты смерти своего отца и своей матери. Когда умерла мать онъ видѣлъ ясно три женскія фигуры, покрытыя чернымъ покрываломъ. Въ этотъ день умерла его мать и въ одинъ день съ нею, отъ холеры, два его дяди.

Будучи мальчикомъ 10 лѣтъ, онъ увязался съ своей матушкой, Парасковьей Васильевной, идти на богомолье въ г. Осташковъ въ обитель преп. Нила Столобенскаго. Первый день быстрый мальчикъ не отставалъ въ усердіи отъ старшихъ путешественниковъ, но на другой день не могъ и стать на ноги, такъ что мать его должна была докончить путешествіе на нанятой для него лошади. Гуляя по острову около Ниловой пустыни, мальчикъ нашелъ подкову и несъ

ее въ монастырь, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, предсталъ предъ мальчикомъ монахъ, высокій ростомъ, съ сѣдиною въ бородѣ и спрашиваетъ: „гдѣ ты взялъ эту подкову?“ „Вотъ тамъ нашелъ“,—отвѣчалъ мальчикъ. „А зачѣмъ же она тамъ лежитъ? Ее кто нибудь тамъ возьметъ.—Куда же ты ее несешь?—„Вотъ туда, въ монастырь, отдамъ кому нибудь. Да возьми ты ее у меня, дѣдушка“.—Инокъ взялъ находку у мальчика, благословилъ его, положивъ рубу на голову его, и сказалъ: „въ тебѣ будетъ толкъ“. Когда мальчикъ разсказалъ матери о встрѣчѣ съ старцемъ и та просила указать его, то мальчикъ нигдѣ потомъ не нашелъ старика. Съ тѣхъ поръ архипастырь питалъ глубокое благоговеніе къ преподобному Нилу и обители его.

Еще въ дѣтствѣ было владыкѣ замѣчательное сонное видѣніе. Ему представлялось, что онъ стоитъ на площади предъ Погорѣльскою Ильинской церковью со сложенными на груди крестомъ руками, а на верху, въ воздухѣ, съ восточной стороны церкви стоялъ Іисусъ Христосъ и, взирая благосклонно, благословлялъ его; съ западной же стороны, тоже въ воздухѣ, былъ большой свившійся клубомъ змій, который злобно шипѣлъ на него. Владыка смотрѣлъ то на Того, то на другого и трепеталъ сердцемъ. Это сновидѣніе онъ считаетъ предъизображеніемъ своей жизни, въ которой Богъ благословляетъ его, а духъ злобы шипитъ и строитъ ему козни. („Странникъ“ 1892 г.).

11. Какъ велъ бесѣды съ раскольниками Митрополитъ Кіевскій Платонъ.

Будучи глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ, покойный владыка не былъ, однако „фанатикомъ“, по его собственному выраженію. Меня любятъ раскольники“, говорилъ онъ не разъ, „и любятъ, конечно, за то, что я не фанатикъ“. Я всегда скажу, что нынѣшніе раскольники почти не заслуживаютъ извиненія, потому что среди нихъ есть люди образованные, которые могли бы понять всю нелѣпость ихъ отдѣле-

нія отъ церкви. Между тѣмъ, ихъ предки, при которыхъ собственно явился расколъ, заслуживаютъ извиненія, они были люди невѣжественные, слѣпо обожавшіе обрядность и традиціи, особенно въ дѣлѣ вѣры. Съ такими людьми и поступать нужно было кротко и осторожно, не нужно было раздражать ихъ какими нибудь насильственными мѣрами, а вести дѣло съ строгою постепенностію и осмотрительностію. Замѣтивъ въ старопечатныхъ книгахъ безсмыслицу, нужно было исправить ее, издать новыя книги, разослать ихъ по церквамъ, но не отбирать насильно и старыхъ книгъ; тогда невѣжественные фанатики сами-бы постепенно и естественно привыкали къ новымъ книгамъ. Да и самое исправленіе книгъ лучше бы было, по моему мнѣнію, вести постепенно. Зная, что за букву „а“ фанатики готовы были „животъ положити“, сначала нужно было бы исправить только погрѣшности догматическія,—а такихъ погрѣшностей не много,—и издать эти исправленныя книги для богослужебнаго употребленія. Когда бы привыкли къ этимъ книгамъ, тогда можно бы постепенно исправлять и погрѣшности, относящіяся къ обрядамъ и слововыраженію. А отнимать насильно старыя книги и даже вести изъ за того чуть не войну съ своими же русскими, жечь и мучить ихъ—во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы. Это-то, по моему мнѣнію, и породило расколъ и, безъ сомнѣнія, усилило фанатизмъ раскольниковъ. Разъ мы знаемъ, что въ буквѣ „а“ (рожденна, а не сотворенна) нѣтъ ереси, то не надо бы и придавать этому значенія ереси; между тѣмъ, отнимая насильно старопечатныя книги, мы тѣмъ самымъ какъ бы показали, что всѣмъ, даже и незначительнымъ погрѣшностямъ, заключающимся въ этихъ книгахъ и требующимъ исправленія, какъ будто, придаемъ значеніе догматическихъ заблужденій, ереси, а потому и заставляемъ читать по новымъ книгамъ, гдѣ де подобныхъ „еретическихъ заблужденій“ нѣтъ. Насильственное отнятіе старопечатныхъ книгъ показало только то, что и наши-то православные въ то время тоже были поклонниками буквы, а не смысла. Ошибку эту мы сознали и, пожалуй исправили впослѣдствіи, допустивши „единовѣріе“. И съ нынѣшними раскольниками, хотя они и не заслуживаютъ извиненія, по моему мнѣнію, лучше всего обращаться кротко и снисходительно, отнюдь не показывая ни въ чемъ ненависти или презрѣнія къ нимъ. Извѣстно, что они, какъ фанатики по традиціи, легко раздражаются въ бесѣдахъ съ православными о вѣрѣ, начинаютъ грубо и запальчиво кричать, не обращая

никакого вниманія на то, что говоритъ православный. Конечно, если въ бесѣдахъ съ подобными фанатиками и самъ православный будетъ разражаться, то успѣха ждать нечего. Приходитъ разъ ко мнѣ продолжалъ владыка, московскій роскольникъ—начетчикъ. Я радушно принялъ его, попросилъ присѣсть и началъ кротко бесѣдовать съ нимъ сначала о дѣлѣ, по которому онъ явился ко мнѣ, а потомъ и о вѣрѣ. Видя мое ласковое и простое обхожденіе съ нимъ, раскольникъ и самъ не проявилъ своего грубаго фанатизма, а разсуждалъ спокойно, безъ всякаго волненія. Между прочимъ я обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Вотъ, братецъ,—говорю,—я хочу тебя спросить о чемъ: скажи, пожалуста, что это означаетъ надпись на иконахъ Божіей Матери „*МРѲУ*“?

— Господи! какъ же этого вы не знаете, преосвященный владыка? У насъ каждый восьмилѣтній мальчикъ знаетъ это, отвѣчалъ раскольникъ.

— Да и я раньше-то, говорю, зналъ, когда помоложе былъ; а теперь, знаешь, чѣмъ старѣе, тѣмъ и память слабѣе: вотъ что-то и забылъ, что это значитъ.

— Да объяснить это очень просто, разсуждалъ раскольникъ:— эта надпись представляетъ собою только начальныя буквы слѣдующихъ 4-хъ словъ: Марія (*М*) родила (*Р*) фарисеевъ (*Ѳ*) учителя (*У*).

— Вотъ какъ,—сказалъ я,—такъ; такъ эта надпись значитъ: „Марія родила фарисеевъ учителя“. Такъ, такъ; а я, вѣдь, представь себѣ, до сихъ поръ этого не зналъ... Да что-то все-таки, братецъ, твое объясненіе мнѣ кажется неправильнымъ.

— Что же тутъ неправильнаго вы находите, преосвященный владыка? спросилъ раскольникъ.

— Я говорю ему: да какъ же, братецъ, вотъ ты говоришь, прежде всего, что буква *Ѳ* въ этой надписи представляетъ собою только начальную букву слова „фарисеевъ“; такъ?

— Да, да, такъ, отвѣчалъ раскольникъ.

— Ну какъ же это можетъ быть такъ,—говорю я,—когда у насъ слово „фарисей“ начинается буквою „*Ф*“ а не „*Ѳ*“? Развѣ ты не видалъ, хотя бы въ своихъ старыхъ книгахъ, какъ печатается это слово?

— Какъ не видать, говоритъ онъ видалъ;—да вѣдь все равно, говоритъ, что „Ф“, что „θ“—звукъ-то одинъ и тотъ-же и произносятся они одинаково.

— Да мы-то произносимъ, говорю, правда, одинаково что „Ф“, что „θ“; но, напр., Греки произносятъ ихъ различно. Да и у насъ есть особыя правила, показывающія, гдѣ нужно писать „Ф“ гдѣ „θ“; слѣдовательно эти звуки не одинаковы, а различны.

— А мы такъ ихъ считаемъ одинаковыми,—продолжалъ раскольникъ,—и думаемъ, что все равно: напишемъ-ли „Ф“ или „θ“—прочитаютъ все одинаково.

— Ну хорошо,—сказалъ я,—положимъ, что эти звуки одинаковы, хотя, опять повторю, одинаковы они только въ нашемъ русскомъ произношеніи. Теперь я о другомъ, братецъ, спрошу тебя. Скажи-ка мнѣ, отъ кого наши предки приняли христіанскую-то вѣру?

— Отъ Грековъ, преосвященный владыка,—отъ грековъ,—это уже извѣстно всѣмъ.

— Такъ, хорошо,—отъ грековъ. Ну что-же, какъ предки наши приняли вѣру христіанскую отъ грековъ, такъ сейчасъ сами и стали писать иконы?

— Нѣтъ, владыка,—отвѣчалъ раскольникъ,—когда приняли вѣру отъ грековъ, то греки прислали намъ архіерея и священниковъ которые привезли съ собою и иконы греческія, а потомъ уже съ этихъ иконъ у насъ стали снимать копіи,—снимали копіи сначала тоже греческіе живописцы, а потомъ, уже впослѣдствіи, и русскіе стали привыкать къ этому дѣлу.

— Хорошо, хорошо, говорю я,—такъ. Ну какъ же теперь снимали эти копіи-то: искажали при этомъ оригинальную-то икону, или нѣтъ, точно также списывали, какъ что написано было тамъ?

— Да владыка, точь въ точь также списывали. Господи сохрани,—зачѣмъ-же, развѣ можно было измѣнять. Это уже послѣ въ вашей церкви стали рисовать святыхъ съ длинными волосами, а на первоначальныхъ иконахъ, которымъ мы поклоняемся, вы этого не найдете: онѣ всѣ точно списаны съ греческихъ иконъ.

— Такъ, такъ; значитъ и надписи на вашихъ иконахъ точно списаны съ древнихъ иконъ, безъ измѣненія.

— Да, и надписи, владыка, списаны безъ измѣненія, „точь въ точь, какъ онѣ были сдѣланы на греческихъ иконахъ“.

— Хорошо; ну, а греки-то на своихъ иконахъ по русски писали надписи, или по гречески?

— Нѣтъ, владыка, зачѣмъ-же по русски: они говорили по гречески, и писали по гречески; русскій-то языкъ мало кто изъ нихъ и зналъ въ то время.

— Такъ. Ну, если ты говоришь, что иконы и даже надписи на нихъ у насъ списывались безъ всякаго измѣненія съ греческихъ, а на греческихъ иконахъ всѣ надписи были сдѣланы по гречески, то, слѣдовательно, и на нашихъ иконахъ, надписи писались также по гречески; такъ?

— Такъ, какъ, преосвященный владыка, и у насъ надписи списывались по гречески.

— Ну, такъ,—какъ же теперь ты говоришь, что надпись на иконѣ Божіей Матери—„*МРΘУ*“ значитъ: „Марія родила фарисеевъ учителя“.

— Что же тутъ удивительнаго и непонятнаго-то, владыка?

— Да какъ же, братецъ? вѣдь ты же говоришь, что надписи на нашихъ иконахъ написаны на греческомъ языкѣ?

— Да, на греческомъ.

— Ну такъ какъ же теперь въ греческомъ языкѣ явилось наше русское слово „родила“? Вѣдь у грековъ нѣтъ такого слова: „рождаю“ на ихъ языкѣ будетъ „*γενναο*“.

— Ужъ этого я не знаю, владыка, говоритъ раскольникъ.

— Ну, конечно,—говорю я,—жаль, что ты этого не знаешь, а это я говорю; ты спроси когда нибудь у грека, онъ тебѣ и скажетъ какъ по ихнему будетъ наше русское слово „рождаю“ или „родила“. Да у грековъ нѣтъ и слова „учитель“: учителя они называютъ на своемъ языкѣ „*дідаскалос*“ или „*педагогос*“. Такъ вотъ, если бы надпись „*МРΘУ*“ означала собою слова: „Марія родила фарисеевъ учителя“, какъ ты говоришь, то ужъ никакъ не могло бы быть здѣсь „*Р*“ и „*У*“. Поэтому-то вотъ твое объясненіе мнѣ и кажется неправильнымъ.

— Да, это, пожалуй, такъ, преосв. владыка, вы вѣрно доказываете, говоритъ старообрядецъ,—ну а какъ же тогда вы иначе объясните эту надпись, что она значитъ?

Да я припоминаю теперь, что мой батюшка объяснялъ мнѣ эту надпись не такъ, какъ вы ее объясняете. Я помню, что онъ тоже говорилъ мнѣ, что иконы наши списаны съ греческихъ иконъ и что надписи на нихъ сдѣланы на греческомъ языкѣ. Когда же я спросилъ его, что же это значитъ надпись на иконѣ Божіей Матери

„*МРѲУ*“, онъ, какъ помнится, объяснилъ мнѣ, что эта надпись представляетъ собою не начальныя буквы четырехъ словъ, какъ вы понимаете, а сокращеніе двухъ греческихъ словъ: „*Митир*“ по русски значитъ „Мать“ или „Матерь“ и *Ѳеу* —значитъ „Бога“ (родит. пад. отъ слова *Ѳеос*-Богъ); вся надпись, говорилъ мнѣ батюшка, какъ и всѣ другія надписи, указываютъ на того, кто изображенъ на иконѣ: „Матерь Бога“ или „Матерь Божія“. При этомъ, помнится, батюшка прибавилъ мнѣ, что на сокращеніе этихъ двухъ словъ указываютъ и титла, поставленныя вверху надъ буквами, написанными на иконѣ (*МРѲУ*). Ликъ Сына Богоматери, или Бога, рожденнаго отъ нея, котораго она, по изображенію на иконѣ, держитъ въ своихъ рукахъ, имѣетъ свою особую надпись: не „фарисеевъ учитель“, какъ-бы слѣдовало по вашему, а „*ІСХС*“—опять съ титлами вверху, что указываетъ на сокращеніе двухъ словъ: „Іисусъ Христосъ“

— Да, владыка, это я знаю, что ликъ Спасителя имѣетъ такую надпись. Ваше объясненіе дѣйствительно, пожалуй, вѣрнѣе будетъ нашего; только вѣдь и наше объясненіе не заключаетъ въ себѣ чего нибудь еретическаго,—замѣтилъ раскольникъ.

— Еретическаго-то—говорю я,—конечно, въ немъ нѣтъ ничего, но оно не имѣетъ для себя основанія и вполнѣ произвольно вами придумано. Вѣдь ты-же самъ говоришь, что надписи на иконахъ сдѣланы на греческомъ языкѣ; ну, на какомъ же основаніи при объясненіи этихъ надписей, можно утверждать, что онѣ представляютъ собою начальныя буквы русскихъ словъ.

Ты самъ посуди и подумай.

— Да, владыка, это, пожалуй, правда: что правда, то и правда,—о томъ и спорить не приходится. Благодарю васъ за это, благодарю. (Журналъ „Странникъ“ 1892 года).

12. Митрополитъ Платонъ Кіевскій о явленіи ангеловъ и душъ, отшедшихъ въ загробный міръ.

Въ „Рус. Архивѣ“ г. Пилимпсестовъ передаетъ разсказъ покойнаго митрополита кіевскаго Платона, заслуживающій вниманіе по авторитетности лица, повѣдавшаго его г. Пилимпсестову.

Владыка спросилъ послѣдняго, вѣритъ ли онъ въ явленія ангеловъ и лицъ, отошедшихъ отъ насъ въ загробный міръ? И затѣмъ митрополитъ продолжалъ:—„Не знаю, повѣрите ли вы моему разсказу; но не забывайте: я старикъ и, хотя недостойный, но служитель алтаря Господня, и мнѣ нѣтъ никакой надобности говорить ложь или вымыселъ.

Дѣло было, когда я епископствовалъ на Дону, именно въ концѣ сорокоуста по скончавшемся государѣ Николаѣ Павловичѣ. Сижу я у себя, время было около полуночныхъ часовъ подъ воскресенье, сижу и читаю очередную проповѣдь одного священника, въ которую и было погружено все мое мышленіе... Стало быть воображеніе бездѣйствовало и ни къ чему не приготовляло. Въ правую сторону отъ моего стола находилась дверь въ пріемную, и она по обыкновенію была настежь отворена.

Сижу я, съ углубленіемъ читаю проповѣдь, кое-что мараю въ ней, и вдругъ чувствую, что меня что-то ударило въ правый бокъ, ударило слегка, какъ будто дѣтскимъ резиновымъ мячикомъ, брошеннымъ изъ растворенной двери. Я не могъ не взглянуть въ эту сторону, взглянулъ, и что же представилось глазамъ моимъ? Въ дверяхъ стоитъ во всемъ своемъ царскомъ величіи, немного склонясь въ сторону, государь императоръ Николай Павловичъ, устремляя на меня свой орлиный взоръ. И это не было какое нибудь туманное, призрачное явленіе, нѣтъ, я вижу незабвеннаго моего царя какъ живого, и въ немъ все, до мельчайшихъ подробностей, являлось мнѣ въ осязаемыхъ очертаніяхъ. Могъ ли я не придти въ трепетное смущеніе? Смотрю на явившагося возлюбленнѣйшаго моего царя, и онъ проницательно, величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно смотритъ на меня. И это было не на мгновеніе. Невольно возникъ въ душѣ вопросъ: встать ли мнѣ и поклониться? Но какъ кланятся привидѣнію? А съ другой стороны, какъ не поклониться царю? Привстаю, и въ эти секунды ясный, дивный образъ великаго изъ царей земныхъ сталъ мало по-малу переходить въ туманный призракъ, сталъ исчезать не двигаясь съ мѣста, и исчезъ предо мною; но я не заплакалъ, и вотъ съ той минуты рѣже стали падать изъ глазъ моихъ слезы при воспоминаніи о незабвенномъ царѣ Русскаго царства.

Что же вы скажете о моемъ видѣніи? Заподозривать меня въ вымыслѣ или лжи вы не имѣете ни малѣйшаго основанія, видя во мнѣ старика и при томъ архіерея, правда, подъ-часъ чрезъ мѣру сло-

воохотливаго, но лжецомъ я никогда не былъ. Однако, что же это было за видѣніе? Галлюцинація, плодъ воображенія, разстройство нервной системы? Пожалуй и явленіе Христа апостоламъ наши вѣтрогонные мыслители объясняютъ галлюцинаціей, хотя они и не могутъ доказать, чтобы галлюцинація вдругъ овладѣла 11-ю лицами или пятью стами братій, которымъ явился Христосъ по воскресеніи. Знаете-ли, что здѣсь необъяснимо для меня: достоинъ ли я былъ того, чтобы величайшій изъ царей земныхъ посѣтилъ изъ загробнаго міра мое старческое убожество? Почему онъ не явился достойнѣйшему меня? Но съ другой стороны, не тѣмъ ли подобныя личности и велики, что онѣ „не зритъ на человѣка?“

Г. Палимпсестовъ свидѣтельствуетъ Богомъ и своею совѣстью, что слышалъ этотъ разсказъ отъ митрополита Платона въ 1878 году, въ Одессѣ, и тогда же записалъ со словъ его. („Странникъ“ 1893 года).

13. Благодѣтельность и благодарность.

„Трудны были года дѣтства Яши—сына бѣднаго сельскаго дьякона, села Никольскаго, Каширскаго уѣзда. Большіе были недостатки въ домѣ. Бывало, мать уйдетъ на сельскія работы, ребенка не на кого оставить. Спеленаетъ она его и положитъ подъ Боголюбскій образъ Богоматери, который стоялъ въ углу горницы, и слезно проситъ Богоматерь охранить ребенка до ея возвращенія. За тяжелою работою сколько разъ сжимается ея материнское сердце страхомъ за сынка, и, когда, наконецъ, настанетъ время идти домой, впереди всѣхъ бѣжитъ она, и въ страшномъ волненіи входитъ въ комнату, не зная, живъ ли мальчикъ.

Подростая, Яша узналъ, какъ поручала его мать покрову Богоматери, и такъ какъ родился онъ въ праздникъ Покрова Богоматери, 1-го Октября, то считалъ Ее своею покровительницею.

Яшу отдали въ духовное училище. На Рождество и Пасху, а также на лѣтнія вакаціи онъ отправлялся въ родное село на побыв-

ку. По бѣдности, сиротъ (отецъ его тогда уже умеръ) приходилось идти большею частію пѣшкомъ.

Идетъ это разъ онъ домой, усталый, босой, потому что даже на покупку лаптей денегъ у него не было. Ноги онъ себѣ натеръ до крови и сильно прихрамывалъ.

Обгоняетъ его какой-то мужичекъ и пристально смотритъ на мальчугана.

— Что это ты хромаешь, голубчикъ?

— Да, вотъ, дяденька, ноги себѣ натеръ.

— А ты бы обулся. Лапти бы хоть надѣлъ.

— У меня, дяденька, и грошика нѣтъ.

Покачалъ мужичекъ головой; еще разъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на мальчика и сталъ обгонять его. Потомъ вдругъ обернулся и пошелъ къ нему. Хотѣлось мужику помочь школьнику, да и самъ онъ былъ бѣденъ. Однако, рѣшился и сунулъ Яшѣ мѣдную монету:

— Вотъ на, купи себѣ лапти.

Сунулъ и быстро пошелъ впередъ.

Отъ изумленія сперва остановился мальчикъ, какъ вкопанный: потомъ шибко заковылялъ за мужикомъ, крича ему изо всѣхъ силъ:

— Дяденька, а дяденька, какъ тебя звать?

— А тебѣ на что?—отозвался мужикъ

— А вотъ пономъ буду, стану тебя поминать.

Мужикъ усмѣхнулся, кинулъ мальчику „Петръ“ и быстро сталъ отъ него удаляться.

Этотъ мальчикъ, встрѣтившійся на большой дорогѣ съ мужикомъ, получившій отъ него мѣдную монету на лапти и спросившій у мужика его имя, былъ въ послѣдствіи никто иной, какъ митрополитъ С.-Петербургскій, Новгородскій и Финляндскій Исидоръ, заслуженнѣйшій изъ іерарховъ Русской церкви.

Прямая, благородная душа была полна чувства благодарности, и на вершинѣ почестей, славы, значенія своего, онъ не забылъ своего, прошедшаго въ убожествѣ, дѣтства. По прежнему онъ считалъ Богоматерь своею покровительницею. Когда въ Петербургѣ въ честь его устроилось громадное благотворительное учрежденіе для бѣднаго духовенства, такъ называемое Исидоровское, онъ церковь при этомъ домѣ освятилъ въ честь Боголюбской иконы Богоматери, въ воспоминаніе того, какъ мать клала его младенцемъ подъ эту икону.

Онъ любилъ вспоминать о встрѣчѣ своей съ мужикомъ Петромъ,

и заканчивая свой разсказъ, говорилъ, поникая головой: „Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ санъ священства, я не служилъ ни одной литургіи безъ того, чтобы не помянуть его“.

Невольной слезой туманится взоръ при этомъ разсказѣ. Вотъ дѣйствительное благородство, вотъ истинный „человѣкъ“. И невольно рисуешь себѣ такую картину.

Торжественное великолѣпіе Исаіевскаго собора, таинственный полумракъ, алтарь, полный священнодѣйствующаго духовенства въ золотыхъ ризахъ, безшумно, благоговѣйно двигающагося, какъ рой пчелъ въ ульѣ. Тамъ, подъ неоглядно высокими сводами храма, колѣнопреклоненная толпа... Допѣваютъ послѣднія слова первой части Херувимской, и тихо, какъ шелестъ морского тросника, затихаютъ звуки: „Нынѣ житейское отложимъ попеченіе“.

У жертвенника, окруженный духовенствомъ, предстоитъ многолѣтній, удрученный неустанною службою церкви, мудростью, опытомъ, старецъ—митрополитъ и копіемъ вынимаетъ части изъ просфоры, которую держитъ въ рукахъ, шепча старческими губами длинный рядъ именъ тѣхъ людей, съ которыми сводилъ его Богъ на длинномъ жизненномъ пути.

„Петра“ шепчетъ онъ, и въ старческихъ глазахъ сверкнула слеза умиленія. Въ одно мгновеніе воскресла въ его памяти давняя, за три четверти вѣка назадъ, поразившая его картина: маленькій хромающій Яша съ котомкой за плечами, большая дорога и незнакомый мужикъ „дяденька“.

— Что это ты хромаешь, голубчикъ?

— „Раба Божія Петра“,—шепчутъ старческія уста,—и усердно вынутая частица опускается на дискосъ.

А тамъ, въ храмѣ подъ высокими сводами замираютъ звуки Херувимской: „Нынѣ житейское отложимъ попеченіе“. („Церковн. Вѣдом.“—1904 г. № 45).

14. Изъ воспоминаній о митрополитѣ Исидорѣ Кіевскомъ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. одинъ изъ очевидцевъ передаетъ нѣсколько свѣдѣній объ отношеніи покойнаго митрополита Исидора къ духовенству во время управленія имъ Кіевской епархіей (въ 1895 г.)—Предмѣстникъ его преосвященный Филаретъ, втеченіе послѣдняго десятилѣтія своей жизни, самъ не обозрѣвалъ епархіи, а поручилъ ежегодно это дѣло своему викарію, епископу Аполлинарію, который слишкомъ строго относился къ сельскому духовенству, если замѣчалъ даже незначительныя неисправности и упущенія по службѣ его. Строгость преосвящен. Аполлинарія, бывшаго Кіевскимъ викаріемъ болѣе десяти лѣтъ, слишкомъ памятна была духовенству. Получивши формальное извѣстіе, что епархію будетъ обозрѣвать самъ митрополитъ Исидоръ, и наслышавшись, что онъ весьма суровъ, даже по внѣшнему виду своему, сельское духовенство сильно встревожилось, опасаясь, что новый владыка безпощадно отнесется къ нему, если замѣтитъ какую либо неисправность. Но опасеніе это было напраснымъ. Подъ суровою оболочкою архипастыря Исидора скрывалась душа съ мягкимъ, добрымъ сердцемъ, душа снисходительная къ незначительнымъ неисправностямъ своихъ подчиненныхъ и любившая не только словесно благодарить, но и вознаграждать пастырей усердныхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Изъ всѣхъ предшествующихъ архипастырскихъ обозрѣній кіевской епархіи ни одно не сопровождалось такимъ обиліемъ архипастырскихъ милостей и наградъ, какъ обозрѣніе Митрополита Исидора. При предмѣстникахъ его рядовые сельскіе священники не получали никакихъ наградъ даже за пятидесятилѣтнюю безпорочную службу. Случалось нерѣдко, что даже священники, сряду прослужившіе въ должности благочиннаго болѣе 20 и 30 лѣтъ, не удостаивались награжденія даже набедреннникомъ. Не такъ отнесся къ заслугамъ сельскихъ священниковъ митрополитъ Исидоръ,—онъ удостоилъ наградъ за добрую службу не только пожилыхъ изъ нихъ, но даже очень молодыхъ. Многіе изъ нихъ, во время обозрѣнія епархіи, получили набедренники, другіе представлены въ св. сунодъ къ награжденію скуфіями и камилавками, а нѣкоторые къ наперстнымъ крестамъ. До митрополита Исидора не было примѣра по кіевской епархіи, чтобы сельскій благочинный за безпорочную 12 лѣтнюю службу былъ представленъ къ ордену св. Анны 3 степени. Митрополитъ Исидоръ первый на-

чалъ представлять благочинныхъ къ этому ордену. Ему же принадлежитъ и починъ объ исходатайствованіи священникамъ за безпорочную пятидесятилѣтнюю службу ордена св. Владиміра 4 степени.

Насколько сельское духовенство трепетало встрѣчи съ митрополитомъ Исидоромъ и насколько онъ былъ ласковъ къ нему, авторъ поясняетъ слѣдующимъ фактомъ. Въ м. Городищѣ, Черкасскаго уѣзда, при церкви сахарнаго завода, построенной К. Яхненко, священствовалъ глубокій старецъ о. Аѳанасій П. Прослуживши въ селѣ Черевинѣ болѣе 40 лѣтъ, онъ, со дня рукоположенія своего, ни однажды не встрѣчался съ Кіевскимъ митрополитомъ. Этому старцу на закатъ дней своихъ, пришлось въ прописанной церкви встрѣчать владыку Исидора, о суровости и строгости котораго и до него дошла молва. Когда наступила встрѣча, когда о. Аѳанасій подносилъ владыкѣ, при встрѣчѣ, свят. крестъ, съ нимъ отъ страха и ужаса произошелъ какъ бы сильный лихорадочный пароксизмъ, вслѣдствіе котораго онъ едва держался на ногахъ и едва не уронилъ креста съ церковнаго подноса. На такой страхъ преосвященный Исидоръ обратилъ свое вниманіе и, по выходѣ изъ церкви, во время вечерняго чая въ домѣ К. Яхненка посадилъ около себя трепетавшаго о. Аѳанасія и своею лаской, своею любвеобильною бесѣдою такъ ободрилъ его, что онъ къ концу чаепитія совершенно успокоился и затѣмъ, по отъѣздѣ митрополита Исидора любилъ до самой смерти говорить всѣмъ, что такихъ добрыхъ митрополитовъ, какъ Исидоръ, не слѣдуетъ бояться. („Странникъ“ 1893 г.).

15. Къ воспоминаніямъ о высокопреосв. Филаретѣ, митрополитѣ Кіевскомъ.

Въ бытность свою архіепископомъ Казанскимъ и Симбирскимъ святитель Филаретъ вполнѣ подражалъ своею жизнію и дѣлами тому *милостивому* Филарету, коего носилъ имя. Такъ, раздавая самъ во время голода въ 1862 году, бѣднымъ, что имѣлъ, онъ и другихъ побуждалъ помогать страждущимъ отъ голода.

Съ цѣлію расположить къ благотворительности, посѣтилъ онъ

однажды въ Казани одного богатаго купца во время голода и, при этомъ, обратилъ вниманіе на сына его—*сидня*, лишеннаго способности ходить; его поднесли къ святителю. Преосвященный посадилъ его къ себѣ на колѣни и, гладя по головѣ, бесѣдовалъ о благотвореніи. По окончаніи бесѣды, Святитель отпустилъ отрока съ колѣнъ и, перекрестивъ его, сказалъ: „Ну, гряди, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!“ Отрокъ тотчасъ же почти побѣжалъ къ своей матери и съ той поры сталъ ходить. Обрадованные родители со слезами благодарили Святителя и пожертвовали значительную сумму въ пользу страждущихъ отъ голода.

Объѣзжая, во время продолжительной засухи, Симбирскую губернію, преосвященный Филаретъ подъѣхалъ къ селу Лашевкѣ, что близъ Симбирска. Народъ, узнавши, что Преосвященный будетъ проѣзжать этимъ селомъ, собрался во множествѣ изъ окрестныхъ деревень и, окруживъ его, на колѣнахъ и со слезами умолялъ помолиться, чтобы Господь далъ имъ, умирающимъ отъ голода, дождь. Тронутый ихъ слезами, Владыка, хотя и не располагалъ прежде тутъ останавливаться, пошелъ въ храмъ помолиться съ народомъ за всенощной. На другой день самъ служилъ раннюю обѣдню, за коей всѣ молились о дождѣ. Утро было свѣтлое, небо ясное, и, повидимому, не обѣщало дождя. Но къ половинѣ литургіи поднялся вѣтерокъ, показалось одно за другимъ облака, кои сгустились въ тучу, и, наконецъ, разрѣшились обильнымъ дождемъ, такъ что Владыка, отслуживъ литургію, поѣхалъ подъ ливнемъ, сопровождаемый благословеніями собравшагося народа. („Странникъ“ 1893 года).

16. Истинное чудо при жизни митрополита К. ского Филарета.

Въ 1827 году, какъ передастъ бывшій экономъ Владыки Филарета Кіевскаго о. Павелъ, въ Ноябрѣ въ Петербургѣ было одно изъ самыхъ сильныхъ и ужасныхъ наводненій. Мы жили въ то время на Псковскомъ подворьѣ, что на Васильевскомъ островѣ. Вотъ когда только начиналось это гибельное событіе, когда стали разда-

ваться одинъ за другимъ и одинъ другого сильнѣе и чаще зловѣщіе сигнальные пушечные выстрѣлы, а вода съ каждою минутою поднималась все быстрѣе и быстрѣе и даже стала заливаться во второй этажъ, ужасъ объялъ всѣхъ.. Я поспѣшилъ къ Владыкѣ Филарету. Вхожу и вижу, владыка стоитъ на колѣнахъ и молится. Постоявши немного, я осмѣлился сказать ему о своемъ приходѣ, но отвѣта не послѣдовало, даже не замѣтно было, чтобы онъ сколько нибудь пошевельнулся или вздрогнулъ отъ внезапности моего прихода и говора. Я ушелъ, но бѣда не уменьшалась, а увеличивалась. Я снова къ владыкѣ, и опять тоже. Вдругъ выходитъ владыка изъ своихъ покоевъ и такъ тихо, кротко и ласково говоритъ: „Ну, а что? Вода пошла назадъ?“ И не дождавшись отвѣта, продолжалъ: „ну, слава Богу! Богъ вѣдь милостивъ! Успокойтесь же! Скоро и все пройдетъ“. Въ этотъ же самый моментъ, дѣйствительно, бывшіе внизу люди отъ радостей закричали, что вода пошла на убыль и весьма быстро.

Въ „Церковн. Вѣдом.“ сообщается другое чудо изъ жизни Митрополита Филарета Кіевскаго.

Будучи епископомъ Казанскимъ, Владыка Филаретъ, обозрѣвая ежегодно свою обширную епархію, онъ особенно любилъ посѣщать новокрещенные приходы. Каковы были по своему благодатно чудодѣйственному значенію эти посѣщенія, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ.

Пріѣхавъ въ село новокрещеныхъ чувашъ, преосвященный Филаретъ вошелъ въ церковь, осмотрѣлъ ея внутренность, приложился къ престолу и, вышедъ на улицу, направился вдоль села, сопровождаемый благочиннымъ. Не доходя одной избы до конца села, неожиданно повернулъ въ предпослѣднюю избу весьма ветхую. Раньше этого времени владыка никогда не бывалъ въ этомъ селѣ. Входитъ онъ въ избу, благочинный за нимъ. Въ углу лежитъ умирающій старецъ. Владыка спрашиваетъ домашнихъ: „гдѣ образъ?“ Образа не нашлось. Владыка снялъ съ себя панагію и, повѣсивъ въ переднемъ углу на гвоздь, весь погрузился въ молитву. Видимо было неподвижное тѣло, изможденное болѣзнію. Проходитъ минутъ пять, лицо владыки зарумянилось. Положивъ три поклона въ землю, обратился онъ къ умирающему, взялъ его за руку и, возгласивъ: „вставай“, началъ его поднимать, полумертвецъ открылъ глаза, приподнялся и всталъ на ноги. Владыка трижды благословилъ его десницею и сказалъ: „корми семью, ходи въ церковь и слушайся священника“.

Оказалось, что возвращенный къ жизни,—единственный кормилецъ внучатъ сиротъ своихъ дѣтей". („Церковн. Вѣдом." 1904 года № 38-й).

17. Наказаніе Божіе за непочтеніе къ православному епископу.

Во время одной изъ поѣздокъ по обозрѣнію Казанской епархіи, высокопреосвященный Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, предъ самымъ возвращеніемъ въ Казань, остановился въ селѣ Услонѣ, находящемся какъ разъ противъ самой Казани, на другой (правой) сторонѣ Волги. Остановка продолжалась весьма значительное время оттого, что, по случаю сильнаго вѣтра, никакъ нельзя было переѣхать черезъ Волгу. Во время этой остановки, когда собралось множество народа изъ православныхъ ради принятія благословенія отъ владыки, оказались тутъ же и многіе изъ раскольниковъ, явившихся собственно изъ любопытства. Не замѣтить и не отличить послѣднихъ, само собою, было невозможно... Владыка пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ для личной бесѣды съ раскольниками. Послѣдніе стояли въ своей толпѣ поодаль, но владыка, преподавая каждому изъ православныхъ благословеніе, постепенно приближался и къ раскольникамъ и, находясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, громко обратился къ нимъ со словами:

— А что же вы, людіе, стоите, зряще и отступивши отъ своихъ же односельчанъ? Вѣдь всѣ они русскіе, а не татары или черемисы, какъ и вы сами, что видно по всему...

Отвѣта не было никакого, а только говоръ между собой во всей толпѣ... Владыка сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, еще заговорилъ съ ними:

— Чтожъ вы, и впрямь сказать, какъ бы дичитесь и своихъ-то... или, быть можетъ, дичитесь болѣе всего меня... Но напрасно, видите, я самъ подхожу къ вамъ и не дичусь по вашему...

— Да что намъ до тебя,—былъ отвѣтъ,—и мы-то тебѣ по что нужны... Ступай, куда ѣдешь... а мы такъ сами по себѣ...

— Да зачѣмъ же вы такъ не ласковы, что и слова перемолвить не хотите, развѣ вамъ я врагъ какой?!..

— Нечего толковать-то намъ съ тобой, такъ и заводить и рѣчи не по что...

— А я, вотъ, хотѣлъ бы поговорить съ вами и, само собой, не какъ нибудь, а по Божьему...

— У насъ есть и безъ тебя такіе толковники...

— А что-жъ, нѣтъ ли кого изъ этихъ вашихъ толковниковъ; вотъ бы и потолковали сообща... и я бы ихъ послушалъ, коли они и вы всѣ не хотите, чтобы я говорилъ!...

— Есть-то у насъ есть, да не про твою, видно, честь... послышался въ этихъ словахъ явно грубый голосъ.

Владыка продолжалъ было еще заговаривать смиреннымъ и привѣтливымъ тономъ, но не тутъ-то было; толпа, хотя владыка подошелъ и очень близко, не уклонялась, но отвѣтовъ прямо на слова владыки не было, а лишь слышался говоръ среди толпы, болѣе и болѣе крупный и явно непріязненный.. Наконецъ одинъ изъ впереди стоявшихъ особенно грубымъ и дерзкимъ тономъ проговорилъ прямо владыкѣ:

— Вотъ что... отецъ, отваливай-ка ты на ту сторону, а мы еще посмотримъ, какъ-то по добру по здорову переправишься... А пробудешь еще побольше здѣсь, такъ мы пожалуй, и парома не дадимъ; вишь, какая непогодь разыгрывается...

Священникъ села Услона, находившійся близъ владыки, сказалъ ему вполголоса, что лучше удалиться, потому что онъ знаетъ по опыту, до чего можетъ простираться дерзость нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему лично, коноводовъ въ средѣ мѣстныхъ раскольниковъ, изъ коихъ одинъ и произнесъ сказанныя дерзкія слова...

Владыка, какъ бы задумавшись на минуту и замѣтно произнося съ глубокимъ вздохомъ какія-то молитвенныя слова и, высказавши свое сожалѣніе о нелюдимости предстоящихъ, и помолившись на церковь, стоящую на виду на склонѣ горы, отправился къ перевозу. Вѣтеръ замѣтно сталъ утихать, и переѣздъ черезъ Волгу былъ спокойный.

Но чтожъ, каковъ былъ результатъ этой грустной до глубины души, представившей такую крайнюю очерствѣлость сердецъ въ толпѣ заблуждающихся, о которой справедливо сказать словами Господа, повторившаго слова пророка Исаіи: „Ослѣпилъ очи ихъ и окаменилъ сердца ихъ“... Результатъ былъ слѣдующій: владыка съ перевоза отправился въ свой загородный домъ. Стало вечерѣть; владыка вышелъ на балконъ, и, видя, что вѣтеръ снова сталъ усиленно дуть

а съ западной стороны изъ за Волги надвигалась уже черная туча, онъ сказалъ стоявшему вмѣстѣ съ нимъ келейнику о. Назарію:

— Вотъ видишь, какъ Господь милостивъ къ намъ; вѣтеръ-то, какъ видно, теперь сильно разыграется, да и туча идетъ страшная, грозовая, и какъ разъ она надвигается на Услонъ; мужики-то угадали когда насъ стращали, что мы не переправимся чрезъ Волгу, а вотъ теперь кого захватитъ на паромѣ, то спаси Богъ отъ несчастья! особливо въ такую пору, когда почти совершенно темнѣетъ.—Постоявши немного, владыка сказалъ:—ну, я пойду совсѣмъ въ свою половину на ночлегъ; надобно отдохнуть хорошенько послѣ перетряски.

— Я тоже,—говорилъ, о. Назарій,—и, приперши двери на балконъ, пошелъ въ свою комнату, чтобы вынуть все, бывшее въ дорогѣ, изъ чемодана. Вѣтеръ, между тѣмъ, тутъ же превратился въ чистую бурю... Послышались тотчасъ же и раскаты грома, а молнія такъ и блещетъ ежеминутно... Чтобы не тревожиться отъ ея блеска, я сталъ спускать на окнѣ въ моей комнатѣ занавѣску, и тутъ-то я увидѣлъ, что Услонъ весь почти въ заревѣ; такъ я и ахнулъ. Вбѣжалъ ко мнѣ въ эту же минуту и послушникъ, ѣздившій съ нами по епархіи, и чуть не кричитъ: „Батюшка, батюшка, смотрите, что съ Условомъ-то стало!“ Услыхалъ нашъ говоръ и владыка, позвонилъ и спрашиваетъ:

— Что такое?!

Въ ту же минуту вышелъ онъ къ балкону и лишь только увидѣлъ страшное зарево, тутъ же палъ на колѣни и взмолился про себя. Я слышалъ только слова: „Господи, да не яростію обличиши насъ, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши насъ... О, Господи! не постави имъ во грѣхъ... но пощади и помилуй“...—Приставши же, снова сдѣлалъ земной поклонъ прямо въ городъ съ молитвенными словами.

— Заступница усердная, всѣхъ насъ заступи! Святители Христовы, молите Бога о насъ!... „Затѣмъ безмолвно ушелъ въ свою половину.

Этотъ пожаръ на другой же день сталъ извѣстенъ, хотя самый случай посѣщенія владыкою Услона не былъ еще извѣстенъ. Но вскорѣ же это стало предметомъ общихъ разговоровъ, когда оказалось, что погорѣли почти исключительно раскольничьи дома, и самый ударъ былъ прямо на домъ того дерзкаго, который сказалъ владыкѣ послѣднія грубыя слова. Когда объ этомъ пожарѣ стало извѣстно казанскимъ раскольникамъ, именно купцамъ, къ которымъ сами пого-

рѣльцы обратились, какъ къ своимъ радѣльцамъ—благодѣтелямъ, съ просьбою о помощи, и когда послѣднимъ, волей—неволей, должны были передать и о томъ, что было у нихъ съ владыкою незадолго предъ пожаромъ, тогда и всѣ уразумѣли, что должно и съ той поры, сколько было извѣстно, стали относиться не такъ враждебно ко владыкѣ, а иные. не слишкомъ закоренѣлые, или отчасти потаенно только державшіеся раскола, начали, по возможности, сближаться съ нимъ, а нѣкоторые постепенно оставляли расколъ и присоединялись или въ единовѣріе или даже прямо къ православной церкви. („Воскресн. день“ 1902 года № 41).

18. Изъ жизни митрополита С.-Петербургскаго Григорія.

Священникъ Ал. Кармалинскій сообщаетъ въ „Нижег. Еп. Вѣдомостяхъ“... Одинъ почтенный старецъ (Ил. Г. Покровскій), свидѣтельствуясь Богомъ въ правдѣ своихъ словъ, лично сообщилъ мнѣ замѣчательныя обстоятельства изъ жизни приснопамятнаго святителя Григорія, Митрополита С.-Петерб. Свѣдѣніе объ этихъ обстоятельствахъ изъ жизни Митрополита Григорія получены г. Покровскимъ на мѣстахъ служенія сего святителя въ Казани и въ С.-Петербургѣ. Всѣ казанцы считали Архіепископа Григорія замѣчательнымъ по своей высокой и благочестивой жизни и полагали, что онъ несомнѣнно имѣлъ дерзновеніе предъ Богомъ. Подтвержденіемъ послѣдней истины служитъ слѣдующій, многимъ тогдашнимъ казанцамъ извѣстный разсказъ.

Въ бытность высокопреосвященнаго Григорія казанскимъ архіепископомъ одинъ, очень крупный казанскій коммерсантъ, жившій въ Адмиралтейской слободѣ, женилъ своего сына, сдѣлавши довольно удачный выборъ своей невѣстки и по ея личнымъ качествамъ, и по состоянію. Пышно отпирована была богатая свадьба, и по всѣмъ признакамъ нужно было ожидать самой счастливой жизни новобрачной четы, но вышло совсѣмъ не такъ, какъ ожидалось. Очень недолго спустя послѣ совершившагося брака, молодая женщина занемогла какимъ-то непонятнымъ недугомъ. Свекоръ ея не жалѣлъ никакихъ средствъ на докторовъ и на лѣкарства, но болѣзнь не только

не уступала лѣченію, а еще болѣе усиливалась. Зловѣщій исходъ болѣзни видимо угрожалъ больной вѣчной разлукой съ семьей, которая такъ полюбила ее и истощала всѣ средства человѣческія для спасенія ея жизни. И вотъ, когда уже повидимому не оставалось никакой надежды на выздоровленіе больной, она неожиданно обратилась къ свекру своему съ просьбой, чтобы онъ сходилъ къ высокопреосвященному Григорію и выпросилъ у него какой-нибудь его поясъ для нея. Не желая огорчить больную, свекоръ повидимому согласился исполнить ея просьбу, а на самомъ дѣлѣ и не думалъ этого, не придавая этой просьбѣ значенія, доктору же сказалъ: «невѣстка посылаетъ меня къ преосвященному за какимъ-то поясомъ; что вы на это скажете?“ „Бредитъ“, отвѣтилъ докторъ, „и это признакъ очень худой; приготовьтесь разстаться съ ней навсегда“. Между тѣмъ, больная, видя, что просьба ея остается безъ вниманія, опять обратилась къ свекру: „что же, батюшко, не сходите къ преосвященному за поясомъ; вѣдь я отъ него была бы здорова“. Тогда свекру жаль стало обманывать сноху свою и онъ подумалъ: „отчего же мнѣ не сходить къ владыкѣ и не попросить его молитвъ за больную, а вмѣстѣ съ симъ сказать ему и о ея странной просьбѣ. „И вотъ, приходитъ этотъ почтенный старецъ къ владыкѣ Григорію и встрѣчаетъ у него самый радушный пріемъ. Старецъ съ грустію говоритъ ему о своемъ семейномъ горѣ. „Слышалъ, отвѣчаетъ владыка,—и очень жалѣю васъ; чѣмъ же бы помочь вамъ?“

— „Помолитесь, владыко святый, сказалъ старецъ, за насъ грѣшныхъ, а особенно за нашу больную. Да не соблаговолите ли даровать ей какой-нибудь поясокъ, она сильно этого желаетъ и проситъ у васъ, надѣясь получить отъ него исцѣленіе“.—„Я самъ-то грѣшный человѣкъ, кротко отвѣтилъ владыка, но готовъ исполнить вашу просьбу. Вотъ возьмите для вашей больной этотъ поясъ, говорилъ онъ, подавая старцу небольшой снуръ и благословляя его: пусть будетъ ей по вѣрѣ ея. «Получивши благословеніе отъ владыки, старецъ съ радостію принесъ къ больной невѣсткѣ своей съ нетерпѣніемъ ожидаемый ею поясъ, коимъ она тотчасъ же и опоясалась. Немедленно послѣ этого, больная погрузилась въ дремоту, а потомъ и въ глубокій сонъ; спала болѣе сутокъ, нетревожимая никѣмъ, и когда пробудилась, почувствовала облегченіе отъ своей болѣзни, нѣкоторую бодрость духа, при слабости тѣлесныхъ силъ, и попросила пищи. Съ этого момента силы больной начали быстро возстановляться и она

скоро выздоровѣла совершенно, сдѣлавшись потомъ счастливой супругой и матерью.

Второй случай, разсказанный мнѣ, былъ уже въ Петербургѣ, и по смерти митрополита Григорія. Когда онъ скончался, въ одномъ домѣ съ И. Г. Покровскимъ у Кукушкина моста жили вдова капитана, убитаго въ Севастополѣ и оставившаго его съ пятерыми дѣтьми, и подруга ея Марья Ивановна Киселева, по первому мужу Шіянова. Послѣдняя очень уважала первосвятителя Григорія при его жизни и, желая поклониться ему усопшему, приглашала съ собой для этой цѣли и подругу свою—капитаншу. Эта женщина рѣзко отказалась отъ приглашенія и въ высшей степени невѣжливо отозвалась объ усопшемъ. Марья Ивановна съ другой компаньонкой съѣздила поклониться новопреставленному, и только что возвратилась домой, какъ капитанша прислала убѣдительно просить ее къ себѣ немедленно, потому что съ ней сдѣлалось очень дурно. Приходитъ къ ней Марья Ивановна и говоритъ, что она поклонилась уже усопшему и очень довольна этимъ. Капитанша же, почти не слушая этихъ словъ подруги, говоритъ ей: „а вы посмотрите-ка, что со мной дѣлается; вѣдь я жестоко больна“, и при этомъ показала ей свое лице, которое необыкновенно распухло и раскраснѣлось. Марья Ивановна посмотрѣла на нее и говоритъ: „да вѣдь это у васъ рожа“.—„Неужели, говоритъ капитанша? Гдѣ же я могла такъ скоро и сильно простудиться, не выходя изъ комнаты?

— „А помните ли вы“ замѣтила ей М. И., что вы сказали, когда я приглашала васъ къ усопшему митрополиту“?—„Ахъ, правда ваша; я сказала величайшую дерзость противъ святителя Божія; за это Богъ и наказалъ меня». Затѣмъ она немедленно отправляется къ оскорбленному ею усопшему, съ крѣпкимъ воплемъ падаетъ у гроба его, умоляя о прощеніи, лобызаетъ его десницу и возвращается домой здоровою съ едва замѣтными признаками только что минувшей болѣзни“. („Странникъ» 1890 года № 12-й).

19. Къ біографіи Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Никанора.

Въ „Историч. Вѣстн.“ за 1904 г. передается разсказъ одного священника о томъ, какъ высокопреосвященный Никаноръ Херсонскій производилъ ревизію церкви сельской.

„Жилъ я тогда въ с. Ново-Павловкѣ, Херсонскаго уѣзда. Мы съ женой были еще молодые (а мнѣ теперь 49 лѣтъ и, видите, уже весь я сѣдой, а тогда былъ черный, какъ грекъ). И вотъ священствую третій годъ тихо, мирно. Слышу, назначили къ намъ преосвященнаго Никанора, кажется, изъ Уфы. Пріѣхалъ онъ въ Одессу. Слышимъ, пошли строгости. И служитъ священникъ не такъ, и поетъ не эдакъ, и волосы не по уставу держитъ и проч. Ну, ничего. Въ слѣдующую весну, т. е. на четвертый годъ моего священства, преосвященный поѣхалъ по епархіи, и прямо въ нашъ уѣздъ.

А ѣздилъ по селамъ онъ такъ. За полверсты до села выйдетъ изъ кареты и пойдетъ къ селу пѣшкомъ. Становые пристава тамъ разные, исправники, идутъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи, а онъ идетъ и распрашиваетъ встрѣчныхъ мужиковъ, какой де батюшка у нихъ, не притѣсняетъ ли поборами, не пьетъ ли шибко, и прочее.

Такимъ-то вотъ манеромъ и узналъ онъ про священника всю подноготную. Ну, а узнавши-то всю подоплеку, уже и распекаетъ. По милости Божіей, за мной ничего дурного не водилось, ну, а все-таки... боязно. Въ серединѣ села онъ опять садился въ карету и ѣхалъ въ церковь. Вотъ, слышимъ, зазвонили, подъѣхала карета, запряженная четверней; за ней еще нѣсколько повозокъ, съ исправникомъ, приставомъ, благочинными, пѣвчими и проч. Выходитъ старикъ низенькаго роста, коренастый, жезломъ такъ твердо ударяетъ о землю, а самъ орлинымъ окомъ насъ озираетъ: чувствуешь —сила, великая сила идетъ. Ну, я, какъ слѣдуетъ по чину, встрѣчаю его въ облаченіи у храма, со святымъ крестомъ и водою. Приложился онъ къ кресту и пошелъ въ церковь. Вошелъ въ алтарь сѣверными дверьми, хотя и царскія врата были открыты, и сталъ по правую сторону престола, къ сторонкѣ. А я предъ царскими вратами служу обычный краткій молебенъ. По окончаніи онаго преосвященный Никаноръ вышелъ на амвонъ, проговорилъ отпускъ и сказалъ многолѣтіе царствующему дому и всѣмъ жителямъ „веси сея“, т. е.

Ново-Павловки. Потомъ преосвященный сталъ ревизовать церковь, начиная съ ризницы. Здѣсь онъ увидѣлъ на полочкѣ въ коробкѣ пшеничку, взялъ, пересыпалъ между пальцевъ и сердито спросилъ:

— Это что такое?

— Это „всенбщная“ пшеничка, ваше преосвященство.

— Что такое за „всенбщная“ пшеница?

— А вотъ во время свирѣпствующихъ здѣсь лихорадокъ крестьяне берутъ ее, варятъ и ѣдятъ.

— Ну, и что-же? Помогаетъ? Ха-ха-ха!

— По вѣрѣ ихъ, бываетъ, помогаетъ.

— Ишь какое лѣкарство нашли? А ты денегъ за лѣкарство не берешь?

— Упаси Боже, ваше преосвященство, я безвозмездно...

— То-то безвозмездно... Ну, веди дальше, показывай.

Въ церкви были собраны мои ученики, которыхъ я обучалъ грамотѣ и выучилъ общему пѣнію. Преосвященный очень любилъ общее пѣніе въ церквахъ и первый изъ архипастырей потребовалъ отъ священниковъ, чтобы они его вездѣ заводили. Я указалъ на нихъ преосвященному и скомандовалъ:

— А, ну, хлопченята, спойте: О всепѣтая Мати!

Хлопцы тихо, и стройно спѣли требуемое.

— Хорошо, хорошо,—замѣтилъ преосвященный.—Это что? Богъ? —спросилъ онъ одного мальчика, показывая на образъ Спасителя.

— Нѣтъ.

— Что же?

— Це изображеніе Божіе.

— А гдѣ же Богъ?

— Богъ скризъ (вездѣ).

— Что же такое изображеніе?

— Це патретъ.

— Хорошо, хорошо.

Онъ обратился къ взрослымъ и сдѣлалъ имъ наставленіе. Замѣтивъ, что крестьяне одѣты въ длинныя свитки, онъ упомянулъ, что Государь Александръ III-й собравшимся къ нему на коронацію старшинамъ велѣлъ продолжать носить русскіе костюмы и не мѣнять ихъ на нѣмецкіе пиджаки. Преданность старымъ костюмамъ указываетъ на преданность старымъ обычаямъ и твердымъ устоямъ.

И я вамъ совѣтую то же, а перемѣните одежду, потребуете

и новаго священника. А мѣнять его вамъ не совѣтую, но совѣтую поддержать, ибо онъ молодой, дѣятельный и энергичный.

Онъ благословилъ народъ и, сопровождаемый густой толпой, вышелъ изъ церкви.

Я осмѣлился обратиться къ нему.

— Благоволите, ваше высокопреосвященство, посѣтить мой домъ.

— Что ты меня называешь „ваше высокопреосвященство?“ Я — не высокопреосвященство, а смиренный епископъ Никаноръ. Да! Я въ смущеніи иду.

— А что значитъ слово епископъ?—спрашиваетъ.

— Надзиратель, ваше преосвященство,—отвѣчаю я.

— Ну, да, надзиратель. Ну, вотъ, значитъ, я и безъ просьбъ приду посмотрѣть на твое житье-бытье. Ну, веди въ свои апартаменты.

Проходя мимо пустыря около церкви, онъ сказалъ:

— Вотъ здѣсь какъ разъ мѣсто для церковно-приходской школы.

— Да, ваше преосвященство, я самъ объ этомъ думаю.

Тутъ случилась неожиданная исторія. Чтобы попасть во дворъ священника, нужно было пройти его сначала садомъ. Войдя въ садъ, преосвященный увидѣлъ, что главная аллея устлана богатѣйшими красными коврами, остановился пораженный.

— Это что такое? Объясни.

— Ваше преосвященство! Когда Господь Іисусъ Христосъ входилъ въ Іерусалимъ на осляти, еврейскія женщины постилали одежды подъ ноги Ему. А мои прихожанки постлали ковры во срѣтеніе вашему преосвященству.

У моихъ прихожанокъ, между которыми было много молдаванокъ, нашлись роскошные ковры.

Преосвященный улыбнулся, видимо довольный.

— Ну, коли такъ, иди впередъ, а то я не замѣчу подъ коврами пригорковъ или ямокъ и споткнусь.

— Ваше преосвященство! Мы еще за мѣсяцъ до вашего пріѣзда укатали всѣ горки и сравняли всѣ ямки, такъ что безопасно.

— Нѣтъ, иди впередъ.

Я пошелъ.

— Это батюшка загораживаетъ мнѣ дорогу,—замѣтилъ преосвященный.

Въ это время ко мнѣ подбѣжала моя попадья и шопотомъ спра-

шиваетъ: „какъ же мнѣ встрѣчать владыку?“—„А ты возьми хлѣбъ-соль и стань у воротъ, встрѣтить владыку“, отвѣчаю. Вошли въ мой дворъ. Вижу, у входа въ домъ стоитъ моя попадья. Владыка говоритъ ей:

— Ну, что жь, матушка, иди впередъ.

Она повернулась и быстро пошла впередъ.

— Ишь, матушка пошла загородить мнѣ дорогу,—замѣтилъ онъ.

Вошли мы въ домъ. А жилъ я въ то время въ простой крестьянской хатѣ, и полъ въ ней былъ земляной, исключая одной залы, гдѣ я настлалъ деревянный полъ.

Владыка окинулъ глазами комнату и, увидѣвъ портретъ преосвященнаго Платона, архіепископа Херсонскаго, сказалъ: „благо“.

Подошли подъ благословеніе мои теща и свояченица. Я только что хотѣлъ ихъ рекомендовать, какъ Никаноръ сказалъ:

— Это твоя теща (онъ благословилъ тещу), а это свояченица (благословилъ и ее).

— Точно такъ, ваше преосвященство.

— Ну, не важны же твои апартаменты: у тебя и полъ-то земляной.

— Пожалуйте, ваше преосвященство, сюда: тамъ полъ деревянный.

Я провелъ его въ залу.

— Ну, вотъ я здѣсь и расположусь.

Онъ сѣлъ на диванъ. Потомъ потребовалъ къ себѣ благочиннаго нашего благочинія, а намъ махнулъ рукой, показывая выйти. Потомъ потребовалъ меня къ себѣ. Преподавъ нѣсколько совѣтовъ относительно пастырства и благопорядка церковнаго, онъ потребовалъ стаканъ чая, а отъ ужина отказался. Я было предложилъ ему для отдыха диванъ, но онъ отказался и велѣлъ внести для отдохновенія свою походную кровать. Когда все было готово, онъ сказалъ намъ: „исчезайте!“

Мы съ благочиннымъ ушли, оставивъ его одного.

Только что все успокоилось, какъ сторожъ громко ударилъ въ колоколъ. У меня былъ заведенъ обычай, чтобы сторожъ каждый часъ ударялъ три раза въ колоколъ.

Вдругъ слышу изъ залы голосъ владыки:

— Птенецъ!

Такъ онъ называлъ молодого своего келейника, но такъ какъ я,

по тѣснотѣ, положилъ его не въ своемъ домѣ, а въ сосѣдней хатѣ, то вмѣсто „птенца“ явился самъ.

— Кто тамъ?—спросилъ владыка, когда я скрипнулъ дверью.

— Это я, ваше преосвященство, священникъ с. Ново-Павловки.

— Чтобы этого не было (т. е. звона).

— Сейчасъ будетъ сдѣлано объ этомъ распоряженіе, ваше преосвященство.

Прошла ночь. Утромъ владыка позвалъ меня и жену къ себѣ и обратился къ намъ:

— Благодарю васъ, молодые батюшка и матушка, за гостепріимство. Только вотъ хибарка у васъ плоха. Какъ же пастырь будетъ стараться объ общей пользѣ, если у него домъ-то не благоустроенъ? А, впрочемъ, старайся: апостолы не имѣли угла, гдѣ голову преклонить.

Выйдя изъ дому, владыка спросилъ у моего благочиннаго:

— Можетъ ли архіерей наградить молодого священника, если у него найдетъ все въ порядкѣ?

Благочинный молчалъ.

Благочинный другого благочинія, пріѣхавшій встрѣтить преосвященнаго, смѣло сказалъ: «можетъ».

— Ну, такъ представить священника Г-ва къ набедреннику,— сказалъ онъ моему благочинному.

Въ это время къ намъ подошелъ мужичекъ и, кланяясь мнѣ низко, просилъ, чтобы я схоронилъ его отца. Преосвященный, вѣроятно, замѣтилъ это...

— Ну, батюшка, а теперь поѣдешь провожать меня?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, у меня погребеніе, я прежде схороню покойника, а потомъ, если позволите, пріѣду въ объѣздъ прямымъ путемъ, между тѣмъ какъ вы будете ѣхать кружнымъ, и надѣюсь еще поспѣть въ Березовку до вашего пріѣзда.

— Ну, благо, благо.

Благословивъ насъ и народъ, при звонѣ колоколовъ нашей деревенской церкви онъ уѣхалъ.

Впослѣдствіи оказалось, что благочинный что-то наговорилъ на о. Николая архіепископу Никанору. Но мудрый администраторъ и опытный архипастырь, не повѣривъ словамъ благочиннаго, самъ по-

старался во все вникнуть. Глубокій знатокъ красоты православнаго богослуженія, входившій во всѣ подробности церковнаго чина и устава, онъ при посѣщеніи с. Ново-Павловки увидѣлъ истовое и чинное богослуженіе, услышалъ прекрасный хоръ пѣвцовъ, устроенный священникомъ изъ самихъ прихожанъ, и оцѣнилъ дѣятельность о. Г-ва на пользу духовнаго просвѣщенія своей паствы и благолѣпія храма. Наградивъ его набедренникомъ, онъ не забылъ его и потомъ награждалъ неоднократно и выражалъ ему свою благодарность". („Историч. Вѣсти." 1904 года № 8-й).

20. Архипастырское правосудіе.

Въ журналѣ «Странникъ» находимъ одинъ характерный разсказъ изъ недавней старины: «Архипастырское правосудіе». Содержаніемъ для него служитъ эпизодикъ изъ хорошо извѣстныхъ отношеній приходскаго духовенства къ консисторскимъ чинамъ и властямъ. Дѣло происходило въ Одессѣ, въ 40-выхъ годахъ, при архипастырѣ, который не названъ по имени. Сельскій батюшка, пожелавшій перемѣнить свой приходъ на другой только что освободившійся и богатый,—начинаетъ хожденіе по консисторскимъ чинамъ, конечно —„съ подношеніями". Пока подношенія принимались, давались и обѣщанія, но затѣмъ—бѣднаго батюшку перестали пускать даже и въ консисторію. Горько стало ему, истративъ всѣ деньги свои, уѣхать ни съ чѣмъ, и вотъ рѣшается онъ пойти къ владыкѣ, разсчитывая чрезъ архіерейскаго келейника о всемъ доложить ему...

«Отворяетъ онъ калитку архіерейскаго двора, разсказываетъ авторъ, и видитъ на криво, въ саду, какой-то старичекъ, въ потертой бархатной скуфейкѣ и въ старомъ полиняломъ подрясникѣ, копаетъ землю.

— Извините, приближается къ нему съ робкимъ поклономъ отецъ Никаноръ,—гдѣ бы мнѣ найти келейника его преосвященства?

— Я самый и есть; что вамъ угодно, батюшка?

— Ахъ, очень пріятно! Я вотъ священникъ села Дурасовки, Никаноръ Дроздовъ, пріѣхалъ сюда хлопотать о перемѣщеніи въ Вознесенскій приходъ, на мѣсто недавно умершаго Григорія Покровска-

го. Сами знаете, просить надо благодарить—сухая ложка ротъ деретъ; было немного, что трудами и требами скопилъ за пятнадцать лѣтъ—все почти роздалъ секретарю и членамъ: тому столько-то, этому столько-то. Осталось всего рублей сорокъ, да сивая кобыла, на которой пріѣхалъ. Сначала обѣщали, а теперь какъ понаѣхали мои товарищи, да знать пересилили мои приношенія, такъ меня ужъ и въ консисторію не пускаютъ. Сдѣлайте одолженіе, доложите о такой несправедливости владыкѣ и попросите, нельзя-ли перевести меня въ село Вознесенское. Я ужъ, того, признателенъ буду... На первый случай больше не могу, истощенъ, а какъ продамъ сивую кобылу еще столько-же добавлю.

Священникъ сунулъ въ руку старику кредитку въ 25 рублей. Тотъ взялъ.

— Хорошо, батюшка, я вамъ помогу и все разскажу преосвященному. Приходите завтра, въ 12 часовъ, въ консисторію; онъ собирается тамъ быть, а теперь уходите; владыка можетъ сейчасъ сюда прійти и васъ увидѣть, а этого пока не нужно, иначе все дѣло испортимъ.

— Какъ-же я попаду въ консисторію, когда меня туда не пускаютъ?

— Ступайте смѣло и скажите, что вамъ самъ архіерей приказалъ тамъ быть и его дожидаться, а я ужъ предупрежу владыку и попрошу прощенія, что распорядился его именемъ. Обнадеженный отецъ Никаноръ крѣпко пожалъ руку почтенному келейнику и, низко кланяясь, удалился.

На другой день, не смотря, на переданное приказаніе самого владыки, отецъ Никаноръ едва только могъ проникнуть на лѣстницу консисторіи, но въ переднюю входъ ему загородилъ швейцаръ, выразившій сомнѣніе на счетъ распоряженій архіерея. Когда же по докладѣ о настойчивости попа секретарю, этотъ отвѣчалъ: «не пускай, вретъ», вѣрный стражъ совсѣмъ отказалъ священнику въ его требованіи. Тогда отецъ Никаноръ сѣлъ на лѣстницѣ на окнѣ и сталъ дожидаться.

Вдругъ раздался почтительный, сдержанный говоръ: «владыка идетъ!» Вскорѣ дверь распахнулась и передъ глазами встревоженнаго до испуга священника, въ свѣтлой рясѣ со звѣздой и въ клобукѣ, предсталъ вчерашній келейникъ *). Священникъ едва всталъ на

*) Архіерей этотъ недавно былъ переведенъ изъ другой губерніи, и о. Никаноръ его еще не видалъ.

ноги, весь дрожалъ и не могъ выговорить ни одного слова.

— Ну что, все-таки не пускаютъ? Сказалъ ему поднимавшійся по лѣстницѣ архіерей. Такъ пойдемъ ужъ, я проведу.

— Виноватъ... ваше преосвященство... не... пуска...ютъ... простите! едва выговорилъ дрожащимъ голосомъ священникъ, готовый упасть на колѣни,—простите! повторилъ онъ,—не зналъ!

— Ну, ладно; пойдемъ-ка судиться.

— Черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ засѣданія представилась слѣдующая картина: за столомъ, въ креслѣ, сидѣлъ преосвященный; вокругъ стола, въ видѣ кающихся, стояли секретарь и члены консисторіи, а поодаль, съ другой стороны, какъ приговоренный къ наказанію, все еще дрожавшій и блѣдный, отецъ Никаноръ.

— Секретарь, громко началъ архіерей,—этотъ священникъ подалъ въ консисторію прошеніе о перемѣщеніи его въ Вознесенскій приходъ и вы обѣщали ему это сдѣлать?

— Подалъ, проговорилъ секретарь, заикаясь.

— Такъ отчего-же вы его не назначили?

Вѣроятно оказались болѣе достойные?

— Точно такъ, ваше преосвященство; изъ соискателей есть академики.

— Значитъ, вы не сдержали своего слова, а это не хорошо. Вотъ онъ говоритъ, что вы всѣ взяли съ него за это деньги, а между тѣмъ обѣщанія не исполнили. Сколько ты далъ секретарю? обратился архіерей къ отцу Никанору.

— Двѣсти рублей, ваше преосвященство.

— Взялъ? говори истину!

— Взялъ, ваше преосвященство, помилуйте!

Такимъ образомъ поочередно были допрошены всѣ члены консисторіи и принесли повинную.

— Да, всѣ мы люди, всѣ слабые, грѣшные люди, сказалъ въ заключеніе архипастырь. Вотъ и я не воздержался, и я взялъ съ него, чтобы выхлопотать ему мѣсто, 25 рублей, да еще онъ обѣщалъ мнѣ столько же, когда продастъ сивую кобылу. Если же мы взяли благодарность, то по справедливости надо, по крайней мѣрѣ, исполнить обѣщаніе.—Секретарь! напиши-ка сейчасъ журналъ о переводѣ священника Никанора Дроздова въ просимый приходъ, а мы его тутъ же и подпишемъ. Но такъ мы понапрасну чуть-чуть не раззорили просителя до продажи послѣдней животины—сивой кобылы,

то должны вознаградить его. А какъ вознаградить? *Исполняя заповѣдь* Спасителя, сказавшаго: *аще возьмешь единицею—воздай десятерицею*, и мы должны поступить также и возвратить Дроздову взятое у него этою евангельскою мѣрою.. Вотъ моя доля, сказалъ онъ, обращаясь къ отцу Никанору и подавая ему 250 рублей—возьми. Вы также отдайте ему, что приняли, десятерицею. А ты, продолжалъ архипастырь, строго глядя на священника,—не смѣй брать меньше, а то какъ узнаю—лишу этого прихода и отошлю въ монастырь на покаяніе. Затѣмъ подписавъ журналъ о назначеніи отца Никанора и рѣшивъ еще нѣсколько дѣлъ, преосвященный ушелъ. Приговоренные къ уплатѣ осадили священника просьбами сбавить присужденную сумму. «Не могу, ни какъ не могу! упрямился отецъ Никаноръ,—вы слышали строгій приказъ его преосвященства. Какъ я смѣю ослушаться. Сохрани Богъ, дойдетъ до него, я тогда пропалъ совсѣмъ. Нѣтъ, подавайте всю сумму". Только послѣ настоятельныхъ убѣжденій, что владыка не узнаетъ, что они и домашнимъ будутъ говорить о взносѣ контрибуціи полностью, о. Никаноръ согласился взять половину, и вскорѣ, съ указомъ о назначеніи и съ порядочной суммой денегъ, уѣхалъ домой". („Странникъ" 1888 года 1-й томъ).

21. Добрый архипастырь.

Въ журналѣ «Странникъ» приводится случай изъ одесской жизни достопамятнаго и по истинѣ „добраго архипастыря", покойнаго Димитрія Херсонскаго.

«Приходитъ къ нему однажды женщина и объясняетъ, что у нея умеръ мужъ-ремесленникъ, котораго зналъ владыка, потому что онъ жилъ по сосѣдству, и что мѣстный священникъ требуетъ за похороны 15 рубл., а у нея нѣтъ такихъ денегъ и всего только въ домѣ 6 руб., на которые нужно жить и кормить троихъ дѣтей. Она не знаетъ, что ей дѣлать, и проситъ приказать совершить требу.

— Этому священнику вѣрно некогда, онъ очень занятъ. Ступай, матушка, домой, говоритъ преосвященный,—и приготовься къ погребенію мужа. Я его самъ похороню.

Обрадованная такою высокою честью, женщина опрометью бросилась на квартиру, а преосвященный тѣмъ временемъ сдѣлалъ распоряженіе приготовить все необходимое къ отпѣванію и похоронамъ покойнаго. Когда народъ на улицѣ увидалъ, что за простымъ некрашеннымъ гробомъ идетъ самъ архіерей, въ сопровожденіи протодіакона и пѣвчихъ, то одинъ по (другому) одному началъ присоединяться къ печальной процессіи и образовалъ огромную толпу въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которая по мѣрѣ движенія, увеличивалась все болѣе и болѣе. Между тѣмъ процессію эту замѣтилъ изъ окна священникъ, просившій такъ дорого за похороны. Накинувъ наскоро ризу, онъ выбѣжалъ на улицу, и приближаясь съ поклонами къ архіерею, просилъ дозволить ему окончить обрядъ. «Да вѣдь тебѣ некогда, ты занятъ и отказался. А если есть время, такъ иди съ нами!» Священникъ понялъ, что владыкѣ извѣстна причина его отказа, и, конфузливо понурившись, молча занялъ свое мѣсто. Достигнувъ кладбища и отдавъ послѣдній долгъ христіанскій усопшему, преосвященный сказалъ краткое, но прочувствованное слово, упомянувъ, что послѣ смерти бѣднаго труженика осталась семья, для которой онъ честно работалъ, былъ опорою и кормильцемъ; что, потерявъ его, эта семья лишилась всякихъ средствъ къ жизни, а онѣ нужны не только для вскормленія и воспитанія, но и для обученія малютокъ; вдова же не можетъ доставить все это своимъ трудомъ. «И такъ, заключилъ архипастырь,—поможемъ, братіе, бѣдной и сирой семьѣ по желанію и средствамъ каждаго, и Богъ благословитъ труды и достояніе наше. Да будетъ моя лепта началомъ этого добраго дѣла». Положивъ на подносъ 10 рублей, архіерей обратился къ корыстолюбивому священнику: «А ты доставь мнѣ завтра 15 рублей.» Нечего говорить, что архіерейскій призывъ тронулъ всѣхъ до глубины души. Бѣдная вдова собрала около шести сотенъ. Несмотря на значительные доходы Одесской епархіи и средства, отпускавшіяся на содержаніе архіерейскаго дома, преосвященный Димитрій никогда не имѣлъ денегъ, потому что щедро раздавалъ ихъ бѣднымъ, не отказывая въ помощи ни одному просящему. Приходитъ къ нему, однажды, бѣдная женщина, и, объясняя, что ей нечѣмъ кормить дѣтей, проситъ пособить ея нуждѣ и горю. Застигнутый врасплохъ, въ минуту безденежья, преосвященный конфузился и велитъ ей обождать, а самъ выходитъ изъ зала, занимаетъ у келейника 3 р. и вручаетъ ихъ старухѣ, приглашая придти въ другой разъ—тогда онъ ей помо-

жетъ больше. Вскорѣ преосвященнаго Димитрія пригласили хоронить богатаго помѣщика Одесскаго уѣзда, Зорича. На другой день послѣ похоронъ родственники умершаго прислали ему запечатанный, довольно объемистый пакетъ. Этотъ пакетъ лежалъ на столѣ еще нераскрытымъ, когда служка доложилъ о приходѣ женщины, которую архіерей приглашалъ придти еще разъ за пособіемъ. Приказавъ (прислать) позвать ее, преосвященный подалъ ей конвертъ и велѣлъ идти домой. Очутившись на лѣстницѣ, баба вскрыла пакетъ и, къ удивленію своему, нашла тамъ столько денегъ, что едва могла сосчитать: тамъ было 1000 руб. Предполагая, что владыка не зналъ, сколько тамъ денегъ и потому отдалъ ей пакетъ, она вернулась въ его покои и объяснила, что онъ ошибся, оказывая ей помощь, что въ конвертѣ тысяча рублей. «Ну, такъ что-же?—сказалъ добрый архипастырь.—Это тебѣ Богъ послалъ. Ступай домой, возблагодари Господа и старайся употребить деньги съ пользою для семейства». Затѣмъ онъ поспѣшно удалился въ кабинетъ»... («Странникъ» 1888 года I томъ).

22. Случай изъ жизни Преосвященнаго Димитрія Херсонскаго.

Въ журналѣ «Странникъ» за 1888 годъ передается случай изъ жизни Преосвященнаго Димитрія Херсонскаго, разсказанный имъ самимъ.

«Въ одинъ изъ 40 годовъ,—разсказывалъ Димитрій,—получается въ Кіевѣ бумага, что такого-то числа Государь Императоръ Николай Павловичъ изволитъ прибыть въ Кіевъ, что останавливаться въ немъ не будетъ и встрѣчъ какихъ-нибудь особенныхъ быть не должно. Но такъ какъ этотъ истинно-благочестивѣйшій Государь никогда не проѣзжалъ матери городовъ русскихъ, чтобы не поклониться ея святынямъ, хотя бы проѣздъ случился и въ полночные часы,—то митрополитъ Филаретъ, взявши съ собою только намѣстника Лавры и меня, приготовился встрѣтить Императора. Встрѣтилъ. Государь посѣтилъ даже одинъ изъ пещерныхъ храмовъ, усердно молясь

и прикладываясь къ св. мощамъ и, видимо спѣша, направился къ ожидавшей его дорожной каретѣ. Онъ отправлялся, какъ мы послѣ узнали, на югъ, на смотръ войскъ.

— Ну, благослови меня, отецъ, сказалъ Государь, обращаясь къ митрополиту; молись за меня, за вся христіаны, за мою семью. Митрополитъ благословилъ. Желая, вѣроятно, сказать и намъ, (т. е. намѣстнику и мнѣ)—прощайте, Государь взглянулъ на насъ, но ничего не сказавши намъ, вдругъ спрашиваетъ митрополита: „это кто у тебя?“ указавши на меня.

— Это ректоръ здѣшней духовной академіи, о. Архимандритъ Димитрій.

— А!—сдѣлавши этотъ короткій звукъ, Государь окинулъ меня своимъ истинно царскимъ, орлинымъ взоромъ и потомъ пристально посмотрѣлъ на мою стать. И самъ я, какъ говорится, дѣтина дюжій; но чувствовалъ отъ этого взора, отъ величаваго вида русскаго царя, что какая-то дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу, я не вынесъ этого орлинаго взгляда и невольно опустилъ свои очи долу.

Государь еще разъ слегка поклонился намъ и еще разъ повторилъ: молитесь за насъ, святые отцы, и сѣлъ въ коляску. Она тронулась; но Государь паки обернулся къ намъ съ легкимъ наклоненіемъ своей царственной главы.

Чрезъ мѣсяцъ или около того, нежданно негаданно митрополитъ Филаретъ получаетъ бумагу отъ оберъ-прокурора Св. Сунода, въ коей пишется, что по повелѣнію государя императора, ректоръ кіевской духовной академіи, архимандритъ Димитрій, вызывается въ С.-Петербургъ. Коротко, но не ясно.

Призываетъ меня владыко, показываетъ бумагу, и я чувствовалъ, какъ на меня напала какая-то робость.

— Зачѣмъ и почему?—спрашиваю я митрополита.

— Не знаю, о. Димитрій, но думаю, смѣясь сказалъ владыко, что тебя хотятъ сдѣлать всероссійскимъ патріархомъ: ты такъ похожъ на патріарха Никона, котораго, крѣпко полюбивши царь Алексѣй Михайловичъ, пригласилъ быть патріархомъ. Не даромъ Государь Императоръ такъ пристально посмотрѣлъ на тебя. Но шутки въ сторону; робѣть и безпокоится нечего; ни за тобой, ни за твоей академіей грѣховъ нѣтъ; вѣроятнѣе всего, что тебѣ дадутъ какую-нибудь работу. Когда ты намѣренъ отправиться?

— Да нынѣ-же

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; сказалъ владыка и простился со мной, благословивши на дорогу.

Дѣйствительно, взявши съ собою келейника, я пустился въ дорогу ночью того-же числа и нигдѣ не останавливаясь, даже для малыхъ роздыховъ, прибылъ въ столицу.

Можно сказать, прямо съ дороги, даже голодный, я немедленно отправился къ гр. Протасову. Къ великому своему горю, я не засталъ графа дома, воротился въ лавру. кое-что перекусилъ изъ братской трапезы, взялъ книжку и легъ на диванъ, чтобы сколько-нибудь отъ дороги отдохнуть. Дремота одолѣла меня, и я заснулъ, какъ говорится, богатырскимъ сномъ. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ слышу сильный стукъ въ мою дверь; я вскочилъ, хотѣлъ отпереть дверь, но она оказалась запертою на замокъ. Кто тамъ? спрашиваю. —Я, графъ Протасовъ.—Простите великодушно, ваше с-ство; очевидно, что келейникъ заперъ меня и ключъ взялъ съ собою.

— Постарайтесь поскорѣе быть умня,—сказалъ графъ и немедленно удалился крупными шагами: ясный признакъ, что онъ былъ недоволенъ.

Къ вечеру мой келейникъ, въ волю нагулявшись по Питеру, возвратился и вывелъ меня изъ заключенія. Я немедленно отправился къ графу и на сей разъ засталъ его дома. Принялъ онъ меня добродушно, но помня свое графское достоинство и свою силу въ Св. Сунодѣ. Краткую свою рѣчь закончилъ графъ слѣдующими словами: завтра, къ 12 часамъ дня, пріѣзжайте ко мнѣ и я отвезу васъ во дворецъ. Государь императоръ повелѣлъ представить васъ его величеству.—Смѣю спросить ваше с-во: для какой цѣли?—Совершенно не знаю; то воля государя.

Мы простились, и я возвратился въ лавру. Къ безсоннымъ ночамъ, проведеннымъ въ дорогѣ, прибавилась новая, также не совсѣмъ сонливая; вопросъ: зачѣмъ? не отставалъ отъ меня.

Къ 12 часамъ я былъ у графа и отправился съ нимъ въ его каретѣ во дворецъ. Здѣсь графъ сдалъ меня дежурному генералу, а самъ удалился. Генералъ необыкновенно ласково принялъ меня и сказалъ, что сейчасъ же доложитъ о мнѣ Его Величеству. Оставивъ меня одного и возвратившись сказалъ: черезъ пять минуть Государь Императоръ изволитъ выйти къ вамъ; пойдемте со мною. Мы пошли, онъ ввелъ меня въ одну залу и откланялся.

Дѣйствительно прошло не болѣе 5 минутъ, какъ отворяется

одна изъ дверей и я увидѣлъ одного изъ величественныхъ царей земныхъ.

Здравствуй, отецъ Димитрій, благослови меня. Садись.—Видя мою нерѣшимость, Государь снова повторилъ: садись рядомъ со мной. Едва успѣлъ онъ спросить о здоровьѣ митрополита, о моемъ путешествіи, какъ является Государыня Императрица.—Это моя жена, сказалъ Государь; благослови и ее. Я благословилъ. Садись съ нами. Я сѣлъ; съ одной стороны меня Государь, съ другой Государыня. Признаюсь, мнѣ припомнилась поговорка: сидѣть какъ на иглахъ. И сидѣть было какъ-то страшно, и встать боялся. Благо, Государыня Императрица видя, что я какъ будто самъ не свой, ободряла меня своимъ ласковымъ взоромъ. Немного прошло времени въ распросахъ—какъ и что въ Кіевѣ, который, видимо, Государь и Государыня любили, —какъ начали входить то изъ одной, то изъ другой двери члены царственной семьи; каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, и Государь обыкновенно говорилъ: благослови, о. Димитрій; одного принесли на рукахъ; Государь велѣлъ и его благословить и обступила меня эта Богомъ благословенная царственная семья и каждый изъ членовъ ея пристально всматривался въ мои крупныя, конечно не дышавшія нѣжностію, черты лица. Но здѣсь случилась одна забавная исторія. Одинъ изъ малютокъ царственной семьи подошелъ ко мнѣ, какъ говорится, вплотную, и вѣроятно его особенно занимала моя борода, въ которую онъ и вцѣпился своими ручками, да такъ, что и выпутаться не могъ. Государь, увидѣвъ это, улыбнулся и сказалъ: видишь, о. Димитрій, какъ мы привязались къ тебѣ, что и развязаться не можемъ, и собственными руками освободилъ узника изъ сѣтей, разставленныхъ моею бородою.

Давши насмотрѣться мнѣ на свою семью, Государь сказалъ: теперь прощайте, времени нѣтъ, благословите насъ всѣхъ, молитесь за насъ, я вѣрю въ молитвы служителей Божіей церкви. Окончательно прощаясь со мной Государь Императоръ спросилъ: долго ли я пробуду въ столицѣ? Я отвѣтилъ, что никакихъ дѣлъ не имѣю и прибылъ, чтобы исполнить волю Вашего Величества.—И хорошо вы сдѣлали, погостите у насъ, посмотрите городъ, рѣдкости его, императорскую библіотеку, эрмитажъ; повидайтесь со своими знакомыми, которые, вѣрно, найдутся здѣсь; а тамъ и съ Богомъ! не забудьте отъ меня поклонъ нашему молитвеннику—митрополиту". («Странникъ» 1888 года I томъ.

23. Эпизодъ изъ Крымской войны.

„Херсон. Епарх. Вѣдом.“ помѣстили чрезвычайно интересный эпизодъ изъ Крымской войны. Переданъ онъ покойнымъ А. И. Губановскимъ со словъ одесскаго протоіерея А. А. Соловьева.

Во время Крымской войны, какой-то благочинный изъ Крыма послалъ обвинительный доносъ Преосвящен. Иннокентію на одного священника въ томъ, что турки пришли къ этому священнику съ оружіемъ въ рукахъ и заставили его *служить молебенъ Магомету*, а тотъ со страху и согласился на это. Иннокентій сейчасъ же послалъ въ Консисторію распоряженіе съ требованіемъ—немедленно выслать къ нему доносчика—благочиннаго. Консисторія послала этому благочинному указъ съ предписаніемъ немедленно ѣхать въ Одессу и лично явиться къ владыкѣ. Тотъ получивши указъ, немедленно пріѣхалъ въ Одессу и съ сіяющимъ лицомъ является къ Иннокентію, думая, что будетъ примѣрно награжденъ за свою ревность по вѣрѣ.

— Это ты (такой-то) благочинный? спрашиваетъ владыка.

— Я, Ваше Высокопреосвященство,— отвѣчаетъ тотъ.

— Это твое *доношеніе*, ты написалъ это?

— Да, это я писалъ.

Иннокентій смотрѣлъ на него—смотрѣлъ, а потомъ началъ:

— Ну, теперь скажи мнѣ по совѣсти: если бы къ тебѣ турки пришли и пристали съ ножемъ къ горлу, или грозили тебя убить изъ ружья, ты воспротивился бы имъ? Ты бы не захотѣлъ служить для нихъ молебенъ Магомету?... Да ты бы не только Магомету,—ты бы самому діаволу тогда согласился править молебенъ!... Ахъ ты жестокосердный! А у того бѣднаго священника—семья; что же ты его не пожалѣлъ?... Ты хотѣлъ, чтобы я его погубилъ, начавши дѣло по твоему доносу?... Ступай и другой разъ не смѣй обращаться ко мнѣ съ подобными доносами...

И сдѣлавши ему вразумленіе, что выше всѣхъ подвиговъ—*любовь*, Преосвященный Иннокентій отпустилъ благочиннаго во свояси. („Русск. Паломникъ“ 1904 года № 23-й).

24. Изъ воспоминаній о Преосвященномъ Варлаамѣ, епископѣ Пензенскомъ

По смерти преосвящ. Амвросія (Морева), послѣдовавшей 20 октября 1854 года, на пензенскую каѳедру, въ концѣ декабря того же года, прибылъ изъ Архангельска преосвящен. Варлаамъ. Онъ управлялъ Пензенской епархіею въ теченіе девяти лѣтъ (въ 1863 г. перемѣщенъ на тобольскую кафедру) и былъ извѣстенъ за человѣка строгаго и взыскательнаго. Въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» мнѣ пришлось прочитать не мало примѣровъ строгаго отношенія владыки къ подвѣдомственному духовенству. Въ свою очередь, и я считаю не лишнимъ для характеристики досточтимаго архипастыря разсказать изъ своихъ воспоминаній случай, который произошелъ въ одну изъ поѣздокъ владыки по обозрѣнію церквей Саранскаго уѣзда. Какъ извѣстно, преосвящ. Варлаамъ въ бытность свою на пензенской каѳедрѣ не одинъ разъ обозрѣвалъ свою епархію и обозрѣвалъ не кое-какъ для формы, а самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ побывалъ во всѣхъ уголкахъ епархіи, гдѣ до него никогда не видѣли архіереевъ. Онъ не любилъ посѣщать дома помѣщиковъ, потому что посѣщенія эти сопровождались часто просьбами касательно причта, чего владыка не могъ выносить. Пріѣхавъ въ село, онъ прямо направлялся въ церковь, а по осмотрѣ ея навѣщалъ и домъ мѣстнаго священника. Но на этотъ разъ дѣло было нѣсколько иначе. По осмотрѣ церкви прихода № преосвященному предстоялъ путь въ сосѣднее село. Не доѣзжая до послѣдняго 2—3 версты, съ преосвящен. случилось маленькое несчастіе—поломка экипажа. Тогда Варлаамъ рѣшилъ пройтись пѣшкомъ, благо, и время было хорошее: теплое, ясное. Вошедши въ село, преосвященный спросилъ попавшагося ему мужичка о мѣстѣ жительства приходскаго священника, и, когда тотъ указалъ, владыка направился прямо въ его домъ. День склонялся къ вечеру. Священникъ въ это время отсутствовалъ, матушка, извинялась за свой костюмъ, провела посѣтителя въ комнату.

Скоро явился и самъ священникъ, еще на огородѣ извѣщенный о приходѣ «монаха». Архіерея онъ не ждалъ; вотъ уже сколько лѣтъ живетъ онъ въ этомъ приходѣ, и теперь вполнѣ убѣжденъ, что это завидное мѣсто, куда и архіерейскій глазъ, вѣроятно, не заглянетъ никогда. По этому и случайнаго посѣтителя онъ могъ принять или

за вновь назначеннаго священника къ сосѣдней церкви, или просто за монаха (архіерей былъ въ монашеской рясѣ и простой священнической шляпѣ).

— Здравствуй, отецъ!—привѣтствовалъ хозяинъ гостя,—что такъ поздно, или дѣло есть какое?... И не дожидаясь отвѣта, священникъ обратился къ своей матушкѣ:

— Ты бы, мать, принесла намъ самоварчикъ, и гость-то бы угостился, да и я бы съ нимъ попилъ.

Въ то время, какъ матушка возилась въ кухнѣ съ самоваромъ, разговоръ перешелъ на современную тему:

— Пахалъ я свой огородъ,—сообщилъ гостю священникъ,—теперь уже покончилъ... усталъ... утомился. Слышалъ я какую новость: вѣдь владыко-то нашъ разъѣзжаетъ, будто-бы, по нашему уѣзду. Не знаешь-ли, отецъ, гдѣ онъ обрѣтается?... Во всю свою службу здѣсь я не видѣлъ архіерея, да и сейчасъ, признаться, не желалъ бы его видѣть... Грѣха то сколько съ нимъ!... Вотъ далъ Богъ дождя, самый, то есть сѣвъ, а его несетъ нелегкая...

Появилась матушка съ кипящимъ самоваромъ и поставила его на столъ. Тѣмъ временемъ батюшка тихонько растворилъ шкафъ, гдѣ обнаружился, между прочимъ, довольно почтенныхъ размѣровъ графинъ. Матушка покрыла столъ бѣлой скатертью, а чрезъ минуту на немъ появился и графинъ съ виномъ и закускою. Батюшка снялъ даже кафтанъ и остался въ широкихъ клѣтчатыхъ штанахъ и ситцевой рубашкѣ, поверхъ которой болталась тоненькая косичка. Не медля онъ налилъ рюмку водки и поднесъ ее гостю. Послѣдній замѣтилъ, что не можетъ въ этомъ составить ему компанію. Тогда священникъ выпилъ одинъ; напитокъ очевидно понравился ему, и онъ не дожидаясь налилъ другую рюмку, за ней послѣдовала третья и четвертая, послѣ которой онъ сталъ уже необыкновенно разговорчивъ. Бесѣда, между прочимъ, вернулась опять на ту же тему.—И куда только его несетъ нелегкая? Грѣха-то сколько съ нимъ!—печаловался священникъ гостю.—Ну чтобы поранѣе, ну наконецъ позднѣе, а то вѣдь знаешь и самъ, что пора спѣшная, рабочая...

Ты, отецъ, не куришь?

Гость отказался.

— А я грѣшнымъ дѣломъ балую по немногу, да и то подумываю бросить какъ-нибудь.

Въ это время экипажъ архіерейскій подвигался къ селу, а за нимъ и „свита“ владыки.

Вѣроятно, батюшка не одинъ разъ толковалъ своему сторожу, какъ ѣздитъ архіерей и что нужно дѣлать, когда послѣдній покажется на ближайшей отъ села горкѣ. Это предостереженіе было сдѣлано ему по поводу тревожныхъ слуховъ. Въ данную минуту показавшійся поѣздъ, надо полагать, совпалъ съ описываемымъ, почему сторожъ и не замедлилъ зазвонить „во вся“.

— Мать!... старуха!... попадья!... Ахъ; что бы его тутъ совсѣмъ, вѣдь это архіерей!—почти внѣ себя закричалъ священникъ.—Гдѣ ряса-то, ряса-то гдѣ?!... Да не эта... новая...—и кинувъ на полъ поданную ему матушкой, онъ бросился отыскивать новую рясу.

Наконецъ новая ряса нашлась, и необходимое переоблаченіе совершилось.

— Ты ужъ, отецъ извини,—обратился онъ къ гостю,—кабы не этотъ случай... Эхъ, несетъ его нелегкая... И съ этими словами священникъ вышелъ изъ комнаты.

Но и гостю не сидѣлось: по уходѣ батюшки онъ всталъ, помолился и, поблагодаривъ хозяйку, направился въ церковь. Священникъ въ облаченіи стоялъ уже на церковной паперти, держа на блюдѣ св. крестъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ своего гостя—монаха?... Послѣдній медленною поступью поднимался на церковную паперть въ то время, когда архіерейскіе пѣвчіе пѣли Достойно „входное“.

Приложившись ко кресту, владыка послѣдовалъ въ алтарь; здѣсь онъ сталъ не узнаваемъ. Осмотрѣвъ церковные документы, антиминсъ, св. дары и весь храмъ, преосвященный обратился къ священнику съ такимъ вопросомъ:

— Скажи-ка мнѣ, отецъ, ты окончилъ курсъ или нѣтъ?

— Окончилъ, ваше преосвященство.

— А въ какомъ году?

— Въ 18, ваше преосвященство.

— А вотъ сейчасъ дѣло покажетъ.

И владыка приступилъ къ экзамену.

Когда послѣдній окончился, владыка сказалъ:

— А ждалъ ли ты меня?

Священникъ сознался, что онъ не ждалъ архіерея.

Владыка съ минуту посмотрѣлъ на священника, какъ бы желая

проникнуть въ его голову. Послѣдній стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Ну, это ничего, сказалъ преосвященный: я тобою доволенъ, у тебя вездѣ порядокъ и чистота. Мнѣ хотѣлось бы побольше поговорить съ тобою, да время не дозволяетъ. А ты лучше вотъ что сдѣлай: чрезъ недѣлю, когда я вернусь въ Пензу, пріѣзжай и ты, и приходи ко мнѣ.

Благословивъ священника, владыка вышелъ изъ церкви и направился далѣе по епархіи...

Проѣзжая село, преосвященный разспрашивалъ провожавшую его толпу прихожанъ о священникѣ, на что тѣ, какъ бы сговорившись, отвѣчали, что батюшка у нихъ хорошій, что лучшаго у нихъ и не было...

Вернувшись домой, священникъ не замедлилъ, разумѣется, передать о всемъ случившемся своей матушкѣ, и оба долгое время не могли успокоиться.

— Нѣтъ, ты представь только,—уже въ сотый разъ повторялъ священникъ:—какъ я къ нему поѣду?... Что я буду говорить съ нимъ?... Какъ оправдываться?..

Среди такихъ волненій незамѣтно прошла недѣля. Наступилъ роковой день личнаго свиданія съ владыкой въ его покояхъ. Что пережилъ за это время священникъ, не трудно предположить, если припомнимъ характеръ преосвященнаго, его строгія и крутыя мѣры.

Но вотъ уже священникъ и въ Пензѣ. Явившись въ архіерейскій домъ, онъ попросилъ служку доложить о немъ владыкѣ.

— Подождите здѣсь,... я сію минуту.

Прошло не болѣе трехъ минутъ, показавшихся ему долгимъ часомъ. Наконецъ, двери отворились, и въ нихъ предсталъ владыка.

— А, явился,—привѣтствовалъ онъ гостя и увелъ его въ дальнія комнаты. Здѣсь онъ пригласилъ священника сѣсть, а самъ сдѣлалъ распоряженіе на счетъ самовара. Потчуя священника, владыка, между прочимъ, сказалъ:

— Трубки и табаку, отецъ, у меня не полагается; я не курю, да и тебѣ не совѣтую,—бросить, оставить надобно эту вредную для здоровья привычку. Водки рюмку еще ничего, это я допускаю, особенно послѣ трудовъ, къ тому же ты самъ занимаешься хлѣбопашествомъ; но пей умѣренно, пьянъ не напивайся; священнику болѣе, чѣмъ кому либо, слѣдуетъ быть трезвеннымъ, «не піяницѣ, не убійцу, не сварливому». Я очень обрадованъ былъ, когда услышалъ что,

и прихожане о тебѣ хорошаго мнѣнія. Признаться, для меня нѣтъ ничего лучше, какъ мнѣніе народа о подвѣдомственномъ мнѣ духовенствѣ. Вѣдь почему, думаешь, называютъ священника отцомъ? Потому что онъ близко стоитъ къ народу, видитъ его горе и радость, и самъ вмѣстѣ съ нимъ скорбитъ и радуется; священникъ—это такое лицо, къ которому народъ долженъ питать довѣріе въ десять разъ больше, чѣмъ къ учителю, начальнику, врачу и т. д. А между тѣмъ, говорилъ владыка,—что представляетъ собою нашъ сельскій священникъ? Онъ и кулакъ, часто держащій въ сѣтяхъ всю округу; онъ и торгашъ, вымогающій подчасъ послѣднія крохи изъ мужика за исполненіе требъ; онъ и кабаки содержитъ, онъ подъ проценты деньги даетъ... И вотъ, когда попадется между ними свѣжій, неиспорченный священникъ, я радуюсь, я душевно радуюсь и за себя и за него...

Много и долго говорилъ владыка все на ту же тему. Священникъ все время слушалъ, не смѣя возразить, изрѣдка лишь поддакивалъ, а подъ конецъ и совсѣмъ замолчалъ. Преосвященный сдѣлалъ длинную паузу, очевидно утомленный своею рѣчью. Затѣмъ онъ неожиданно всталъ и, отпуская отъ себя священника, сказалъ:

— Вотъ говорятъ про меня, что я владыка строгій. Къ неаккуратнымъ и неисправнымъ я строгій—это правда, но если священникъ заслуживаетъ мое довѣріе, если онъ являетъ собою истиннаго пастыря для своихъ прихожанъ, я всегда готовъ окружить его своимъ вниманіемъ и провести съ нимъ два—три часа за радушной бесѣдой... А теперь съ Богомъ, отправляйся домой и служи во славу Божію.

Провожая священника, владыка не могъ не замѣтить, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на него.

И дѣйствительно, въ теченіе всего пути, отъ губернскаго города до своего села, послѣдній не переставалъ думать о томъ, что бы все это могло означать. Ужъ не сонъ ли это? не грезы ли ночныя? Развѣ на яву можетъ быть такое счастье деревенскому попу отъ такого строгаго и суроваго владыки?!.. Но счастье было еще впереди. Чрезъ три недѣли, по пріѣздѣ изъ губернскаго города, онъ получилъ набедренникъ (ранѣе не имѣлъ никакихъ наградъ), а, спустя четыре мѣсяца, былъ переведенъ въ одинъ изъ лучшихъ приходовъ епархіи. («Историч. Вѣстн.» 1903 г. 3 кн.).

25. Устные разсказы объ архіепископѣ Смарагдѣ-Крыжановскомъ.

Въ старое время, когда помѣщики считали себя господами не только крестьянъ, а и всего сельскаго люда, не исключая и духовенства, столкновенія между духовенствомъ и помѣщиками были неизбѣжны и повсѣмѣстны; слѣдствія этихъ столкновеній въ большинствѣ случаевъ были печальнымъ для духовныхъ, безсильныхъ въ борьбѣ съ «господами». Не маловажное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ личный характеръ того или другого архіерея, которому по неволѣ приходилось быть судьею между борющимся. Были архіереи мудрые, хорошо сознававшіе свою прямую обязанность имѣть прежде всего заботу и попеченіе о благѣ своихъ прямыхъ подчиненныхъ и помощниковъ въ пасеніи стада своего-духовныхъ, и строго разбирали справедливыя жалобы на духовенство отъ придирокъ и несправедливыхъ нападокъ чиновничества и помѣщичества; но не мало было и такихъ святителей (въ первой половинѣ истекшаго столѣтія), которые, или по слабости характера, или «страха ради іудейскаго» (больше всего боялись связей свѣтскихъ людей съ Петербургомъ) уступали всякой жалобѣ и всякому доносу и раззоряли бѣдныхъ священниковъ переводами изъ одного прихода въ другой. Въ этомъ отношеніи въ характерѣ преосв. Смарагда была замѣчательная черта, которую любили его подчиненные во всѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ онъ служилъ: пр. Смарагдъ былъ строгъ въ отношеніяхъ къ духовенству, взыскателенъ и нерѣдко скоръ въ наложеніи наказаній (въ этихъ случаяхъ преосвященный нерѣдко самъ въ простотѣ просилъ прощенія у несправедливо обиженнаго священника или дьякона) но разбирая споры духовенства съ помѣщиками и чиновниками, онъ всегда держался прекраснаго правила— *«не выдавать своихъ»*. И вообще преосвященный Смарагдъ не жаловалъ чванное чиновничество и высокомѣрное дворянство, да и не дорожилъ ихъ мнѣніемъ о себѣ а при удобныхъ случаяхъ рѣзко и круто обрывалъ всякаго, кто неумѣстно вмѣшивался въ его дѣла по управленію епархіей. На эту тему ходило много разсказовъ про Смарагда, а нѣкоторые изъ такихъ разсказовъ давно уже проникли въ печать, хотя только подъ видомъ «мелочей архіерейской жизни». Два случая изъ Харьковской жизни преосвящ. Смарагда, помѣщаемые ниже, не значительны сами по

себѣ, но характерны въ томъ отношеніи, что прекрасно обрисовываютъ личность покойнаго святителя.

1) Въ Харьковской губерніи жилъ въ то время богатый и знатный помѣщикъ Бантышъ—старикъ, отставной генералъ и тузъ въ кругу губернскаго дворянства. Во время объѣзда епархіи преосвящ. Смарагдъ долженъ былъ посѣтить имѣніе Бантыша, который захотѣлъ принять архіерея и на славу угостить его обѣдомъ (для чего приглашено было окрестное дворянство),—а кстати и пожаловаться на «своего» священника.

Предупрежденный обо всемъ, преосвященный прибылъ въ полдень въ имѣніе Бантыша и, конечно, прежде всего направился къ церкви, гдѣ встрѣченъ былъ священникомъ, «самимъ» помѣщикомъ и массою народа. Церковь была старая, деревянная, и полуразрушеннымъ видомъ своимъ, какъ снаружи, такъ и внутри, произвела на преосвященнаго тяжелое впечатлѣніе. Вошелъ владыка въ церковь, помолился и сталъ осматривать. Ходитъ по церкви и повторяетъ только «э-хе, хе, хе!» (признакъ неудовольствія). Больше ничего никому не сказалъ благословилъ народъ и направился къ выходу. При выходѣ помѣщикъ приглашаетъ преосвященнаго заѣхать къ нему отдохнуть и покушать, на что послѣдній изъявляетъ свое согласіе и самъ предлагаетъ пройти до дома помѣщика пѣшкомъ, благо, погода была прекрасная и разстояніе не очень большое. По дорогѣ Бантышъ показываетъ Смарагду свои богатства при чемъ выставляетъ на видъ свое умѣнье вести сельское хозяйство: «вотъ фруктовый садъ и оранжерея,... вотъ каменныя конюшни, вотъ такіе же скотный дворъ и птичій дворъ... а вотъ и мое жилище (большой двухъэтажный каменный домъ, прекрасно поставленный среди старинныхъ липъ)». Владыка шелъ и молча слушалъ помѣщика, молча вошелъ онъ и въ домъ, и только при входѣ спросилъ: «а здѣсь-ли мѣстный священникъ?» но отвѣта на его вопросъ не послѣдовало, ибо сельскій священникъ не удостоился приглашенія въ домъ помѣщика—тѣмъ болѣе къ архіерейскому обѣду. Преосвященнаго ввели въ большой залъ, гдѣ приготовленъ былъ обѣденный столъ и гдѣ собралось съѣхавшееся дворянство. Среди зала владыко остановился, молча сталъ разсматривать украшенія комнаты и мундиры дворянъ и какъ будто не слышалъ неоднократное приглашеніе хозяина благословить трапезу и садиться—откушать его хлѣба—соли. Вдругъ преосвящ. Смарагдъ обращается къ хозяину съ такою рѣчью: «все здѣсь хорошо, даже богато,... да же роскошно... Только

двѣ *руины* я вижу здѣсь—это васъ г. помѣщикъ и церковь Божію въ вашемъ имѣніи. Не могу я у васъ кушать. Прощайте!... Велите подавать карету»... Быстро вышелъ преосвященный изъ дому, сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ въ дальнѣйшій путь.

Оставшіеся помѣщикъ и его гости, конечно, были поражены и смущены такимъ неожиданнымъ отъѣздомъ преосвященнаго; но за обѣдомъ начали горячо обсуждать поступокъ архіерея на разные лады и мотивы. Только оставшись наединѣ, Бантышъ строго обсудилъ событіе дня и пришелъ къ заключенію, что ему самому нужно поправлять дѣло. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ Бантышъ въ Харьковъ и является къ преосвящ. Смарагду вмѣстѣ съ архитекторомъ и съ богатымъ планомъ на каменную церковь въ его имѣніи. «Я такъ и зналъ! встрѣчаетъ его Смарагдъ (обычнымъ своимъ привѣтствіемъ, когда хотѣлъ оказать вниманіе посѣтителю), я зналъ, что вы добрый христіанинъ и какъ истинный русскій дворянинъ не потерпите запущенія церкви Божіей. Ну, Богъ васъ благословитъ! Стройте храмъ, а при этомъ обратите ваше вниманіе и на священника: онъ труженикъ, но бѣдствуетъ; помогите ему. «Помѣщикъ обѣщалъ исполнить и эту просьбу; затѣмъ построилъ церковь и сдѣлался почитателемъ архіерея-Смарагда.

2) Въ другомъ мѣстѣ, во время того-же объѣзда епархіи, пр. Смарагду пришлось чинить судъ надъ сельскимъ священникомъ по жалобѣ двухъ чиновниковъ.

Въ то время на югъ Россіи и, между прочимъ, въ Харьковской губерніи, вводилось лѣсничество. Въ одно село, населенное государственными крестьянами, пріѣхали лѣсничій и его помощникъ—два юныхъ чиновника «первыхъ классовъ», хотя старшій изъ нихъ былъ уже украшенъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени. Въ селѣ, гдѣ не было помѣщиковъ, молодые люди могли найти подходящее для себя общество только въ семьѣ священника; познакомились и стали учащать свои визиты къ батюшкѣ. Какъ ни тяжело было для священника новое знакомство, но, по слабости хактера, онъ не отказывалъ въ гостепріимствѣ и чуть не ежедневно долженъ былъ принимать дорогихъ гостей и угощать, чѣмъ Богъ послалъ. Только бойкая матушка воспользовалась однажды крупнымъ споромъ между хозяиномъ и гостями, выпроводила послѣднихъ среди бѣлаго дня изъ дому и навсегда закрыла за ними двери. Чиновники оскорбились и принесли жалобу на священника благочинному. О. Благочинный по-

совѣтовалъ священнику извиниться предъ лѣсничими, и самъ священникъ охотно согласился просить прощеніе за нанесенное оскорбленіе, а такъ какъ г г. лѣсничіе не захотѣли явиться, чтобы выслушать словесное извиненіе, то пришлось писать таковое на бумагѣ. Но тутъ-то сельскій батюшка, по своему излишнему усердію и искренности, испортилъ все дѣло. Онъ началъ извиненіе такимъ титуломъ: «Ваши высокородія, милостивые государи и *разныхъ орденовъ кавалеры*»... Затѣмъ изложилъ чистосердечно свою провинность предъ господами и просилъ у нихъ прощенія. Получили чиновники эту бумагу и окончательно возмутились, усматривая въ титулѣ дерзкую насмѣшку надъ всѣмъ чиновничествомъ и даже надъ царскими наградами. Узнали они, что недалеко ѣдетъ по епархіи архіерей, и поѣхали къ нему принести тяжкое обвиненіе на священника. Преосвященный, предупрежденный объ этомъ благочиннымъ, выслушалъ жалобщиковъ, серьезно прочиталъ бумагу съ дерзкимъ титуломъ и сказалъ: «Хорошо! Пріѣзжайте въ городъ (ближайшій уѣздный). Я тамъ скоро буду, вызову священника и разберу вашу жалобу.» Когда преосвященный пріѣхалъ въ городъ, обвиняемый священникъ былъ уже тамъ и ждалъ себѣ суда и рѣшенія, но получилъ только назначеніе на завтра участвовать въ архіерейскомъ служеніи въ соборѣ. На другой день, въ соборѣ, владыко, во время облаченія, спрашиваетъ у иподіакона: *«а здѣсь-ли разныхъ орденовъ кавалеры»*?— «Здѣсь», ему отвѣчаютъ.— «Приготовить набедренникъ». Во время малаго входа подводятъ къ архіерею обвиняемаго священника и снимаютъ съ него ризу... «Кавалеры» видятъ это и разсуждаютъ: «а, вотъ разоблачаютъ его, сейчасъ будутъ разстригать»... но потомъ недоумѣваютъ- происходитъ совсѣмъ не то: священникъ опять облаченъ и служитъ вмѣстѣ съ архіереемъ. Понимающій дѣло сосѣдъ объяснилъ имъ, что вѣроятно владыко знаетъ за этимъ священникомъ особыя заслуги, ибо наградилъ его набедренникомъ (въ тѣ времена рѣдкость для сельскаго духовенства). Тогда только г.г. чиновники поняли архіерейскій судъ и ушли изъ церкви. Послѣ богослуженія, по обычаю, преосвященнаго угощали обѣдомъ, къ которому приглашено было все чиноначаліе городское и уѣздное. Войдя въ домъ, владыко опять, уже громко спрашиваетъ: «а здѣсь ли *разныхъ орденовъ кавалеры*». „Нѣтъ, отвѣчаютъ, усрамились и скрылись сначала изъ церкви, а затѣмъ и совсѣмъ изъ города“. Владыка пожалѣлъ, что не успѣлъ довести до конца примиреніе молодыхъ

людей съ „заслуженнымъ священникомъ", а общественный обѣдъ приправилъ солью... своей бесѣды на тему о томъ, какъ разные чины часто пустяками и придирками гнетутъ и губятъ священниковъ а бѣдное духовенство не смѣетъ и не знаетъ гдѣ искать правды.

У того же разсказчика-очевидца сохранилась въ памяти еще одна бесѣда Смарагда съ своими гостями, характеризующая его взгляды на свою братію—архіереевъ.

Слухи о болѣзненномъ состояніи Петербургскаго митрополита Серафима, и даже о намѣреніи его удалиться на покой, стали проникать въ провинцію и конечно дошли до Харькова. Разумѣется, вмѣстѣ съ этими слухами, распространялись и разныя предположенія о томъ, кто займетъ мѣсто имѣющаго выбыть: въ то время особымъ вниманіемъ въ Петербургѣ пользовался архіепископъ варшавскій Антоній (Рафальскій), а потому на него указывали какъ на будущаго митрополита. Въ одинъ высокоторжественный день, въ гостиной преосвященнаго Смарагда вели разговоръ именно на эту тему, по поводу новыхъ слуховъ изъ Петербурга. Владыка слушалъ разговоръ и вставилъ такое замѣчаніе: „Да, значитъ, не долго мнѣ быть у васъ въ Харьковѣ. Варшавскій будетъ первенствующимъ—меня сошлютъ куда нибудь въ Сибирь!"—„Почему такъ, владыка?"—„Да вѣдь это мой „*крестникъ*!" Владыка не объяснилъ употребленнаго имъ термина, но многіе догадывались, что слово крестникъ употреблено именно въ томъ народномъ смыслѣ, по которому такъ величаютъ кого нибудь наказаннаго или опальнаго, вообще проученнаго. Послѣ, одинъ изъ присутствующихъ на этомъ собраніи, объяснилъ загадку, разсказавъ исторію перваго знакомства Смарагда съ Антоніемъ. Преосв. Смарагдъ, когда еще былъ архимандритомъ—инспекторомъ Кіевской академіи, посланъ былъ на ревизію Волынской семинаріи, которая находилась, какъ и нынѣ, въ уѣздномъ городѣ Кременцѣ, близъ Почаевской лавры. Учебную часть семинаріи Смарагдъ нашелъ хорошею, за то въ экономическомъ отношеніи она произвела на него тяжелое впечатлѣніе; и на первыхъ же порахъ, посѣтивъ бурсацкую столовую и отвѣдавъ кушанья, онъ, по своей природной рѣзкости, изрекъ такое сужденіе: „семинаристы голодаютъ, а экономъ, кажется, очень сытъ" и при этомъ тростью указалъ на животъ о. эконома. Экономъ сей былъ никто иной, какъ вдовый священникъ Рафальскій, который впослѣдствіи достигъ высокихъ степеней. Въ 30-хъ годахъ, когда изъ Петербурга послана была ком-

миссія для пріема Почаевской лавры отъ базиліанъ, въ числѣ мѣстныхъ членовъ этой коммиссіи былъ и семинарскій экономъ, который дѣйствительно оказалъ немаловажныя услуги дѣлу, какъ мѣстный житель, отлично знавшій лавру (онъ во время помѣшалъ прежнимъ хозяевамъ лавры скрыть или увезти монастырскія богатства). Въ награду за эти услуги, священнику Рафальскому предложено было управленіе тою же Почаевскою лаврою, въ качествѣ намѣстника и въ санѣ архимандрита (1833). Черезъ годъ Антоній возведенъ въ епископа, викарія Варшавскаго. Новыя заслуги его по управленію епархіей и особенно по дѣлу возсоединенія уніатъ обратили на него вниманіе Императора Николая, который, послѣ посѣщенія Варшавы и личнаго знакомства съ Антоніемъ, въ 1840 г. повелѣлъ учредить особую Варшавскую епархію, а Антонія возвести въ санъ архіепископа. Впослѣдствіи также по желанію государя Антоній дѣйствительно сдѣлался митрополитомъ Петербургскимъ, послѣ смерти Серафима (1843 г.), но предсказаніе Смарагда исполнилось гораздо раньше этого случая: его перевели изъ Харькова въ Астрахань еще при митрополитѣ Серафимѣ, а при Антоніи онъ переведенъ былъ изъ Астрахани въ Орелъ. („Стран.“ 1888 года I томъ).

26. Къ характеристикѣ архіепископа Доната.

Въ «Историч. Вѣстн.» за 1900 г. напечатана весьма интересная статья: „Къ характеристикѣ архіепископа Доната“, въ которой указываются добрыя, отеческія отношенія преосвященнаго къ семинаріи. Въ началѣ статьи выводятся два ректора № семинаріи. Ректоръ—начальникъ семинаріи; онъ даетъ тонъ жизни всей семинаріи: и учащимъ и учащимся. Въ № семинаріи въ началѣ года одинъ ректоръ смѣнилъ другого. Первый былъ изъ монашествующихъ, держался въ сторонѣ отъ внутренней, повседневной жизни семинаристовъ, предоставлялъ ее вѣдѣнію инспектора. Самъ же имѣлъ только общее наблюденіе за семинаріей. За однимъ онъ тщательно и неустанно слѣдилъ, —это за тѣмъ, чтобы не было высказано устно или письменно какъ учениками, такъ и учителями неправославной мысли. Всякую такую

мысль онъ называлъ „ересью“ и долго помнилъ не къ добру творца ея.

Отличительной чертой этого ректора было безусловное послушаніе слову своего владыки, мѣстнаго преосвященнаго. Новый ректоръ былъ изъ протоіереевъ. Онъ былъ человѣкъ положительно обожавшій самого себя, не признававшій, что онъ можетъ дѣлать ошибки, не признававшій ни чьего мнѣнія, а напротивъ, находившій особое удовольствіе идти противъ мнѣнія общаго, доказывая тѣмъ, что вотъ, молъ, вы всѣ ошибались и ошибаетесь, я же одинъ въ короткое время раскусилъ все. Онъ считалъ себя физіономистомъ, читающимъ по чертамъ лица всю подноготную человѣка. И вотъ по такому незыблемому основанію онъ подѣлилъ всѣхъ семинаристовъ на любимцевъ и нелюбимцевъ. Насколько первымъ легко давалось благонравное поведеніе и успѣшное ученіе, настолько каждый шагъ послѣднихъ свидѣтельствовалъ объ ихъ невиданной испорченности; а каждый отвѣтъ свидѣтельствовалъ о невѣроятномъ скудоуміи. Злоба ректора на нелюбимцевъ высказывалась иногда въ очень грубой формѣ. Такъ, хоронилъ онъ умершаго любимца. По возвращеніи съ похоронъ, онъ встрѣчаетъ идущаго по коридору нелюбимца. Лицо ректора исказилось злобой. «И почему это ты не умеръ?—обращается онъ къ ученику.—Я бы на свой счетъ гробъ заказалъ для тебя». Самымъ мудрымъ педагогическимъ средствомъ, по мнѣнію ректора, было усиленное изгнаніе изъ заведенія или увольненіе учениковъ. Для этого онъ, а по его приказу инспекторъ, ежемѣсячно вносили въ правленіе предложеніе объ увольненіи многихъ учениковъ, и правленіе соглашалось съ ихъ предложеніемъ. По счастью воспитанниковъ семинаріи, къ проведенію завѣдомо прекрасныхъ, по убѣжденію ректора, педагогическихъ пріемовъ, препятствіемъ являлся непосредственный его начальникъ, нынѣ покойный, архіепископъ Донатъ. Покойный преосвященный былъ воплощенная любовь къ ближнему. Педагогическіе пріемы владыки, бывшаго долгое время и учителемъ, и инспекторомъ, и ректоромъ, были совершенно противоположны пріемамъ ректора, и, зная его хорошо, можно, съ увѣренностью сказать, что онъ имѣлъ приводить ихъ въ исполненіе съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Онъ при всякомъ случаѣ старался убѣдить ректора въ неправильности его взгляда на увольненіе учениковъ, какъ на лучшее средство воспитанія. Онъ самъ стоялъ не за увольненіе, а за исправленіе, и утверждалъ, что очень рѣдки случаи, когда бы это средство оказывалось недѣйствительнымъ. Однако онъ не могъ иногда не утверждать постановленіе семинарскаго прав-

ленія, конечно, формулированное вѣскими мотивами. Кромѣ того, при пирательства съ ректоромъ относительно увольняемыхъ, послѣдній выставлялъ то, что „при такихъ условіяхъ“ онъ, ректоръ, не отвѣчаетъ ни за что и снимаетъ съ себя отвѣтственность, если зло приметъ огромные размѣры. Дѣло кончалось тѣмъ, что преосвященный съ болью сердца—утверждалъ увольненіе, если не всѣхъ представленныхъ къ увольненію, то хоть части ихъ. Однажды, въ первый день послѣ говѣнья на первой недѣлѣ, ректоръ, вмѣстѣ съ рапортомъ объ исполненіи учащими и учащимися христіанскаго долга исповѣди и св. причастія, представилъ преосвященному и журналъ правленія, который былъ почему-то особенно обиленъ жертвами, предназначенными къ изгнанію изъ заведенія. Принявъ журналъ, преосвященный ничего не сказалъ, только объявилъ ректору, что завтра онъ посѣтитъ семинарію. Пріѣхавъ на другой день въ семинарію, преосвященный не пошелъ, какъ обыкновенно дѣлалъ, по классамъ, а приказалъ собрать всѣхъ воспитанниковъ въ залъ. Преподавъ всѣмъ общее благословеніе, преосвященный обратился къ нимъ съ рѣчью: «Всѣ вы удостоились послѣ исповѣданія грѣховъ своихъ предъ духовникомъ прощенія содѣянныхъ вами (грѣховъ своихъ) доселѣ согрѣшеній и принятія св. таинъ. Поздравляю васъ съ этимъ величайшимъ благомъ и желаю и прошу Господа, чтобы вы долго блюли себя отъ грѣха и сохраняли себя въ томъ состояніи, въ какомъ находитесь теперь. Вы чрезъ духовника получили разрѣшеніе всѣхъ грѣховъ отъ Господа Бога. Поэтому человѣческій судъ за тѣ же грѣхи теперь долженъ смолкнуть. Мнѣ представлено объ увольненіи многихъ изъ васъ. Но я нахожу, что тѣ проступки, за которые вамъ надлежитъ увольненіе, уже прощены Богомъ, и нѣтъ ихъ уже больше на васъ. Посему я всѣхъ возвращаю обратно въ семинарію въ увѣренности, что покаяніе ихъ было истинное, т. е. что они не только сознали свои вины, но и впредь не будутъ повторять ихъ. «Сказавъ это, преосвященный Донатъ передалъ привезенный ему вчера журналъ ректору и, преподавъ благословеніе, направился къ выходу. Въ одномъ углу залы раздались неудержимыя, судорожныя рыданія. То плакалъ одинъ изъ помилованныхъ. Толстый ледъ озлобленія, которымъ выдѣлялся между всѣми этотъ воспитанникъ, былъ пробитъ теплой любовью архипастыря. А раньше надъ этимъ безплодно трудились другія лица. Преосвященный Донатъ былъ переведенъ въ другую епархію. Въ день прощенія своего онъ особенно рельефно высказалъ ректору

свой взглядъ на воспитаніе. Ректоръ краснорѣчивою рѣчью привѣтствовалъ отъѣзжающаго. Преосвященный выслушалъ этого человѣка, котораго онъ хорошо зналъ по дѣламъ его, и сказалъ ему въ отвѣтъ: «А я вотъ что скажу вамъ, отецъ ректоръ: не увольняйте вы учениковъ. Не велика заслуга педагога, да и труда нѣтъ никакого взять и выгнать воспитанника изъ заведенія. Нѣтъ, вы потрудитесь надъ выпрямленіемъ молодого деревца, нѣсколько, быть-можетъ, и искривившагося въ сторону, трудитесь долго, неустанно, въ духѣ искренней любви къ воспитуемымъ, и повѣрьте мнѣ, старику, вамъ едва ли придется прибѣгать къ суровой мѣрѣ отсѣченія и погубленія заболѣвшихъ временно членовъ ввѣреннаго вамъ заведенія». Ректору не по вкусу пришлась такая отповѣдь преосвященнаго на его рѣчь, которую можно назвать стихами въ прозѣ. Онъ не могъ не возразить и не отстоять своего взгляда. «Ваше преосвященство,—сказалъ онъ,—я тоже уже двадцать лѣтъ тружусь на педагогическомъ поприщѣ, и если держусь извѣстной системы, то потому, что долгимъ опытомъ несомнѣнно узналъ»... Преосвященный съ грустью посмотрѣлъ на ректора, его любящему взору представился длинный рядъ юношей,—жертвъ суровой системы этого воспитателя. Онъ жестомъ руки прекратилъ неумѣстныя возраженія ректора и проговорилъ: «А знаете, о. ректоръ, пословицу: вѣкъ живи, вѣкъ учись». („Историч. Вѣстн." 1900 г.).

27. Замѣчательная кончина.

(Воспоминаніе врача).

Еще молодымъ врачемъ я близко познакомился съ преосвященнымъ Порфиріемъ (Успенскимъ), который жилъ тогда (въ 1880 г.) на покоѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ и управлялъ имъ. Знакомство наше началось съ того, что, устраивая при монастырѣ больничку, преосвященный Порфирій пригласилъ меня, какъ живущаго въ близкомъ разстояніи отъ монастыря, на должность монастырскаго годового, врача, обязанности котораго между прочимъ я исполняю и до сихъ поръ уже въ теченіе 24 лѣтъ, совершенно сроднившись съ монастыремъ.

братіею и настоятелями его.

Цѣль моего настоящаго воспоминанія о преосвященномъ Порфиріи не есть оцѣнка его личности,—она давно уже оцѣнена, а лишь желаніе подѣлиться своими воспоминаніями о кончинѣ этого высокозамѣчательнаго человѣка и этимъ описаніемъ еще больше, можетъ быть, охарактеризовать эту недюжинную личность, стойкій характеръ которой сказался всецѣло даже передъ лицемъ смерти и произвелъ въ то время на меня сильное, потрясающее впечатлѣніе.

Надо сказать, что преосв. Порфирій много лѣтъ страдалъ припадками каменной болѣзни, но все же казался довольно бодрымъ; однако же за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти (1½ или 2) онъ сталъ часто прихварывать; кромѣ меня, какъ домашняго врача, по желанію родственниковъ, былъ приглашенъ на консультацію докторъ Соборовъ (старшій ординаторъ Московскаго военнаго госпиталя) и сообща была установлена діагностика страданія—воспаленіе почечныхъ лоханокъ и мочевого пузыря, какъ послѣдствіе каменной болѣзни. Насколько припоминаю, нашъ больной мало жаловался на припадки болѣзни и стоически переносилъ ихъ. Бывало, зайдешъ навѣстить владыку передъ всеночной, а онъ оставитъ и уговоритъ лучше посидѣть съ нимъ, говоря: „всеночныхъ въ вашей жизни еще много будетъ, а лучше посидимъ-ка, побесѣдуемъ, поговоримъ, мнѣ съ ваше не прожить“. Выслушавши свой, какъ бы приговоръ, что болѣзнь его, для старца 71 года, довольно серьезная и требующая упорнаго лѣченія, преосвящ. Порфирій твердо отказался продолжать систематически лѣченіе, заявивъ свое мнѣніе, что отъ этой болѣзни ему уже не поправиться и просилъ меня, не какъ врача, а скорѣе уже какъ хорошаго знакомаго, лишь навѣщать его при моихъ посѣщеніяхъ монастыря“. Принявъ такое рѣшеніе (это было приблизительно въ мартѣ 1885 г.), преосвящ. Порфирій пригласилъ къ себѣ въ качествѣ душеприказчика настоятеля Даниловскаго монастыря о. архимандрита Амфилохія (впослѣдствіи епископа и викарія Ярославской епархіи) и занялся писаніемъ духовнаго завѣщанія и распредѣленіемъ имущества своего, главнымъ образомъ состоявшаго изъ книгъ и рукописей. День за день на моихъ глазахъ разбиралось все имущество владыки, укладывалось въ сундуки или шкафы, которые затѣмъ запирались, запечатывались и на нихъ наклеивались бумажные ярлычки съ тѣмъ номеромъ, который соотвѣтствовалъ номеру духовнаго завѣщанія и указывалъ мѣсто назначенія. Мнѣ при неоднократ-

ныхъ посѣщеніяхъ представлялось, что человѣкъ собирается въ дорогу, дальній какой-то путь и основательно укладываетъ свое имущество, чтобы послѣ легче было разобраться въ немъ по прибытіи на мѣсто.

Въ одно изъ такихъ моихъ посѣщеній, къ сожалѣнію, оказавшихся впослѣдствіи уже предпослѣднимъ, преосвящен. Порфирій сообщилъ мнѣ, что онъ все уже приготовилъ и разобралъ имущество свое на случай смерти и теперь совершенно спокоенъ и что приготовился къ смерти на столько, что сегодня ему принесли заказанное облаченіе на смерть, и предложилъ мнѣ посмотрѣть его Облаченіе, немедлено принесенное мнѣ, удивило и поразило меня не меньше самихъ сборовъ. Это было полное архіерейское облаченіе, но сшитое не изъ парчи или шелка, а изъ простого бѣлаго холста, обшитаго по краю синей шелковой лентой вмѣсто позумента и съ фарфоровыми бѣлыми пуговицами по краю саккоса; на мое замѣчаніе о болѣе чѣмъ скромности облаченія, преосвященный сказалъ, что для мертваго и такого облаченія вполнѣ достаточно, а что металлы, тѣмъ болѣе драгоцѣнные, такъ трудно добываются изъ земли, что обратно зарывать ихъ въ нее—грѣшно; точно также преосвященный не пожелалъ быть погребеннымъ въ митрѣ, а просилъ положить его по восточному обряду въ скуфьѣ и монашескомъ клобукѣ (наметкѣ). Въ это предпослѣднее мое посѣщеніе 18 апрѣля 1885 г. преосвящ. Порфирій все же не показался мнѣ очень уже близкимъ къ смерти, добродушно разговаривалъ со мной, предлагалъ даже надѣть на себя новое облаченіе, чтобы я посмотрѣлъ его на немъ, но я отговорилъ это, не считая возможнымъ и приличнымъ лишній разъ безпокоить больного епископа. На другой день, т. е. 19 апрѣля въ $6^1/_2$ часовъ утра меня разбудили, такъ какъ за мной пришелъ посланный изъ монастыря—преосвященный Порфирій проситъ меня къ себѣ; предполагая лишь, что съ болѣзнью произошла какая-либо неожиданная перемѣна я, быстро одѣвшись, отправился на зовъ. По прибытіи въ архіерейскіе покои мнѣ бросились въ глаза сундуки и шкафы, готовые какъ бы къ отправкѣ и разставленные по комнатамъ, не исключая и зала. Вхожу далѣе въ спальню преосвященнаго и вижу въ полумракѣ спальни (окна были закрыты внутренними ставнями) самого преосвященнаго Порфирія, сидящаго на креслѣ у стѣны противъ входной двери, на востокъ лицомъ; въ рукахъ онъ держалъ кипарисный крестъ; передъ нимъ на колѣняхъ стоялъ монастырскій пос-

лушникъ Ѳедоръ Радинъ (бывшій санитаръ Турецкой компаніи, исполнявшій фельдшерскія обязанности при монастырѣ) и держалъ въ рукахъ подсвѣчникъ съ горящей свѣчей; нѣсколько въ сторону налѣво отъ владыки стоялъ келейникъ его іеромонахъ о. Ѳедоръ и читалъ отходную. Преосвященный Порфирій, увидавъ меня входящаго въ комнату и приближающагося къ нему, молча кивкомъ головы и глазами указалъ мнѣ на кресло стоящее рядомъ съ нимъ по правую сторону, тѣмъ самымъ какъ бы приглашая меня сѣсть на него, что я и не замедлилъ исполнить, а преосвященный Порфирій опять впалъ какъ бы въ дремоту, наклонивши голову впередъ. Сидя рядомъ, я взялъ владыку за правую руку и сталъ слѣдить за пульсомъ, который, будучи и такъ уже очень слабымъ, слабѣлъ съ каждой минутой; въ такомъ положеніи мы просидѣли не больше 20—25 минутъ; пульсъ, постепенно слабѣя, сдѣлался наконецъ совершенно неощутимымъ, и наконецъ низко наклонившаяся на грудь голова владыки и послѣдній глубокій вздохъ его указалъ намъ, что нашего настоятеля епископа не стало съ нами, и онъ переселился въ вѣчную жизнь.

Такъ смѣло встрѣчая смерть, надо быть сильно вѣрующимъ христіаниномъ въ загробную жизнь и неисчерпаемое милосердіе Божіе.

Погребенъ преосвященный Порфирій, опять таки по личному его указанію, въ Новоспасскомъ же монастырѣ на лѣво у стѣны при входѣ въ усыпальницу бояръ Романовыхъ подъ Преображенскимъ холоднымъ соборомъ. („Душеполѣзное Чтеніе“ 1904 г. 4 кн.).

28. Высокопреосвященный Аполлосъ Архіепископъ Вятскій.

Архіепископъ Аполлосъ Вятскій въ своемъ архипастырскомъ наставленіи по предмету церковнаго проповѣдничества приводитъ два примѣра изъ практики священнической, показывающіе, какъ должно вести бесѣды съ простымъ народомъ съ благотворнымъ вліяніемъ на него, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ и мѣстомъ.

Первый примѣръ: «Мнѣ извѣстенъ, пишетъ владыка, одинъ уважаемый, близкій мнѣ по духу и по плоти священникъ, который бла-

горазумно воспользовавшись случаемъ, въ кроткой бесѣдѣ разъяснилъ своимъ прихожанамъ неосновательность народной поговорки, что «духовенство беретъ съ живаго и мертваго». Дѣло было въ Святую Седмицу.—По обходѣ одной деревни со св. иконами и славою, вечеръ выдался хорошій и крестьяне приготовили для своего батюшки самоваръ подъ деревьями, куда и сами собрались побесѣдовать. Увидѣвъ въ толпѣ одного крестьянина, который велъ невоздержную жизнь и котораго онъ давно не видалъ, священникъ обратился къ нему: „что же тебя, Андрей, давно не видать; вотъ уже сколько разъ бывалъ я у тебя въ домѣ съ молитвою, да все не застаю тебя; и родителя-то своего ты не позаботился похоронить честно, и доселѣ не разсчитался за похороны“. Возбужденный лишней чаркой въ питейномъ, изъ котораго только что вышелъ, тотъ дерзко отвѣтилъ: извѣстно, вы берете съ живаго и съ мертваго. Нѣкоторые, особенно изъ молодежи, улыбнулись. Священникъ добродушно продолжалъ: «Стыдно говорить тебѣ это! Сколько разъ бывалъ я у тебя въ дому и освѣщалъ его молитвою вѣры, и не только отъ тебя ничего не получалъ, да и тебя-то самого не видалъ... Посмотри: померъ твой отецъ родитель, а ты не позаботился отдать ему и послѣдній земной долгъ. Я же передалъ его христіанскому погребенію и доселѣ ничего не говорилъ тебѣ, а ты ни тогда, ни послѣ не подумалъ и навѣдаться. Что могъ я тогда, да и теперь что могу взять съ мертваго?! Посуди самъ, хорошо ли ты сказалъ, что мы беремъ съ живаго и съ мертваго.» Крестьянинъ оставался безотвѣтнымъ. Тогда священникъ обратился къ окружающимъ: „Вы, православные,—показалось мнѣ,—повѣрили ему. Спрошу я у васъ: сколько вы платите пастуху за лѣто?“ Да тридцать пять рублей, а какъ посчитать, такъ и всѣ сорокъ сойдутъ за лѣто.—Да мы же и кормимъ его поочередно: сегодня кормлю я, завтра сосѣдъ, тамъ сосѣдовъ сосѣдъ; обойдетъ всю деревню, и опять сначала. «А если случится дождь, одежда на немъ вымокнетъ, или такъ загрязнится, изорвется, тогда какъ?» Да вѣдь куда же дѣваться?; извѣстно, и пожалѣешь; дашь свою сухонькую, пока его сохнетъ,—а грязное бабы вымоютъ, изорванное зашьютъ. «Вотъ то-то. Называете меня батюшкой, пастыремъ душъ вашихъ. А посчитайте-ка, много-ли сойдетъ на долю причта съ вашей деревни; много-много рублей на 15 въ годъ, да и тѣхъ вамъ жалко. Вѣдь я тоже человѣкъ, у меня тоже есть семья...

А для пастуха вашей скотины вамъ не жаль 40 рублей

только въ лѣто. Но что дороже—душа христіанская, или скотъ, за который вы такъ, сравнительно, дорого платите пастуху? «При этомъ сказалъ еще нѣсколько словъ, указывающихъ на значеніе души для человѣка и на необходимость заботиться о ея спасеніи.

Это благовременное и понятное крестьянамъ, сдѣланное благодушнымъ тономъ сравненія себя съ пастухомъ животныхъ, сопоставленіе съ безсловесными душъ человѣческихъ такъ поразило, такъ пристыдило крестьянъ, что они не знали какъ и выразить свою преданость и уваженіе своему духовному отцу, и никогда ни отъ кого послѣ не слышно было ничего подобнаго. Такъ простою, разумною бесѣдою пастырь плодотворно посѣялъ доброе сѣмя,—сказалъ мало, а плодъ произростилъ великій.

А вотъ другой примѣръ, который показываетъ, какъ часто одна краткая, отъ души о Христѣ сказанная рѣчь имѣетъ больше значенія, приноситъ большій и лучшій плодъ, чѣмъ цѣлый рядъ ученыхъ проповѣдей. Является изъ школы къ одному священнику сынъ его студентъ. Между разговорами отецъ указываетъ сыну на обветшавшій храмъ, на обвалившуюся на немъ крышу, сѣтуетъ, что ни какъ не можетъ убѣдить своихъ прихожанъ поправить все это, предложилъ сыну побесѣдовать объ этомъ съ прихожанами. Сынъ охотно согласился. Сказалъ не одно поученіе въ церкви объ этомъ предметѣ. Его, по видимому, слушали, а дѣло нисколько не подвигалось. „Красно говоришь ты, спору нѣтъ, замѣтилъ ему отецъ, да едвали такъ, какъ надо. Ты бы попроще, побольше житейскаго, дѣлового; вотъ хоть бы такъ: «а подумали ли вы, православные, что будетъ, если крестъ-то на церкви упадетъ» .Отецъ сказалъ слово какъ бы мимоходомъ, а сыну запало оно въ душу.

Въ слѣдующій праздникъ выходитъ онъ говорить, пришли ему на память слова отца, и сказалъ онъ: «много уже говорилъ я вамъ, православные, чтобы вы поправили свой ветхій храмъ; но вы не слушаетесь меня и не думаете объ этомъ. Теперь спрошу васъ: а что будетъ съ вашею церковью, если крестъ-то съ нея упадетъ? Подумайте хоть объ этомъ». Это поразило крестьянъ; задумались они. Вотъ выходятъ изъ церкви, и каждый посматриваетъ кверху на крышу и крестъ, да спрашиваютъ и сами себя и другъ друга: а въ самомъ дѣлѣ, что будетъ съ церковью-то, какъ крестъ-то упадетъ? Подумали, потолковали, да тутъ же и сдѣлали складчину: средствъ оказалось вполнѣ достаточно, чтобъ крестъ укрѣпить и крышу поправить». (Журналъ «Странникъ» 1883 года II т.).

29. Не бойся встрѣчи со священникомъ.

Во время Кавказской войны одинъ отрядъ выступалъ изъ прикавказскаго города въ горы; впереди шелъ капитанъ, командовавшій этимъ отрядомъ. Едва отрядъ вышелъ за заставу, какъ капитанъ замѣтилъ на сосѣднемъ холмѣ духовную особу,—это былъ городской протоіерей, возвращавшійся пѣшкомъ откуда-то въ городъ. *Суевѣрный* капитанъ почелъ эту встрѣчу за дурное предзнаменованіе, и вмѣсто того, чтобы подойти и попросить благословенія и молитвы за идущихъ, на брань, приказалъ солдатамъ плевать и бросать песокъ въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ на холмѣ. Оскорбился служитель Божій такимъ поношеніемъ его священнаго сана, не вытерпѣлъ, подозвалъ одного унтеръ-офицера, который шелъ позади отряда, и сказалъ ему: «Передай капитану, что ему будетъ первая пуля!»..

Жестоко было это слово въ устахъ служителя Христова, не ему бы говорить такія рѣчи; но видно Богъ попустилъ ему сказать такія слова для вразумленія самого же суевѣра. Грозное слово служителя Божія сбылось: по прибытіи на мѣсто, отряду приказано было занять одну гору, въ которой укрѣпился непріятель; капитанъ пошелъ въ атаку впереди своихъ храбрецовъ, и первая же пуля непріятеля попала ему въ животъ... Только особенной милости Божіей онъ былъ обязанъ тѣмъ, что пуля не глубоко вошла, и онъ остался живъ. Тутъ-то онъ вспомнилъ предсказаніе протоіерея и горько раскаялся...

А вотъ примѣръ другого рода. Это было въ Москвѣ. Священникъ шелъ на урокъ къ дѣтямъ одного богатаго купца и на лѣстницѣ встрѣтилъ хозяина. Купецъ тотчасъ же возвратился въ переднюю —«Что съ вами?» —спросилъ его священникъ. Купецъ сознался, что побоялся ѣхать въ городъ, потому что встрѣтился съ нимъ. Тогда священникъ говоритъ ему: «Увѣряю васъ именемъ Божіимъ, что Богъ благословитъ ваши дѣла успѣхомъ: идите съ миромъ!» и онъ благословилъ купца. Вечеромъ купецъ посылаетъ за священникомъ и говоритъ ему: «Батюшка, теперь стыжусь своей глупости: сегодня я такъ торговалъ, какъ никогда!» («Воскресн. День» 1892 года №6-й).

30. Опасно оскорблять священника.

Вотъ весьма поучительный разсказъ одного священника: «отецъ мой, говоритъ этотъ пастырь, долго священствовалъ при Андреевской церкви, въ которой и я служу съ 1824 года; онъ передалъ мнѣ слѣдующее очевидное доказательство той истины, что оскорблять священника опасно. Въ его приходѣ (изъ малороссійскихъ казаковъ) былъ нѣкто Максимъ, человѣкъ характера строптиваго, а особенно, когда выпивалъ, что случалось съ нимъ къ несчастію нерѣдко. Отецъ мой по обязанности пастыря при всѣхъ удобныхъ случаяхъ увѣщевалъ его исправиться и бросить пить. Въ одно время, видя этого Максима опять безчинствующаго въ пьяномъ видѣ, онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе: какъ ты, Максимъ, не хорошо дѣлаешь, какъ грѣшишь! «Но Максимъ, вмѣсто того, чтобы послушаться наставленій, наговорилъ моему отцу много грубостей и бранныхъ словъ, а на замѣчаніе моего отца: «да я же твой духовникъ», сказалъ: «да щобъ я тебѣ не бачилъ, якъ и умирать буду» (чтобы я тебя не видѣлъ, когда и умирать буду). Тѣмъ дѣло это и кончилось тогда.

Прошло съ того времени нѣсколько лѣтъ, и случилось, что этотъ Максимъ заболѣлъ. Домашніе его просятъ моего отца напутствовать больного, и отецъ пошелъ къ нему съ св. дарами; но лишь только вошелъ онъ въ избу, больной, бывшій въ сознаніи и разговаривавшій, вдругъ въ присутствіи духовника онѣмѣлъ, обезпамятѣлъ и въ изступленіи смотрѣлъ, ничего не видя. Сколько ни заговаривалъ съ нимъ мой отецъ и домашніе его, онъ оставался въ онѣмѣніи. Дѣлать было нечего; отецъ вышелъ изъ избы и хотѣлъ идти домой, какъ вдругъ домашніе говорятъ, что больной очувствовался, и просятъ воротиться. Отецъ воротился, но, какъ только вошелъ въ избу, больной опять обезпамятѣлъ и сдѣлался неспособнымъ принять напутствованіе. На другой день родные больного опять просятъ отца исповѣдать и пріобщить его, докладывая, что онъ уже въ чувствѣ, Отецъ мой, полагая, что больной можетъ быть отъ него только не можетъ получить напутствованія, самъ не пошелъ къ нему, а пригласилъ другого священника; но чтожъ?—и съ этимъ происходитъ тоже самое: до прихода его больной говорилъ и былъ въ сознаніи, а какъ скоро священникъ вошелъ къ нему въ избу,—онъ пришелъ въ безчувственность и онѣмѣлъ; священникъ вышелъ изъ избы—и больной опять пришелъ въ чувство; священника снова просятъ возвратиться, но

когда онъ входилъ въ избу,—больной снова терялъ сознаніе.

Такъ этотъ бѣдный и умеръ безъ напутствованія св. тайнами.

Да проститъ и помилуетъ его Господь Богъ! («Странникъ» 1861 г.).

31. Чудесное исцѣленіе больного, полученное отъ мощей въ св. антиминсѣ.

Мой давній знакомый священникъ о. К. Пр-цкій разсказалъ мнѣ слѣдующее печальное и въ то же время радостное событіе изъ своей жизни.

На третьемъ или четвертомъ году моего священства Господу Богу угодно было посѣтить меня своимъ испытаніемъ. Разболѣлся у меня на правой рукѣ большой палецъ. Раскраснѣлся, разбухъ, потомъ посинѣлъ и отвердѣлъ и въ такомъ состояніи оставался долго, причиняя мнѣ время отъ времени нестерпимую боль. Но я, какъ не привыкшій никогда обращаться къ докторамъ, будучи всегда здоровымъ, не хотѣлъ и теперь искать у нихъ помощи,—не обращалъ на свой больной палецъ особеннаго вниманія, хотя отъ боли пальца ощущалъ страшный жаръ во всей кисти руки до локтя и въ головѣ сильный стукъ довольно чувствительной боли. Дошло до того, что я не могъ поднять руки и сталъ носить ее на перевязи; палецъ же мой, когда былъ не повязанъ, не могъ переносить свѣта отъ свѣчи или яркихъ лучей солнца. Увидѣлъ я, что болѣзнь моя—не простая и можетъ повести къ серьезной опасности, принялся за лѣченіе, а жена послала за докторомъ. Я прикладывалъ разведенную водою обыкновенную желтую глину: это мнѣ пришло на мысль и это я дѣлалъ, пока не явился докторъ, который, оказалось, куда-то удалился изъ уѣзднаго города У-ви надолго, и мнѣ пришлось его ожидать не мало времени, а до другого города уѣзднаго Л—ца было слишкомъ далеко, да и охоты не было посылать туда. Прикладывалъ я глину съ плачемъ пополамъ и ждалъ съ нетерпѣніемъ съ минуту на минуту доктора; комки липкой грязи черезъ минуту обращались въ

шапочку изъ засохшей и отвердѣвшей глины: такова была сила жара. Незамѣтно самъ для себя я таялъ, какъ восковая свѣча, изъ полнаго, здороваго сдѣлался худымъ, блѣднымъ, зеленымъ скелетомъ. Священнодѣйствовать я уже давно не могъ, хотя ходилъ въ церковь и совершалъ другія церковныя службы. Болѣлъ я духомъ, что не могъ совершать литургію и когда бывало въ сосѣднихъ селахъ услышу трезвонъ къ обѣднѣ, у меня болѣзненно сожмется сердце, появится слеза на глазахъ, станетъ на душѣ тяжело, тяжело! Состояніе ужасное! Лучше бы, думалъ я, у меня была такая болѣзнь, чтобы мнѣ лежать, легче было бы переносить ее: прихожане мои меня не видѣли бы тогда, а то видятъ, собираются въ церковь, смотрятъ на меня... чего, чего мнѣ ни придумывалось подъ ихъ взглядами!... Вотъ пріѣхалъ и докторъ. „Знаю, что вы, батюшка, не трусъ, а потому и скажу смѣло: вамъ нужно отрѣзать палецъ, что бы остаться съ рукой», сказалъ онъ, по осмотрѣ моего пальца. Каково мнѣ было слышать рѣчи доктора—понятно, если представить, что значитъ священнику служащему остаться безъ пальца, особенно на правой рукѣ, и я рѣшительно отказался отъ предложенія доктора. «Потому-то я и отказываюсь отъ вашей операціи, что я—не трусъ. Либо останусь безъ руки, либо буду по прежнему здоровъ, если на то будетъ Господня воля, сказалъ я, и рѣзать не дозволю“. Докторъ, зная мой твердый нравъ, не старался особенно и настаивать на своемъ, замѣтивъ только: «какъ угодно, а лучше бы избрать меньшее зло».— «Или и совсѣмъ не избирать, а только терпѣть то, что есть», заключилъ я. Съ тѣмъ мы и распрощались съ докторомъ.

Вскорѣ послѣ этого свиданія съ докторомъ у меня стала ослабѣвать неустрашимость, и я невольно сталъ посматривать на подвязанную руку и думать, что можетъ быть со мной и съ моимъ семействомъ впереди, если послушаться доктора (отрѣзать палецъ) и что, если не послушаться. *Вѣрующему все возможно*, пришло мнѣ на мысль, и я положился на эти Божественныя слова, *печаль свою возверзи на Господа* и не переставалъ ходить въ храмъ. И вотъ однажды, когда стоялъ у св. Престола, у меня явилось безотчетное желаніе раскрыть св. антиминсъ. Снялъ я какъ-то св. Евангеліе и раскрылъ священный платъ. Мой взоръ палъ на зашитыя въ антиминсѣ св. мощи, и вниманіе было приковано къ этой святынѣ. Я какъ будто былъ въ какомъ-то забытьи: задумался-задумался, шевелилъ губами какую-то спѣшную молитву, а сердце мое все какъ

будто что-то сжимало, то расширило непомѣрно сильно, такъ что ежесекундно я сталъ издавать сильные и тяжелые вздохи, и при этомъ на душѣ у меня становилось легче; умъ прояснялся, и боль унималась. У меня мгновенно явилось желаніе прикоснуться больнымъ пальцемъ къ свят. мощамъ, что я и сдѣлалъ, и сталъ молиться приблизительно такъ: «Господи, я вѣрую въ чудодѣйственную силу и помощь Твоихъ свв. угодниковъ. Яви же чрезъ частицу прославленнаго Тобой святаго, почивающаго на семъ св. Престолѣ, милость Свою на мнѣ, недостойномъ рабѣ Твоемъ, да воспою славу Твою, дондеже (живъ) буду.» «Помолившись, поцѣловавъ св. Престолъ и антиминсъ, я вышелъ изъ храма. При выходѣ меня остановили и доложили, что въ приходѣ есть какая-то треба, потомъ я разговорился съ церковнымъ старостой и проч. Прошло нѣсколько часовъ. Когда я пришелъ домой, то засталъ доктора, который изъ пріязни ко мнѣ, „изъ состраданія къ моей молодости и къ моимъ малымъ дѣтямъ“, какъ онъ самъ выразился, пріѣхалъ освѣдомиться на счетъ моей болѣзни, посовѣтовать,—какъ онъ говорилъ,—принять радикальное средство—все-таки отрѣзать палецъ, и только тогда вспомнилъ я о своемъ пальцѣ и съ горяча прикоснулся къ нему и такъ при этомъ сжалъ его пальцами здоровой руки, что самъ испугался. Но боли, сверхъ ожиданія, я особенной не ощутилъ, а почувствовалъ, что какъ будто бы къ пальцу моему было приложено что-то тепловатое и очень мягкое, нѣжное, на подобіе обогрѣтаго льна или ваты, и я не зналъ, снимать ли повязку, или же не прикасаться къ больной рукѣ, чтобы не раздражить наболѣвшій членъ. Когда докторъ раскрылъ и осмотрѣлъ наболѣвшее мѣсто, то нашелъ, что краснота и другіе опасные признаки ослабѣли (наверху пальца, на мякишѣ, сдѣлался наростъ, который самъ собою постоянно двигался); докторъ глазамъ своимъ не вѣрилъ и тутъ же объявилъ, что послѣдовала перемѣна къ лучшему, что простое средство—глина спасло отъ неминуемо большой бѣды, а пожалуй и смерти.—«Дѣйствительно, простое—простая вѣра», думалъ я, и молился Тому, Кому обязанъ былъ своимъ выздоровленіемъ, которое пошло замѣтно очень и очень скоро. И теперь я, слава Богу, здоровъ и не болѣю, какъ не болѣлъ ничѣмъ и до описываемаго случая.

Вскорѣ послѣ этого благоугодно было моему высшему духовному начальству перемѣстить меня на другой приходъ, но я сердцемъ и мыслію всегда прихожу къ тому св. храму, гдѣ началъ свое пер-

вое служеніе въ санѣ священника и гдѣ получилъ исцѣленіе. А день и часъ этотъ я обязанъ, по обѣту, посвящать особенно усердной молитвѣ Богу и св. архистратигу Михаилу, въ честь котораго посвященъ храмъ моего перваго прихода. Молюсь же наиначе неизвѣстному святому, отъ частицы мощей котораго я получилъ исцѣленіе.

Ко многимъ описаннымъ чудеснымъ исцѣленіямъ да будетъ явлено свѣту, и это, описанное со словъ самого получившаго исцѣленіе священника о. К. Пр-цкаго, и да послужитъ оно къ возбужденію молитвенному страждующихъ въ болѣзняхъ и въ посрамленіе маловѣрующихъ и невѣрующихъ. («Душепол. Чтеніе» 1904 г. № 1-й).

32. Сила молитвы Господней.

Проѣзжая Полтавскую губернію, на пути въ Кіевъ одинъ священникъ заѣхалъ на постоялый дворъ, чтобы покормить лошадей и отдохнуть. По указанію хозяйки, женщины среднихъ лѣтъ, занявъ одну изъ комнатъ, онъ потребовалъ вина и закуски. Чрезъ нѣсколько минутъ хозяйка внесла на подносѣ небольшой графинъ съ виномъ и холодной закуской и, поставивъ на столъ, сама вышла изъ комнаты. Священникъ по обычаю, началъ читать молитву Господню «Отче нашъ». Едва окончилъ онъ молитву, сказавъ послѣднія слова: «но избави насъ отъ лукаваго!» — какъ стоявшій на столѣ графинъ мгновенно разлетѣлся вдребезги, какъ будто отъ удара молоткомъ, и все вино разлилось. Въ недоумѣніи и въ нѣкоторомъ страхѣ онъ призываетъ хозяйку и, указывая на неожиданно и безъ всякой повидимому причины растрескавшійся графинъ и разлитое вино, спрашиваетъ ее: «что это значитъ?» Она, поблѣднѣвъ отъ сильнаго страха, дрожащимъ голосомъ произнесла: «виновата, батюшка!» и съ этими словами повергается къ ногамъ священника, сказавъ: «простите, батюшка!» Приказавъ ей встать, онъ спросилъ ее: «что тутъ такое кроется?» Со слезами на глазахъ она призналась ему, что задумала отравить своего нелюбимаго мужа, чтобы послѣ его смерти выйти за другого. «Составивъ отраву на винѣ, я поставила, говори-

ла она, графинъ съ отравой въ шкафъ, гдѣ стоялъ другой такой же графинъ чистаго вина, и когда вы потребовали вино и закуску, я второпяхъ, вмѣсто одного графина, схватила, по ошибкѣ другой—съ отравой, и подала его вамъ. Судите и карайте меня, какъ знаете, великую грѣшницу, посягнувшую на жизнь моего мужа! «Добросердечный пастырь, сдѣлавъ ей приличное наставленіе, положилъ на нее церковную епитимію, завѣривъ, чтобы если ей даже и пришлось отравить мужа, то выйти замужъ за другого не удалось бы никогда, потому что слѣдствіе открыло бы ея преступленіе и она по суду была бы сослана въ ссылку на каторжныя работы...

По возвращеніи изъ богомолья домой священникъ разсказалъ многимъ объ этомъ очевидномъ чудѣ при немъ или надъ нимъ совершившемся, совѣтуя съ вѣрою читать Молитву Господню «Отче нашъ» при всѣхъ случаяхъ, угрожающихъ опасностію жизни и даже смертію. (Журналъ „Воскресн. День“ 1887 года).

33. Необыкновенное приключеніе со священникомъ.

Отецъ Григорій былъ жизни трезвенной, высоко нравственъ и искренно благочестивъ. Домикъ его отстоялъ отъ храма, въ которомъ священнодѣйствовалъ онъ, на разстояніи полуторыхъ верстъ. Но іерей Христовъ, не смотря на болѣзнь свою (грыжу), неутомимо ходилъ на всѣ церковныя священнослуженія. Дома молился преусердно. Любилъ учить молитвамъ дѣтей, какъ своихъ, такъ и сродниковъ. Когда послѣдніе придутъ къ отцу Григорію на праздникахъ, онъ же первый долгъ свой считалъ просить дѣтокъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ произнесли тропарь и кондакъ праздника. Онъ былъ учителемъ въ духовномъ училищѣ гор. В. Ученики всѣ его любили и за красоту лица его, въ которой выражалась и красота души добраго сего церковнаго пастыря, говаривали между собою объ отцѣ Григоріи: „думаемъ, что Адамъ въ раю былъ столь прекрасенъ, какъ прекрасенъ нашъ Григорій Михайловичъ!“ Благочестивая теща его —вдова священническая—души въ немъ не знала: ибо онъ

покоилъ Татіану сію Матвѣевну, какъ бы сынъ ея родной. Старушка служанка Татіаны Матвѣевны не иначе звала отца Григорія, какъ „Золото наше“. Учителя училища В., въ которомъ отецъ Григорій былъ и инспекторомъ, весьма любили и глубоко чтили его. Многіе изъ учениковъ его, по воспитаніи достигнувъ высокихъ степеней по службѣ, всегда съ благодарностію вспоминали о немъ, какъ объ учителѣ - воспитателѣ; онъ преподавалъ Законъ Божій, также древніе языки и ариѳметику. Граждане г. В. съ любовію и почтеніемъ сердечнымъ относились къ о. Григорію.—Таковъ былъ сей воистину іерей Божій. Упоминать ли о любви къ нему его супруги и дѣтей, коихъ было у нихъ пять дочерей и одинъ сынъ? Самою нѣжною любовію окруженный въ семействѣ своемъ, о. Григорій съ истинно христіанскимъ попеченіемъ и заботливостію относился и къ семействамъ двухъ сестеръ своей умной супруги—священническихъ вдовицъ. Бывая не рѣдко въ Москвѣ, по изданію книгъ своихъ (учебниковъ), одинъ разъ утѣшенъ былъ онъ здѣсь благодатнымъ сновидѣніемъ. Онъ останавливался тогда въ квартирѣ ризничаго соборовъ въ кремлѣ И вотъ сонъ его, о которомъ онъ съ радостію самъ повѣдалъ сіе пишущему, по возвращеніи изъ Москвы, на вопросъ: что особенно хорошаго видѣли вы въ Москвѣ?—Новаго въ ней ничего не нашелъ, но вотъ когда заснулъ я въ покояхъ отца ризничаго, видѣлъ: „проходили мимо меня четыре святителя Московскіе и—указывая на меня одинъ другому—говорили: «вотъ ключарь В. собора спитъ». Я и встрепенулся тогда отъ сна, но сталъ радостенъ и благанадеженъ.—Но это было уже долго спустя послѣ событія съ нимъ, о которомъ теперь повѣдаю:

Въ 1850 году у отца Григорія было одно семейное горе: двѣ дочери его были уже прекрасно устроены замужъ; нашелся къ третьей дочери женихъ, и уже сговорился. Но жена брата жениха сего сказала ему: у отца Григорія приданое небольшое за дочерьми. Совѣтую вамъ обратиться за невѣстой въ Москву. Тамъ хорошее приданое дается. И вотъ женихъ на другой день сговоровъ отправился въ Москву, гдѣ скоро нашелъ невѣсту и женился. Тогда о. Григорій сильно загрустилъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Спустя недѣлю, вечеромъ іюльскаго дня, часовъ въ 9 онъ незамѣтно для домашнихъ вышелъ изъ дома. Часовъ въ 11 того же вечера пришелъ провѣдать о родителѣ сынъ его, учитель гимназіи. Гдѣ же батюшка, спросилъ маманшу свою. Она: въ кабинетѣ.— Сынъ: кабинетъ пустъ. Гдѣ же, гдѣ Григорій

Михаиловичъ, засуетились всѣ тогда домашніе. Не нашедши отца дома, сынъ отправился въ соборъ. Здѣсь на вопросъ объ отцѣ отъ сторожей собора сынъ получилъ отвѣтъ: уже около недѣли не былъ въ соборѣ отецъ Григорій. Сынъ отправился на бульваръ. Здѣсь знакомые ему сказали: а вашъ батюшка путешествуетъ въ с. Баглачево, (за рѣкой Клязьмой), да странно для насъ, что идетъ онъ въ одномъ подрясникѣ и безъ шляпы.—Сынъ о. Григорія тогда немедленно спустился къ живому мосту, перешедши его пошелъ къ с. Баглачеву, дорога шла чрезъ пески и два болота. Перешедши съ трудомъ первое болото, когда онъ вступилъ на кочки другого, усмотрѣлъ вдали: кто-то сидитъ среди болота. Ускоривъ шаги, онъ достигъ сидящаго въ болотѣ и въ немъ узналъ старца—родителя своего.—Отецъ Григорій дремалъ.—Батюшка! тихо сказалъ отцу сынъ, спите вы?... Ау! это ты любезный мой сынъ, отвѣтилъ старикъ: веди меня, другъ мой, скорѣй домой. Тамъ все тебѣ разскажу. Сынъ бережно взялъ за руку отца, вывелъ изъ болота, перешелъ съ нимъ большіе и малые пески, живой мостъ и возвратился въ г. Владиміръ въ домъ отца. Пришедши домой о. Григорій просилъ сына навѣстить его на утро, а теперь сказалъ: дайте мнѣ соснуть. Когда на утро пришелъ къ о. Григорію сынъ его, старецъ ему сказалъ: Слава Господу, не давшему мнѣ погибнуть. Ты видѣлъ мою скорбь о Танѣ. Но ты не зналъ, что я неразумный въ этой скорби унылъ и оставилъ молиться Богу. И вотъ напалъ на меня врагъ. Мнѣ почудилось, что зовутъ меня гулять крестьянскіе мальчики—товарищи дѣтства моего. Я обробѣлъ, завидѣвъ товарищей, и забылъ, что я не дитя, а старикъ. Я быстро поспѣшилъ съ ними изъ кабинета. Когда привели они меня на рѣку и предложили купаться, я сказалъ имъ: по заходѣ солнца я не купаюсь... Тогда они стали меня убѣждать купаться... Въ это время вдругъ вижу явившагося моего дѣда и слышу отъ него: Григорій! Опомнись, съ кѣмъ ты и гдѣ ты... Услыхавъ сіе, я перекрестился... Тогда мальчики исчезли, на меня же напалъ страхъ и я побѣжалъ въ эти пески, въ эти болота. Благодарю мой любезнѣйшій сынъ, что ты извелъ меня изъ тины сей. Славлю и благодарю нашего Господа Бога, что послалъ тебя—роднаго моего на помощь несчастному и погибавшему отцу...

Двадцать слишкомъ лѣтъ жилъ послѣ сего происшествія о. Григорій. И какъ самый прекрасный, спѣлый колосъ снятъ въ небесную житницу въ году 1871, оставивъ по себѣ самую добрую память въ

гор. Владимірѣ губ., какъ по одномъ изъ наилучшихъ священниковъ града сего. («Душепол. Чтен.» 1898 года I томъ).

34. Спасительный голосъ изъ страны загробной.

Одинъ священникъ на 16 году брачной своей жизни лишился супруги умной, благовоспитанной и благочестивой. Бракъ ихъ скрѣпленъ былъ истинною, нелицемѣрною, взаимною любовію, живя постоянно въ мирѣ и единодушіи, въ неизмѣнной другъ къ другу вѣрности и цѣломудріи, составляя по словамъ Апостола, одно тѣло (Евр. 5,31)—одно нравственное лицо. Разлука съ супругою сильно поразила его. Глубокая скорбь и невыразимая тоска овладѣли имъ. Онъ впалъ въ уныніе и, пошатнувшись, пошелъ было путемъ опаснымъ, сдружившись съ виномъ. Не знаю, говоритъ самъ вдовый священникъ долго ли бы я шелъ этимъ губительнымъ путемъ и куда бы пришелъ, если бы не остановила покойная моя жена. Она явилась въ сонномъ видѣніи и, принимая искреннее участіе въ моемъ положеніи, сказала мнѣ: «Другъ мой! что съ тобою? Ты избралъ опасный путь, на которомъ уронишь себя въ мнѣніи людей, а главное—можешь лишиться благоволенія Божія, которое донынѣ почивало на нашемъ домѣ. Ты въ такомъ санѣ, *въ которомъ и малое пятно представляется великимъ;* ты на такомъ мѣстѣ, откуда видятъ тебя со всѣхъ сторонъ; у тебя шесть не оперившихся птенцовъ (дѣтей), для которыхъ ты долженъ быть теперь отцемъ и матерью. Ужели ты пересталъ дорожить своимъ саномъ, своими заслугами и тѣмъ почетомъ, которымъ пользовался отъ всѣхъ? Ужели твоя жизнь, твои заслуги, твоя честь нужны были только для одной твоей супруги? Подумай, другъ мой, объ этомъ: прошу и умоляю тебя; размысли и разсуди здраво, и поспѣши сойти съ того опаснаго пути, на который ты, къ невыразимой моей горести, такъ необдуманно и такъ опрометчиво вошелъ. Ты грустишь о разлукѣ со мной, но какъ видишь, союзъ нашъ не прерванъ; мы и теперь можемъ имѣть духовное общеніе другъ съ другомъ; а въ жизни загробной можемъ на вѣки соединиться на лонѣ Авраама,—если будемъ того достойны. Ты жа-

луешься на пустоту въ сердцѣ твоемъ; наполняй эту пустоту любовью къ Богу, къ дѣтямъ и братьямъ твоимъ; питай душу твою хлѣбомъ Ангельскимъ (какъ любилъ ты называть Слово Божіе, и любилъ имъ питать себя и семейство твое), укрѣпляй себя богомысліемъ *и частымъ богослуженіемъ*: молись Богу за меня и за себя, за дѣтей нашихъ и за души тебѣ ввѣренныя». Этотъ голосъ искренно любимой супруги моей глубоко проникъ въ душу мою и благотворно подѣйствовалъ на меня. Я принялъ его, какъ голосъ моего Ангела Хранителя, какъ голосъ самого Бога, вразумляющаго меня, и рѣшился всѣми силами противостать искушенію,—и, благодареніе Богу! при Его помощи, преодолѣлъ искусителя и твердою ногою сталъ на путь правды. («Странникъ» 1865 г. іюль).

35. *Загробные ходатаи.*

Разсказъ изъ жизни приходскаго священника.

I.

О. Аввакума Благонравова всю жизнь угнетала нужда безысходная. Родился онъ въ крайне бѣдной семьѣ деревенскаго причетника. Приходъ, въ которомъ служилъ его отецъ, состоялъ всего изъ двухсотъ душъ, такъ что на долю причетника изъ «братской кружки» доставалось не свыше двадцати рублей въ годъ. А въ семьѣ его было однихъ дѣтей болѣе десяти человѣкъ. О. Аввакумъ, естественно, и въ счастливые для всякаго другого дни дѣтства не много видѣлъ радостей въ родительскомъ домѣ. Бѣдность, граничившая съ полной нищетой, вынуждала родителей о. Аввакума не уговаривать дѣтокъ своихъ: «кушайте, дѣтки, что вы мало кушаете? что это у васъ плохой аппетитъ? должно быть, нездоровится вамъ?» —а кричать на нихъ при видѣ въ ихъ дѣтскихъ рученкахъ куска чернаго хлѣба: «что вы все ѣдите! никакъ не накормишь васъ! кусокъ изъ рукъ у васъ не выходитъ! А хлѣба-то своего едва до Благовѣщенья хватитъ,—что мы будемъ дѣлать потомъ?» «Господи! умираютъ же у другихъ дѣти, а на нашихъ Господь и смерти не шлетъ!» —говорили подчасъ,

ожесточенные бѣдностью и безысходной нуждой родители о. Аввакума.

Нужда и покоры родительскіе кускомъ хлѣба ложились тяжелымъ камнемъ на юную душу маленькаго Аввакума, и онъ, забравшись на печку и лежа здѣсь въ углу, мечталъ о томъ, какъ онъ выростетъ большой, выучится, поступитъ въ священники и будетъ помогать своимъ бѣднымъ родителямъ. Эти дѣтскія мечты, эти сладкія грезы облегчали невинную душу мальчика и однѣ только нѣсколько скрашивали горькую жизнь его въ родительскомъ домѣ.

II.

Но вотъ прошло тяжелое дѣтство, прошла и не легкая юность. Аввакумъ Благонравовъ сдѣлался молодымъ человѣкомъ, окончилъ курсъ въ семинаріи, бодро и безропотно вынесши на своихъ плечахъ всевозможныя невзгоды и лишенія, сопряженныя съ бѣдностью. Но и вождѣленный аттестатъ объ окончаніи курса не спасъ его тяжелой борьбы съ безвыходной нуждою и бѣдностью, съ гнетущей заботой о насущномъ кускѣ хлѣба. Куда идти? куда поступить? вотъ тѣ вопросы, которые долженъ былъ разрѣшить молодой Благонравовъ, вступая въ жизнь. Но до разрѣшенія этихъ вопросовъ, до пріисканія сколько-нибудь обезпечивающаго мѣста нужно было «кормиться», и молодой Благонравовъ съ стѣсненнымъ сердцемъ перешелъ до поры до времени на родительскіе хлѣба. Но вотъ онъ занялъ мѣсто учителя въ церковно-приходской школѣ съ жалованьемъ по десяти рублей въ мѣсяцъ изъ средствъ школьнаго попечителя. Радости молодого человѣка не было границъ!...

Прошелъ мѣсяцъ, и Благонравовъ получилъ *первое* жалованье, заработанное *собственнымъ трудомъ*!... Что чувствовалъ онъ, съ какою нѣжностью поминутно ощупывая въ карманѣ двѣ золотыхъ пятирублевки, понятно для каждаго, кто бывалъ въ положеніи Благонравова. Къ вечеру того же дня къ нему пришелъ пѣшкомъ за 50 верстъ отецъ, и Благонравовъ раздѣлилъ скудное жалованье свое пополамъ съ нуждающимся родителемъ, оставивъ себѣ пять рублей на столъ, платье и прочія надобности. Съ тѣхъ поръ отецъ его каждый мѣсяцъ аккуратно являлся за своей долей, и сынъ безропотно дѣлилъ свое десяти рублевое жалованье пополамъ съ родителемъ. Одно поддерживало его среди тяжелыхъ лишеній—мечта въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ получить священническое мѣсто.

Наконецъ, мечта эта осуществилась; Благонравовъ женился на бѣдной діаконской сиротѣ и получилъ мѣсто приходскаго священника.

III.

Не ласково встрѣтила о. Аввакума жизнь и въ новомъ положеніи сельскаго пастыря. Приходъ его на половину состоялъ изъ старообрядцевъ и различныхъ сектантовъ, въ высшей степени враждебно относившихся къ церковному причту. Доходы молодого батюшки были болѣе чѣмъ скудные, а насущныя потребности житейскія съ каждымъ годомъ требовали неотложныхъ расходовъ. На первыхъ порахъ нужно было поставить кое-какіе постройки, обзавестись различными хозяйственными принадлежностями, пріобрѣсть самое необходимое и по дому. А доходъ почти не превышалъ прежняго учительскаго жалованья. Трудно было начало службы и семейной жизни о. Аввакума! Мучили его душевныя страданія за прихожанъ, удалившихся изъ лона св. церкви православной, мучила и нужда житейская. Но юный пастырь не терялъ надежды на милость Божію и съ полной покорностью промыслу мирился съ своимъ положеніемъ. Не имѣя возможности удѣлять нуждающимся что-либо отъ скудности своей, о. Аввакумъ явился горячимъ молитвенникомъ предъ Господомъ не только за своихъ прихожанъ и чадъ духовныхъ, но и за всѣхъ знаемыхъ. Особенно усердно молился о. Аввакумъ объ умершихъ. Гдѣ бы и кто бы ни скончался, лишь только доходило свѣдѣніе объ этомъ до о. Аввакума, онъ тотчасъ же заносилъ имя умершаго въ нарочито заведенную для этого толстую тетрадь на всегдашнее поминовеніе и неустанно поминалъ усопшихъ не только въ церкви, но и въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ, стоя предъ иконами по нѣсколько часовъ кряду. Продолжительныя молитвы о. Аввакума и ежедневныя поминовенія имъ усопшихъ нерѣдко возбуждали неудовольствіе со стороны матушки, не знавшей, за домашними работами и хлопотами съ дѣтьми, ни минуты покою.

— Да что ты все утро стоишь предъ образами? Молись въ церкви, а здѣсь, на дому-то, некогда молиться по цѣлымъ часамъ: воинъ воды нѣтъ, дровъ некому внести, —говорила она съ укоромъ.

— Молитва отъ всѣхъ напастей спасаетъ, матушка, — успокоительно отвѣчалъ на это о. Аввакумъ.

— Да оно-то такъ, я не противъ молитвы говорю; да ужъ очень нужда-то замаяла, вотъ иной разъ съ сердца и скажешь лишнее слово.

— Что дѣлать, мой другъ, потерпимъ въ сей скоропреходящей жизни: Господь смилуется надъ нами грѣшными въ жизни вѣчной. Знаешь притчу Господню о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ. И внимай слову Господню.

— А я хотѣла, Аввакумъ Петровичъ, попросить тебя съѣздить ко владыкѣ—разсказать про нашу нужду: быть можетъ, онъ смилуется и переведетъ тебя на лучшій приходъ?

— Ахъ, матушка, гдѣ ужъ намъ, бѣднымъ, безпокоить владыку! У него и безъ насъ не мало воздыхателей о своихъ нуждахъ, всѣхъ не устроишь на лучшіе приходы. Чтобы хорошій-то приходъ получить, нужно имѣть и заслуги и ходатаевъ; а у меня какія заслуги, и какіе за насъ съ тобою предстанутъ ходатаи?...

Но ходатаи эти явились за о. Аввакума, и предстали они предъ владыкой со своими за него просьбами безъ вѣдома самого о. Аввакума, рѣшительно ничего не подозрѣвавшаго.

IV.

Случилось такъ, что освободилось священническое мѣсто въ самомъ богатомъ во всей епархіи фабричномъ приходѣ. Не успѣлъ пройти слухъ объ этомъ, какъ на вакантное мѣсто подано было до двухсотъ прошеній. Были здѣсь прошенія и заслуженныхъ протоіереевъ, и благочинныхъ, и преподавателей семинаріи; за одного изъ просителей, духовника губернаторскаго, просилъ владыку отдѣльнымъ рекомендательнымъ письмомъ самъ губернаторъ.

Пересмотрѣвши всѣ прошенія и не остановившись еще ни на комъ изъ просителей, преосвященный, послѣ многочисленныхъ дневныхъ занятій и пріема различныхъ просителей, легъ, наконецъ спать. Едва закрылъ онъ глаза, и еще не успѣлъ даже вздремнуть, какъ вдругъ предъ нимъ, какъ наяву, предстала громадная толпа самыхъ разнородныхъ людей—мужчинъ и женщинъ. Между ними были и богатые, и бѣдные, и совершенно нищіе. Эти странные люди всѣ въ одинъ голосъ обратились къ владыкѣ съ просьбой перемѣстить на освободившійся богатый приходъ совсѣмъ неизвѣстнаго ему священника о. Аввакума Благонравова. Владыка, не придавъ этому видѣнію значенія, сотворилъ крестное знаменіе и вскорѣ заснулъ. Но едва онъ заснулъ, какъ предъ нимъ вновь предстала та же толпа просителей, молившая уважить ихъ просьбу о назначеніи въ фабричный приходъ о. Аввакума.

— Кто вы и откуда пришли ко мнѣ въ такомъ множествѣ?— спросилъ владыка необычайныхъ просителей.

— Мы—умершіе, духомъ своимъ обитаемъ въ обителяхъ Царя Небеснаго, по молитвамъ усерднаго богомольца за насъ о. Аввакума, поминающаго насъ и молящагося ежедневно за насъ предъ Царемъ Небеснымъ.

Сказавъ это, они мгновенно скрылись.

Владыка, вставъ утромъ, съ постели, обратился съ молитвой къ Господу, прося вразумить его въ разрѣшеніи вопроса о назначеніи служителя Божія на освободившуюся ваканцію. Въ то же время онъ приказалъ своему домашнему секретарю немедленно навести справку въ консисторіи, въ какомъ приходѣ служитъ священникъ Аввакумъ Благонравовъ, съ тѣмъ, что бы вызвать его для личныхъ объясненій.

V.

Справка была наведена секретаремъ, и тотчасъ же дано было предписаніе благочинному сообщить священнику Аввакуму Благонравову о безотлагательной явкѣ его къ преосвященному. Прошло около трехъ недѣль, пока распоряженіе владыки сдѣлалось, наконецъ, извѣстнымъ о. Аввакуму, къ немалому его удивленію и къ еще большей заботѣ о томъ, гдѣ взять денегъ на поѣздку въ губернскій городъ. Но въ этой заботѣ помогъ ему о. благочинный, одолживъ заимообразно небольшую сумму.

Съ спокойной совѣстью переступилъ о. Аввакумъ черезъ порогъ пріемной преосвященнаго. Но удивленію владыки не было границъ. При взглядѣ на о. Аввакума, онъ тотчасъ же узналъ того именно священника, котораго такъ ясно видѣлъ во снѣ въ минувшую ночь! Во всемъ этомъ святитель узрѣлъ перстъ Божій, указавшій избранника на вакантный приходъ. Бесѣдуя съ о. Аввакумомъ, преосвященный сообщилъ, что ходатаями за него были тѣ усопшіе, которыхъ о. Аввакумъ ежедневно поминаетъ въ своихъ молитвахъ, прося имъ царствія небеснаго.

— Твои ходатаи,—не знатные родомъ,—сказалъ владыка,— превозмогли ходатайство сильныхъ міра сего. Я тебя, о. Аввакумъ, назначаю на приходъ, на который явилось около двухсотъ просителей. Не оставь и меня грѣшнаго въ усердныхъ молитвахъ своихъ, когда настанетъ конецъ земнаго странствія моего.

Такъ о. Аввакумъ сдѣлался служителемъ храма Божія въ пер-

вомъ приходѣ цѣлой епархіи, по просьбѣ загробныхъ ходатаевъ, о которыхъ онъ не перестаетъ и теперь молиться, поминая въ своихъ молитвахъ и владыку, отошедшаго уже въ обители вѣчныя. («Рук. для сельск. Пастыр.» 1900 г.)

36. „Нынѣ отпущаеши"...

Народное преданіе.

Простившись съ любезною женою своею, молодой священникъ о. Петръ, только что назначенный на мѣсто недавно умершаго о Тимоѳея, вышелъ изъ небольшого своего домика, для совершенія литургіи и направился въ церковь.

— Я,—говорила ему молодая попадья, закрывая за нимъ двери, —какъ управлюсь—прійду.

—Ладно, ладно! отвѣтилъ священникъ, не оглядываясь и торопясь къ церкви.

День былъ воскресный, народу къ церкви пришло много. Главною причиною многолюдія было то, что обѣдню долженъ былъ служить въ первый разъ новый священникъ.

Только что вчера прибылъ въ людное село молодой священникъ; свѣжее, румяное лице его, густые, свѣтлые волосы, добрый взглядъ и благорасположеніе вызвали въ прихожанахъ пріятные для него толки, въ особенности по сравненію съ умершимъ о. Тимоѳеемъ. Противоположность между обоими священниками была самая полная.

О. Петръ служилъ хорошо, внятно; голосъ его раздавался чистый, не такой беззвучный—какъ у покойнаго о. Тимоѳея, и прихожане остались довольны. Доволенъ былъ и священникъ тою тишиною, которая царствовала въ храмѣ. Наступила минута торжественная: священникъ закрылъ царскія врата; и псаломщикъ запѣлъ причастный стихъ.

Вдругъ, въ полномъ свѣтѣ яснаго утренняго солнца весенняго привидѣлось молящемуся священнику какое—то темное обличье человѣка за алтаремъ. —Кто?... Откуда вошелъ?... Зачѣмъ?... мелькнуло въ мысляхъ о. Петра. Молитва его прервалась. Поднятыя на молитву руки опустились...

Между тѣмъ, призракъ становился все яснѣе и яснѣе; сквозь солнечные лучи, скользившіе изъ окна яркими снопами по голубому дыму ладона, о. Петръ ясно отличилъ на призракѣ священническое одѣяніе, а на рукахъ—кандалы. Сквозь покровы какъ—бы видѣлись кости человѣка, и синебагровымъ пятномъ обозначалось оплывшее сердце... Подъ тяжестью кандаловъ руки призрака были опущены; изможженое, желтое, худое лицо было изрыто глубокими морщинами, а неспокойные глаза то—и—дѣло переходили съ о. Петра на ближайшій къ иконостасу уголъ алтаря, въ которомъ стоялъ какой—то не то ящикъ, не то сундукъ.

О. Петръ, безсознательно пріостановившій свою молитву, началъ—было собираться съ мыслями, и сердце его стало биться спокойнѣе, хотя и при видѣ призрака, какъ вдругъ видѣніе медленно двинулось къ нему подняло руки, потрясло цѣпями и начало приближаться. Захолонуло въ сердцѣ о. Петра, затуманилось у него въ глазахъ, а длинныя складки одѣянія приближавшагося призрака шевелились... Но, когда уже приближавшееся видѣніе схватилось правою рукою за свое синебагровое сердце и какъ будто силилось сказать что—то о. Петру,—не вынесъ этого молодой священникъ и грохнулся мертвымъ предъ алтаремъ.

Вотъ уже пропѣтъ причастный стихъ, а врата не открываются. Поднимается шопотъ, говоръ, ропотъ... И церковный староста рѣшается, наконецъ, по настоянію прихожанъ, войти въ алтарь... Вошелъ и видитъ предъ собою неожиданно умершаго священника... Лицо покойнаго было искажено судорогою и ротъ полуоткрытъ.

Повалила испуганная толпа изъ церкви, и ничего не могла понять изъ отвѣтовъ уходившихъ молодая попадья, только что подошедшая къ паперти церковной со своею сестрою. Только и слышалось имъ:

— Умеръ!... Вдругъ!... Кара небесная... Грѣхъ на насъ тяжелый... Спаси насъ, Господи!... Бѣдный...

Когда, наконецъ, толпа, стремившаяся изъ церкви, поредѣла, и попадья могла протискаться, она кинулась впередъ и хотѣла—было вбѣжать въ самый алтарь, но староста церковный и другіе люди не пустили ее.

Прошелъ съ небольшимъ мѣсяцъ послѣ только что разсказаннаго какъ назначенъ былъ новый священникъ, тоже молодой, и съ нимъ совершилось совершенно тоже самое: передъ причастіемъ онъ упалъ мертвымъ, между закрытыхъ дверей царскихъ и престоломъ...

Когда дѣло стало важнымъ, общеизвѣстнымъ, дошло до властей, до архіерея, и никто рѣшительно не хотѣлъ идти священствовать въ осиротѣлую церковь.

Неизвѣстно, что случилось бы, если бы не старенькій инокъ Димитрій, скромный по духу и крѣпкій въ молитвѣ; онъ въ недальней отъ осиротѣвшей церкви обители своей, услыхалъ о совершившемся и рѣшилъ принести себя на закатѣ дней своихъ въ жертву.

—Если никто не пойдетъ, такъ я пошелъ бы,—сказалъ онъ,—если бы былъ рукоположенъ во священники и могъ бы вознести безкровную жертву предъ престоломъ Божіимъ, вознести ее хоть единожды, а тамъ—и помретъ.

Доложили объ этомъ архіерею; подивился иноку владыко, велѣлъ позвать его,—благословилъ, рукоположилъ и поставилъ священникомъ въ осиротѣлую церковь.

Въ давно не открывавшуюся церковь, въ ожиданіи перваго служенія обѣдни вновь поставленнымъ старичкомъ-священникомъ, повалило множество народа. На этотъ разъ стояла на дворѣ снѣжная, суровая зима; выдался воскресный день ясный, морозный.

— Что-то будетъ? Что-то будетъ? слышалось въ толпѣ, и ожиданіе чего-то несомнѣнно страшнаго, удручающаго чуялось въ каждомъ сердцѣ.

Началась обѣдня. Вотъ уже пресуществились св. Дары, пропѣто «Отче нашъ», царскія двери закрыты и завѣса задернута.

Страшная близилась минута для о. Димитрія; старческое сердце его не оставалось безотвѣтнымъ общему боязливому настроенію, во слова молитвы и чинъ церковной поддерживали его.

— Господи!—думалось іерею. Если нужна Тебѣ жизнь моя, возьми ее, Отче, но дай мнѣ совершить на долгомъ вѣку моемъ хотя бы единую, первую и послѣднюю, литургію, дабы вознести мнѣ безкровную жертву и сказать, какъ было сказано: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“...

Шелохнулось что-то въ сторонѣ отъ престола, какъ бы цѣпи звякнули... Испуганно повернулъ о. Димитрій свою голову въ сторону звука цѣпи и здрогнулъ всѣмъ старческимъ тѣломъ своимъ.

Въ такомъ же точно, какъ и онъ, облаченіи, въ углу, между стѣною храма и иконостасомъ, на окованномъ жестью сундукѣ, сидѣлъ, не отъ міра сего, священникъ. Опущена была долу его голова и висѣли по бокамъ руки, отягощенныя цѣпями; осунулось и мерт-

венно блѣдное морщинистое лицо его; узенькая бородка упиралась въ грудь и сѣдые волосы на головѣ были растрепаны.

Не переставалъ дрожать о. Димитрій. На клиросѣ пропѣтъ причастенъ, и слова церковнаго служенія какъ бы сами собою сказаны испуганнымъ священникомъ.

Время отдернуть завѣсу и отворить царскія двери.—Недвиженъ, безмолвствуетъ іерей; и видитъ онъ, что страшный призракъ поднимается со своего сидѣнья, отходитъ въ сторону, взглядываетъ одинъ только разъ на священника своимъ тяжелымъ, умоляющимъ взоромъ, показываетъ руками на сундукъ, на которомъ только что сидѣлъ, и... исчезаетъ.

Нашептывая молитву, подошелъ о. Димитрій къ завѣсѣ церковной и дрожащими руками отдернулъ ее... Живые и безчетные возгласы паствы немедленно раздались по всему храму, точно будто со звяканіемъ колецъ отдернутой завѣсы спало съ душъ людскихъ что-то неописуемое тяжкое, какое-то необъяснимое навожденіе. Отверзлись врата царскія, и еще не оправившійся отъ страха старецъ-іерей возгласилъ дрожащимъ голосомъ: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите»...

Когда окончилась обѣдня, паства приняла благословеніе и начала расходиться; радостью были преисполнены сердца молящихся, и на всѣхъ устахъ слышалось имя новаго старца іерея.

Первымъ дѣломъ о. Димитрія, послѣ ухода людей изъ церкви, было обратиться къ старостѣ церковному и открыть сундукъ. Онъ оказался набитымъ сверху до низу поминальными грамотками, которыя покойный о. Тимоѳей, за недосугомъ, или почему либо другому, откладывалъ въ ящикъ, а заказываемыхъ панихидъ почти не служилъ; грамотки, за смертью его, остались непрочитанными, т. е. взывавшими къ прочтенію, и о. Димитрій, больше мѣсяца совершалъ панихиды и отчитывалъ грамотки. Послѣ этого, онъ отслужилъ заупокойную литургію по душѣ своего грѣшнаго предшественника и долгое, очень долгое время священствовалъ въ своей церкви.

Но пришло и о. Димитрію время отойти въ вѣчность. Медленно приближалась смерть его. Молва о болѣзни старца разнеслась по всей округѣ и дошла до настоятеля того монастыря, изъ котораго прибылъ въ деревню инокъ Димитрій. Настоятель самъ пріѣхалъ къ болящему и совершилъ елеосвященіе.

Умиравшій на 90 году отъ роду, старецъ былъ въ полной па-

мяти, и настоятель распрашивалъ его о подробностяхъ всего совершившагося во время служенія первой литургіи. Выслушавъ разсказъ, онъ спросилъ:

— А послѣ того, отче Димитріе, ты никогда больше не видѣлъ призрака?—Видѣлъ нѣсколько разъ! отвѣтилъ старецъ.—И еще даже недавно. Предсталъ онъ мнѣ во снѣ... Не было на немъ печати отверженія... Ризы его были свѣтлы... О цѣпяхъ, звяканье которыхъ я слышалъ, не осталось и помину... И почувствовалъ я тогда же, что это значитъ, что и мнѣ пришелъ конецъ, и увидѣлъ я тогда же, —ну вотъ точно какъ теперь вижу, отче настоятель,—также и Богородицу Приснодѣву... «Нынѣ отпущаеши раба Твоего» ...—изрекъ мнѣ призракъ, изрекъ ему вслѣдъ то же и я...

Замолчалъ на этомъ словѣ о. Димитрій и отошелъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія... Настоятель, не догадавшійся объ этой тихой кончинѣ, долго еще прислушивался; но усопшій больше не говорилъ... («Сельск. Вѣстн.» «Богъ Помочь» 3-я кн. 1897 года).

Г. Камышловъ,
Перм. губ. село Каширское

Священникъ Евлампій Бирюковъ.

Оглавленіе.

№№		Стран.
1.	Вліяніе молитвы Митрополита Филарета Московскаго	5
2.	Случай изъ жизни Митрополита Московскаго	6
3.	Митрополитъ Филаретъ Московскій въ отношеніи къ дѣламъ милосердія	6
4.	Митрополитъ Филаретъ и его школьный товарищъ—іерей Іоаннъ	8
5.	Замѣчательный случай прозорливости Святит. Филарета Митрополита Московскаго	12
6.	Воспоминаніе объ одномъ распоряженіи Митрополита Филарета въ святую четыредесятницу	14
7.	Разсказъ о Митрополитѣ Филаретѣ Московскомъ	15
8.	Мудрость богомудраго	18
9.	Какъ Митрополитъ Филаретъ Московскій исцѣлилъ больного отъ запоя	19
10.	Изъ жизни покойнаго Митрополита Кіевскаго Платона	21
11.	Какъ велъ бесѣды съ раскольниками Митропол. Кіевскій Платонъ	23
12.	Митрополитъ Платонъ Кіевскій о явленіи ангеловъ и душъ отшедшихъ въ загробный міръ	28
13.	Благодѣтельность и благодарность	30
14.	Изъ воспоминаній о Митрополитѣ Иендорѣ Кіевскомъ	33
15.	Къ воспоминаніямъ о высокопреосв. Филаретѣ Митропол. Кіевскомъ	34
16.	Истинное чудо при жизни Митропол. Кіевскаго Филарета	35
17.	Наказаніе Божіе за непочтеніе къ православному епископу	37
18.	Изъ жизни Митрополита С.-Петербургскаго Григорія	40
19.	Къ біографіи Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Никанора	43
20.	Архипастырское правосудіе	48
21.	Добрый архипастырь	51
22.	Случай изъ жизни Преосвящен. Димитрія Херсонскаго	53
23.	Эпизодъ изъ Крымской войны	57
24.	Изъ воспоминаній о преосвящ. Варлаамѣ Пензенскомъ	58
25.	Устные разсказы объ Архіепископѣ Смарагдѣ-Крыжановскомъ	63
26.	Къ характеристикѣ Архіепископа Доната	68
27.	Замѣчательная кончина (воспом. врача)	71
28.	Высокопреосвящ. Аполлосъ Архіепископъ Вятскій	74
29.	Не бойся встрѣчи со священникомъ	77
30.	Опасно оскорблять священника	78

31. Чудесное исцѣленіе больного, полученное отъ мощей св. въ антиминсѣ 79
32. Сила молитвы Господней 82
33. Необыкновенное приключеніе со священникомъ . . . 83
34. Спасительный голосъ изъ страны загробной 86
35. Загробные ходатаи 87
36. «Нынѣ отпущаеши»... (народн. предан.) . . . 92

II 2292